

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№8 2010

Повесть:

Александр Григоров
«ПРОБЕЛ»

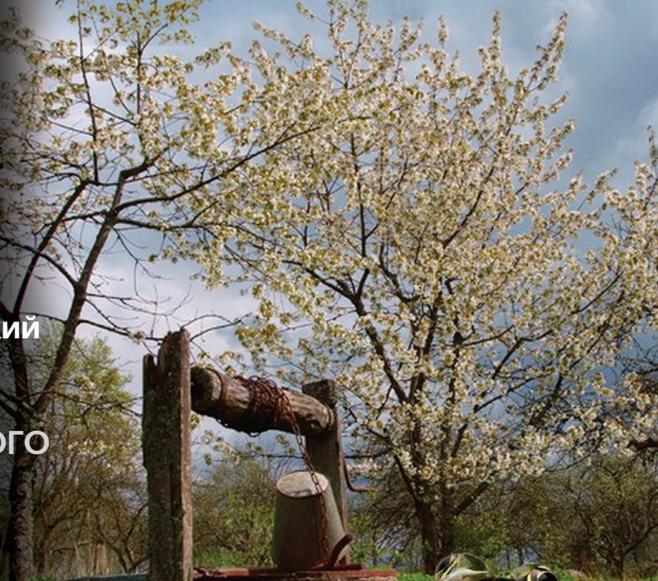
Рассказы:

Сергей Кусков
«САМОЗВАНЕЦ»

Леонид Шустерман
«ДУХ ФОН НОЙМАНА»

Критика:

А. Бойков, С. Жарковский
«ГОТОВЫ ЛИ ЗЕМЛЯНЕ
К КОНТАКТУ В ЭПОХУ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО
НЕОЛИТА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 (84) 2010

1. Александр Григоров	/ПРОБЕЛ	3
2. Ната Чернышева	/СИМФОНΙΑ МИРА	85
3. Сергей Кусков	/САМОЗВАНЕЦ	101
4. Леонид Шустерман	/ДУХ ФОН НОЙМАНА.	113
5. Александр Матюхин	/Я — СНОВИДЕНИЕ	123
6. Евгения Горац	/ПРОШЕНИЕ	131
7. Алексей Ерошин	/ЗВЕРЬ КАМЕННЫЙ	137

Детская страничка

8. Олександра Усманова, Ольга Пошуруєва	/МАНДРІВНИЙ ЖАБ.	141

Критика

9. А. Бойков, С. Жарковский	/ГОТОВЫ ЛИ ЗЕМЛЯНЕ К КОНТАКТУ
В ЭПОХУ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО НЕОЛИТА? . . . | 160 |
|-----------------------------|---|-----|

Рецензии и отзывы

10. Галина Каргальская	/ИГРЫ РАЗУМА В ДОМИНО	166
11. Иван Попов	/ПУТЬ К СЕБЕ	170
12. Kkk72	/В РИТМЕ ПАНК-РОКА	172

Кинопортал

13. Лев Гурский	/«МОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ВСЕГДА ПОЛНЫМ-ПОЛНО...» . .	174

Opus mixtum

14. Новости свежие, прекрасные		179

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ПРОБЕЛ

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Последняя запись.

«С самого возеикновения письменности чевеелечество прлшио некъослко этпаов ошетнония к ней. Првеотныбый чевлоек разыскавал итриои на стнеах пеещр с пощмоью рискунов. Знаем они преватирились в иогерлифы, которые озчанаии чстаи расказа — свлоа. Позже слвоа расапились на слгои, а солги — на бкуввы. Они и стаии на врмея эмелентраными часицтаии яызка. Но высянлоись, что их мжюно нестаревлять без ущреба для общеого смьсла. Значит, стртуукфра рчеи и письменности сотит на доругм фндаументе».

Мысли Кирилла Крючковца путались тем больше, чем ближе он подъезжал к нужной станции. Вечером в метро мало народу — можно вольготно рассесться, достать смартфон и читать. За такую роскошь приходится платить: удобная поза располагает ко сну. Так и проходит поездка — в борьбе между дремой и попытками уловить смысл прочитанного.

Пока Кирилл побеждал. Но спать хотелось неизмерно. Особенность работы верстальщика: неделю валяешь дурака, а перед подписанием номера в печать вкальваешь за двоих. Новости не только живут один день, они имеют противное свойство появляться в последний момент. И рад бы подогнуть журналиста, но ничего не поделаешь.

Кирилл успевал работать в двух изданиях, дни выхода которых разнились. Плюс подрабатывал корректором: грамотных людей почему-то не хватало. Он знал: только тот, кто много работает, имеет право пенять на трудности. Сам этим правом не пользовался — некогда. Крючковец мог бросить обе работы в любой момент — позволяли заработки родственников. Однако тогда он не был бы тем Кириллом, которого в свое время знал весь филологический факультет — симпатичным здоровяком, блондином с пытливыми глазами, нелогично смотрящимся в компании будущих «училок».словно откормленный породистый пес, которому место на лугах, возле отары, а он — в замшелом курятнике. Безделье наверняка превратило бы его в толстого до неуклюжести бизнесмена, читающего лишь телетекст и сообщения в телефоне.

Никакого волшебства: просто бери деньги у тестя.

Крючковец такую философию не признавал и трудился самоотверженно. Будто играл, веруя в правила, собою придуманные. Когда жена Аня покупала новый плазменный телевизор или представительский седан, Кирилл искренне удивлялся — откуда? Ведь супруга работала рядовым менеджером в отцовской компании.

Во всяком случае, она сама так говорила.

Кирилл считал Аню идеальной женщиной. Внешность интересовала его мало, он искал красоту в сути человеческой. Вспомнить тех же очкариков-однокурсниц — ничего зазорного в их обществе Крючковец не находил. Он и сам первые два курса носил очки. Затем сменил их на контактные линзы.

Всматриваясь в крупный шрифт текста, Кирилл ловил себя на том, что отвлекается.

Буквы глотаются автоматически и никакой информации не несут. Внимание привлекает что-то другое, находящееся за пределами экрана. Думать хочется о разном. В чем смысл жизни? Когда я начну работать на себя? Сколько денег нужно для полного счастья и зачем, черт побери, они пишут такие романы, от которых жутко клонит в сон?

Главное — не проспать остановку...

...Проснулся он оттого, что кто-то дергал за плечо. «Наверное, проспал, заехал в депо, милиционер разбудил, спасибочтопокарманамнелазил», — спросонья Кирилл толком не рассмотрел побудчика и рванул в открытую дверь (поезд стоял на станции), а дальше — по ступенькам, к выходу.

Бормоча оправдания, Кирилл семенил по туннелю. В спешке не заметил отсутствия рекламы и ларьков. А когда вынырнул в прохладный, но приятный осенний вечер, не обратил внимания на троих молодчиков, стоящих поодаль.

С полузакрытыми глазами устремился домой, еще не зная, что находится в гостях.

Они настигли прохожего в середине аллен. Окликнули, остановили, окружили. Кирилл поднял взгляд с мокрого асфальта. Вечером, когда контуры смазаны мраком, трудно говорить с уверенностью, где что находится. Свой район Кирилл знал, а этот — нет.

Стало неудобно.

Попятился, чтобы не оставлять противника за спиной. Схватки корректор не боялся. Хотя трое на одного, пусть и физически развитого, — многовато. Надвигаясь, один из троицы вышел в полосу света. Одежда на незнакомце была странной: подобие туники с фирменным знаком на груди, облегающие брюки и ботинки с высоким голенищем. С учетом погоды, парень оделся легко.

Упершись в скамейку, Кирилл остановился. Трое стали кругом. Подошли близко, можно разглядеть лица: наглые, самоуверенные. Мелькнула тень — тот, который сзади, поднял руку...

— Не-не-не-не-не! — донеслось из кустов. Через мгновение оттуда появился маленький худенький человечек. В руках он держал поводок, уходящий в заросли. Человечек отряхнулся, поправил накидку и строго посмотрел на поздних гуляк. — Нападение?! — Малыш смело двинулся на хулиганов. Из кустов вынырнула собачонка и засеменила вслед хозяину. — Ц-ц-ц. Трое на одного.

— Ты, дядя, шел бы своей дорогой... — попросил здоровый детина.

— Что-что? — человечек подошел ближе и привстал на цыпочки.

— Непонятно, что ли? Иди, куда шел, — прогнусавил тот, кто стоял сзади.

Коротышка резко обернулся. Все четверо застыли, глядя друг на друга. Напряжение чувствовалось такое, будто защитники футбольной команды молча решали, кто виноват в пропущенном голе. Глаза мелькали белками в полутьме, смягченной отблесками фонаря.

На шеех вздулись жилы. Глаза остекленели.

Собака то рычала, то поскуливала.

Человечек громко выдохнул и чуть осел.

Изо рта детины брызнула слюна.

Происходило какое-то потустороннее действие, внешне незаметное. Кирилл в растерянности вертел головой.

Один из парней качнулся, но устоял. Прохожий резко склонил голову. Другой молодчик втянул живот и тут же выпрямился.

Все это они проделывали с застывшими лицами, глядя перед собой.

Нужно было действовать, но Кирилл не знал, как — испугался. Из ступора его вывел звук упавшего тела. Это рухнул человечек. Троица продолжала стоять со сжатыми кулаками. Крючковец попрощался с остатками сонливости и обратился к гнусавому.

— Что с ним? — Кирилл тронул парня за предплечье. Тот не шелохнулся. — Слыпишь?

Пришлось потеревить молчуна за складку туники. Ноль эффекта.

Кирилл легонько толкнул истукана в спину.

Трое хулиганов, как по команде, очнулись. Свели взгляды на Кирилле.

— Ну вот, другое дело! — от такого внимания Крючковец повеселел. — А то стоите, как памятники...

Чтобы убедиться, что молодчики действительно ожили, он дружески хлопнул по плечу ближайшего из них — худого с длинным носом. Тот вскрикнул, шагнул назад, поскользнулся на мокрой листве. Упал, поднялся и опрометью бросился по аллее. Подельники тоже попятились, но в другую сторону, обратно к метро. Кирилл развел руки в стороны, показывая — драться не намерен. Но пацаны уже неслись по дорожке, мелькая в полосках света.

— Беспределишь? — раздалось со спины.

Коротышка сидел на земле, держась за левый глаз. Кирилл помог ему подняться и присесть на лавочку.

— Просто хотел в чувства привести.

— Круто.

— Послушай, я его почти не трогал.

— Я видел.

— Что ты видел?

Коротышка порылся в карманах и уголком рта ответил:

— Ладно, спасибо.

Человечек достал сигарету и прикурил. Пока горел огонь, Кирилл успел заметить кучерявую рыжую шевелюру и россыпь веснушек.

— Если честно, испугался я очень. — Крючковец понурил голову.

— Немудрено. Отделали.

Рыжий потер щеку.

— Так вы что, дрались?!

— В шахматы играли! — хмыкнул Коротышка. — Ох, спину застухило.

Он задрал тунику и стал массировать больное место левой рукой. Под мешковатым балахоном мелькнула тельняшка. Правую руку протянул Кириллу.

— Андрюха.

— Кирилл.

— Тебе куда?

— Домой, на Корчагинцев.

— Нет здесь такой улицы.

— Как нет? Вот за этим домом будет девятиэтажка, потом «свечка». —

Кирилл и сам слабо верил, что так оно и есть.

Андрюха пристально посмотрел на нового знакомого и цокнул языком.

— Не местный. У меня переночуешь.

— Мне до дома десять минут ходу.

— Идем, — рыжий повернулся спиной и поднял с асфальта поводок.

Собака появилась из-за дерева. — Милиция зафиксировала.

— Что тут фиксировать?

Сверху донесся рокот.

— Нарисовались, — Андрюха взял собаку на руки. — Побежали, Стрopa!

На бегу особо размышлять не получается. Ни во время пробежки трусцой, ни в погоне. Пока бежали, Кирилл про себя удивлялся манере, с которой говорил Андрюха. Словно дрова рубил, резко опускал топор на чурку.

Местность Крючковец не узнал — сплошь шикарные коттеджи. Беглецы добрались до перекрестка и свернули на щебенку. Андрюха остановился, вынул ключи и отпер ворота.

— Заходи, — пропустил гостя, закрыл калитку и поставил Строру на землю.

Обстановка в доме была завидная. Жилище оказалось просторным — со двора и не скажешь. Одним словом — поместье.

— Здорово у тебя, — Кирилл стянул ботинки и надел комнатные туфли.

Назвать их тапочками было бы оскорбительно. — Ты кто, Андрюха? Олигарх, что ли?

Хозяин ответил из конца коридора, где, судя по запаху, находилась кухня:

— Сторож. — Пока слово летело к Кириллу, оно успело пропитаться ароматами кофе и горячих бутербродов. Поэтому дошло до мозга позже положенного.

— Что же ты сторожишь?

Андрей вкатил в комнату уставленный яствами столик.

— Овощи, — буркнул хозяин и снова исчез в дебрях жилплощади.

Закусками и кофе не ограничились, — выпили по паре-тройке рюмочек коньяку. Полился разговор — насколько это позволяла «общительность» Андрея.

Здесь материальные ценности во многом уступают духовным. Район, где живет Андрюха, сплошь состоит из особняков дворников, слесарей, рядовых менеджеров и им подобных «пролетов». В центре города (его название осталось без изменений) ютятся в маленьких комнатुшках труженики от интеллекта — «думатели». У первых — много денег, у вторых полно астров — мыслительной валюты. Если ее нет — все равно, какая сумма наличных в кармане: не возникнет желания что-либо покупать. Те, у кого нет фантазии, живут роскошно и сытно, зато без устремлений. В тиши, спокойствии и стабильности. А те, кто знает, как потратить деньги, видеть их не хотят. Используют «питательный минимум», как выразился Андрюха. Редко, но случаются те, которые и умом сильны, и деньгами богаты. Переправщики. Сами по натуре думатели, они продают идеи и интеллектуальную рабочую силу, имея с того процент. Работяги ненавидят переправщиков: те, дескать, крадут народные деньги. На самом деле — завидуют: поменять придумку на купюры можно, а наоборот — нельзя.

— И ты, значит, тоже завидуешь? — Кирилл выпил и погрузил ломтик лимона в сахар.

— Нет, — морщась от послевкусия, ответил Андрюха.

— Ты же «пролет»?

— Да.

— Так почему спокойно терпишь думателей и переправщиков? — Крючковец захмелел и ступил на грань между юмором и издевкой. — А ну как взять все мысли и поделить?

— Своих идей хватит, — хозяин прожевал лимон.

— Я смотрю, ты служивый — китель вон висит, — Кирилл указал на открытый шкаф.

Андрей молча встал и закрыл дверцу:

— В отставке.

— Танкист?

— Летчик.

Андрей стал говорить по несколько слов подряд: давал о себе знать алкоголь.

— Давай спать, — Кирилл зевнул, — где положишь?

— В гостевой спальне.

Хозяин пошел готовить постель. Стропа путался в ногах, напоминал о себе.

— Ты как тут оказался-то, Кирилл? Из подземки? — спросил Андрей в дверях.

Объяснить, что произошло, Крючковец не мог. Да и не хотел — кло-нило в сон.

— Задумался, в чем смысл жизни, — с улыбкой ответил гость.

Сторож медленно задрал подбородок и кивнул.

— На учет тебе стать надо. Завтра сходим.

Перед отходом ко сну Крючковец перехватил хозяина в коридоре:

— Слушай, а что тем троим нужно было? Деньги?

— Нет, — Андрюха перекинул полотенце с одного плеча на другое, — астры.

И пояснил. Во время мысленной схватки человек превращается в сплошной нерв. Смысловой безналичный счет хорошо виден и легко доступен. Любой контакт с физической оболочкой воспринимается, как иголка под ногтем. Потому налетчики так болезненно восприняли дружеские похлопывания Кирилла. Припелец действовал исключительно подло — против установленных правил поединка.

— На чем вы дрались там, в мыслях?

Хозяин замолк и напрягся. Думал, как верно объяснить.

— Руками помахали...

Говорят, во сне мозг человека работает так же интенсивно, как днем. В таком случае Кирилл с головой окунулся в работу, как только улегся на подушку.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Первая неделя.

«Самые прекрасные мгновения жизни человек переживает при отходе ко сну и при пробуждении, когда умом находится здесь, а мыслями — там. Кажется, сон — это перефраз между явью вчерашней и явью завтрашней. Незримая связь между подлежащим и сказуемым, основной и подчиненной частями предложения. По отдельности слова читаются ясно, но смысл поднимается со дна, невидимого под слоем мутной воды. Чтобы разобраться, нужно нырнуть в неприятную теплую жижу и тронуть пятками ил. А потом вылезти и не мыться, пока не прочтешь весь текст, не досмотришь сон полностью и окончательно не проснешься. Человек — существо мнительное и излишне чистоплотное. Норовит уничтожить малейшие следы своего понимания мира. Вместе

с пеной в канализацию стекают золотые крупицы, которых на жизнь вполне хватило бы. На всю жизнь. Вместе с остатками сна мы просачиваемся в реальность, как капля влаги в раскаленный песок, найдя забвение.

Говорите, сон — это всего лишь перерыв на отдых?

Или самая жизнь — длинный и печальный промежуток между сновидениями?

А может быть, сон — и есть жизнь?

Засынай. Ответ придет сам собой».

С утра Кирилл напросился сходить с Андреем в магазин. При свете дня окончательно убедился — он в другом мире. По ровным, чистым, чуть ли не выкрашенным дорогам, чинно двигались шикарные автомобили. Выглядывающие из-за заборов фасады являли образчик аккуратности. Исполнены они были в одном проекте, будто жителям лень ломать голову над внешним видом, и они всем районом наняли одного архитектора.

Супермаркет находился через дорогу от места вчерашнего нападения.

Бывший летчик не мог определиться, что покупать. Сначала Кирилл думал — приценивается. Оказалось проще: Андрюха плохо видел. В этой беде он не был одинок: таких «потерянных» оказался полный маркет. Расфуфыренные женщины бездумно перебирали коробки со сладостями; мужчины в спортивных туниках лениво шаркали сандалиями по полу; дети — вот кто обычно в курсе, что покупать, — и те со скукой тарачились на игрушки. Кирилл быстренько забросил в тележку все необходимое. Окружающие смотрели на него, как язычники на идола. Внимание привлекала одежда: куртка, кофта, джинсы, ботинки. Но главное — проворство дивного покупателя. Победоносно взглянув на кассиршу, Кирилл укатил тележку к выходу и спросил Андрея через плечо:

— Как же ты с таким зрением летчиком служил?

Андрюха положил руку Кириллу на плечо, развернул к себе и посмотрел в глаза:

— Служил!

Всю дорогу до центра города они молчали. Прохожих становилось больше. В людском потоке мелькали камзолы, тоги, туники... Горожане одевались по всему спектру моды — от шкур с костяными украшениями до тех же шкур в бриллиантах и стразах. Но фактура тканей, пошив и дизайн — ультрасовременные.

Андрей остановил машину возле здания с колоннами, которое могло украсить древнегреческий город. На входе висел вмонтированный в стену аппарат. К нему подходили, прислоняли ладонь и спустя секунды отходили.

— Смысловая биржа, — летчик кивнул на автоматически открывающиеся двери, — иди.

Кирилл вышел из машины и направился вверх по ступеням. Андрей его окликнул:

— Не фантазируй — опасно. — Осмотрелся. — Закончишь — дай знать. Он протянул Кириллу похожую на колпачок шариковой ручки вещьцу и жестом показал, — нужно нажимать.

Перед входом висела табличка, на которой, видимо, значилось название учреждения. Написано по-русски, но как-то причудливо. Наметанным взглядом верстальщика Кирилл уловил необычный шрифт с растянутыми интервалами между буквами и словами. Не придав этому особого смысла, гость вошел внутрь.

Огромный зал разделен стеклянной стеной надвое. По ту сторону, возле окошек, сидят девушки в бледно-зеленых тогах. Возле крайнего окна в очереди стоят трое посетителей, сотрудницы с улыбкой смотрят в зал.

— Вы — последний?

Стоящий впереди юноша посмотрел с опаской. Отошел в сторону, пропуская.

— Я за вами буду, — категорично заявил Крючковец, вживаясь в образ завсегдагая очереди: взгляд в сторону, руки — за спину.

Когда подошел черед, из угла зала возник человек в серой стретчевой рясе. Выглядывая из-под капюшона, он приблизился к разделительному стеклу и стал наблюдать.

— Государственный смысловый учет приветствует вас, — слова проползли бегущей строкой по стеклу. Девушка улыбалась сжатыми губами. — Чего желаете: пополнить вклад, снять проценты, перевести астры на другой счет?

— Мне бы узнать, — Кирилл говорил прямо в отверстие, хотя догадался — его слышно, стой он хоть как далеко, — гм... насчет смысла...

Девушка округлила глаза. Кирилл и сам чувствовал, как глупо звучит фраза.словно в магазине спрашиваешь, почему вкус у колбасы. Но, похоже, здесь мысли и идеи — та же еда. И, судя по намерениям давешних хулиганов, они изголодались именно духовно.

— Ваш номер? — спросил монитор.

Кирилл ответил вопросительным взглядом.

— Положите руку на стекло, — скомандовала строка. Крючковец повиновался. Человек в капюшоне приблизился на пару шагов.

Секунды прошли в молчании. На мониторе горели точки. Затем строка ожила:

— Ваших данных нет. Пройдите регистрацию.

Девушка протянула через отверстие плоский предмет, похожий на электронную книгу:

— Заполните, — сказала она звонким голосом.

На экране прибора тем же странным широким шрифтом загорелся первый вопрос: «Фамилия, имя, отчество». Соображая, чем писать, Кирилл посмотрел по сторонам. Девушка скосила взгляд — туда, где на веревке болталась палочка. Кирилл взял стилус и взмахнул, примеряясь к мигающему курсору.

Человек в капюшоне подлетел сзади, схватил Крючковца под локоть и потащил к выходу. Кирилл еле успел бросить аппарат обратно в окошко.

— В чем дело? — Корректор стал, как вкопанный, а незнакомец по инерции дернулся.

— Быстро! — Долетело из-под капюшона.

Кирилл хотел уснуть, на кой ему повиноваться незнакомому и откровенно странному господину. Но девушка по ту сторону стекла сделала пасс рукой — на двери мигнул красный огонек. Коллеги со страхом смотрели то на нее, то на Кирилла с незнакомцем. Монах дернул за ручку выходной двери — заперто.

— Туда! — он указал на стеклянную стену.

Подойдя к преграде, остановился. Через мгновение раздался звук битого стекла — в центре стены образовался проем. Следуя за капюшонам, Кирилл рванул на ту сторону.

Забежали в маленькую комнату, попали в длинный коридор, мигающий красными вспышками. Из динамиков неся тревожный писк. Коридор кончился заблокированной вертушкой. Преодолев ее, беглецы вырвались на воздух.

К ним спешили трое в латах. На ходу они достали короткие толстые трубки. Беглецов и преследователей разделял ступенчатый подъем. Монах откинул капюшон. Блеснула лысина с короткими седыми волосами. Крючковатый нос втянул воздух широкими ноздрями. На Кирилла смотрели усталые глаза с сеточкой сосудов на белке.

— Представь, что летишь! — приказал монах.

— В каком смысле? — Латники сократили расстояние наполовину.

— Закрой глаза и представь!!! — прикрикнул спутник.

Корректор повиновался. Сомкнул веки и представил, как отрывается от мраморной площадки и летит над зданием с колонами и колесницей на фасаде; парит над диковинным городом, неведь откуда взявшимся; порхает над странными людьми: одним не хватает денег, другим — ума. При этом все — счастливы.

Ничего у него не получилось.

Через мгновение Кирилл почувствовал, как незримая сила берет его подмышки и тянет вверх. Сначала — больно, потом — прошло. Никакого удовольствия от полета: все промелькнуло, как во сне.

Может, это и есть всего лишь продолжение сна?

— Приехали...

Комната с высоким потолком. Ровные ряды книг в шкафу диссонируют с общим беспорядком. Седой монах в одних кальсонах бьет подушечками пальцев по столешнице — набирает текст. На стене горит изображение, на котором появляются буквы.

— Приехали, — повторил монах, — вставай.

Кирилл подошел к столу. Седовласый действительно печатал — вытянутым, широким шрифтом, каким были сделаны надписи в городе.

- Меня зовут Захар. У меня вопрос...
- Вообще-то, у меня к вам тоже.
- Тогда задавай первым.
- Как я сюда попал и как отсюда выбраться?

Захар вкратце прояснил положение.

Люди, подобные Кириллу, всегда появлялись в городе ниоткуда и исчезали никуда. Причин никто не знал, кроме переправщиков. Свое название они получили потому, что им приписывалась способность переносить клиентов из одной реальности в другую.

О настоящем предназначении догадались позже.

Захар был потомственным переправщиком и слышал эти истории из отцовских уст. У посредников между деньгами и идеями ходила легенда, мол, астры пришельцев могут перенести переправщика в иную реальность.

— Так вот, оказывается, зачем ты меня сюда притащил! — сказал корректор, глядя на корешки книг. Были среди них и знакомые названия. Кирилл достал один томик. — Можно почитаю?

Монах махнул, не посмотрев на книгу.

— Я не знал, что ты — пришелец. — Захар развел руками. Он оказался куда красноречивее летчика. — Думал, очередной незарегистрированный умник из провинции...

Вспомнив об Андрее, Кирилл спросил, как бы между прочим:

— Скажите, а человек со слабым зрением может служить в летных войсках?

Выяснилось: физическое здоровье не имеет значения.

Если солдат здоров мысленно, он может управлять самолетом. Крутить штурвал не нужно, кнопки жать — тоже. Машина выполняет замыслы пилота, повинуется идеям. В современном воздушном бою побеждает не ловкий, а изобретательный летчик.

—...или взять, к примеру, спорт. — Монах стукнул по столу, на стене появилось изображение стадиона. — Здесь тоже побеждает тот, кто сильнее духом.

Защитники перекатывали мяч на своей половине поля. Нападающие соперника стояли возле центральной линии и не пытались атаковать. После неточного паса мяч выкатился за боковую линию. Теперь игроки другой команды затеяли перепасовку.

Ужасное для любителей футбола зрелище ничем не отличалось от матчей из реальности Кирилла.

— Невозможно смотреть! — Корректор отвернулся.

— А ты представь, что смотришь увлекательнейшую игру.

— Как?!

— Закрой глаза... — скомандовал переправщик, ровно так, как на смысловой бирже.

На трибунах — тишина: видимо, весь стадион сидит и «представляет». Кирилл закрыл глаза, напряг фантазию...

Снова ничего.

— Давай, помогу, — предложил Захар.

Кирилл увидел абсолютно другой матч. Футболисты носились по полю, боролись за подборы и разыгрывали изумительные комбинации. Итогом одной из них стал красавец гол.

— Как это у них получается?

— Не у них — у нас. Владеющий астрами и не такое способен видеть.

— И сколько астров я только что потратил?

— Сотую долю одного. Это не очень затратный вид человеческой деятельности. Вот если бы пел бездарный певец, а подыгрывал ему дворовый гитарист, тогда пришлось бы раскошелиться. Увидеть в хаотичной мазне шедевр — тоже дорогого стоит. Переваривание банального сюжета книги или фильма может влететь в воздержание от обычной еды.

— Но можно не читать, не смотреть, не слушать?

— Вот! — Захар щелкнул пальцами. — Пролеты так и делают. Но ты-то — типичный думатель — без культуры попросту загнешься.

Наставительный тон Захара настолько раздражал, что хотелось спорить — из спортивного интереса, пренебрегая собственной позицией.

— Но я же могу приберечь астры до лучших времен, пока не появятся настоящие произведения искусства! Или положить астры под проценты. Или...

Переправщик кивал, при этом водил в воздухе указательным пальцем, дожидаясь очереди на реплику:

— Так-то оно так. Получишь деньги, построишь дом, купишь машину. Потом обзаведешься семьей, детишек наделаешь, обеспечишь их. А дальше? Угомонишься?

Пришелец задумался. Женившись на Ане, он мог кататься как сыр в масле, но бездельничать не собирался.

— Ну, молчи, молчи, — Захар погасил изображение на стене, — хоть замолчишь тут. У тебя есть то, чего нет у пролетов — смысл! Они с ним пролетели либо при рождении, либо в процессе дурного воспитания.

— Я думал, «пролет» — это от слова «пролетарий».

— Типичная ошибка. Копаешь глубоко, хочешь умственное превосходство показать!

— Выходит, пролеты сюда не попадают? Только умники?

— Во всяком случае, ни я, ни отец пришельцев-работяг не встречали. Некогда им, видать, по мирам шастать. По магазинам — это пожалуйста.

Кирилл вышел на балкон. Улица пряталась за раскидистыми ветвями, облаченными в осенние краски. Машинного гула не слышно — или автомобили сделаны по иной технологии, или люди стали реже ими пользоваться: представил, что летишь — и на месте!

— А смысл тебе все-таки придется зарегистрировать. Можно и бессмысленно ходить, но милиция обязательно остановит, спросит. Не отвертись, хоть завертись тут.

Предложение Кириллу не понравилось. От самого понятия «регистрация» пахло пыльным официозом. Хотелось спросить: «А нельзя ли как-нибудь без этого?»

— Я здесь останусь навсегда? — Кирилл в задумчивости пожевал язык.

— Некоторые сидят до конца дней, другие исчезают. Никто не знает, вернулись ли они обратно или продолжили путешествия по миру.

Беседа с Захаром притушила эфемерный страх перед чужой реальностью и обострила бытовое чувство голода. Кирилл собрался спросить, можно ли представить, что съел тарелку борща с пампушками и жареную картошку с грибами. Но вспомнил о «питательных минимумах» и впустую слотнул слюну.

— Где можно поесть?

— Хороший вопрос. Философский. Везде. Если, конечно, ты при деньгах. А у тебя их нет. Отсюда другой вопрос: ты согласен продавать идеи?

— Как это?

— Грубо говоря, я тебя устрою на работу. Исчезнешь ты отсюда сегодня или через тридцать лет — неизвестно. А есть хочется прямо сейчас, верно? И переодеться надо...

...Магазин одежды походил на дворец. По длинным анфиладам и просторным залам сновали пролеты. Иногда мелькали думатели — Кирилл научился различать их по лицам.

Человек со смыслом даже внешне сильно отличается от бессмысленного человека.

Европейский отдел Захар отыскал по парящему в воздухе указателю.

В пустой рамке появилось изображение Кирилла — абсолютно голого. Фигура сама собой одевалась в костюмы различных времен, покровов и материй. Когда карусель пошла по второму кругу, Крючковец догадался: от него требовалось выбрать. Смена изображений замедлилась. Корректор выбрал славянский вариант — широкие штаны, рубаха, подпоясанная на бедрах, и сапоги с отворотами. Еще приглянулась стильная котомка, в которую пришелец тут же переложил одолженную книгу.

Пока Захар расплачивался (чудесный дорийский хитон лишь слегка прикрывал формы продавщицы), Кирилл натягивал новые одежды. Костюм выглядел старинным — хоть в музей вешай, и сидел, как на Кирилла шитый.

Выходя из магазина, пришелец в который раз обратил внимание на указатели, точнее, на то, как они написаны. Способ письма определенно хранил тайну. Еще через мгновение верстальщику померещилось, что он поймал догадку. Но внимание отвлекла симпатичная мидийка в широком платье. Ощущение улетучилось так же быстро, как и появилось.

За Кириллом незаметно наблюдал человек в красной тунике с черной оторочкой. В здании висели зеркала, в которых мелькали десятки людей — не мудрено спрятаться в крутовороте отражений...

...Центр города пестрел постройками разных эпох. Рядом с языческими жертвенниками стояли остроконечные готические здания, возле домов в стиле ампира жались азиатские лачуги с закрученными вверх кончиками крыш. Было видно — фантазия у местных архитекторов богатая, и платили за нее немало. А вот городским властям мудрости в планировке следовало бы занять.

Превратить город в стилистический бардак и не пытаться привести внешний вид в порядок — признак руководителя, преданного избирателям-пролетам. Кирилл ходил по улицам, не опуская головы: архитектурная эклектика показалась ему занимательной.

— Кто правит городом и страной? — спросил пришелец, кривясь от очередного архитектурного соседства.

— Кто и всегда, — Захар шагал широко, полы рясы выводили в воздухе ритмичный танец, — те, у кого есть деньги.

— Деньги, не идеи? — Пришелец чуть не споткнулся.

— У нас власть дается народом. Народу нужны деньги, а не мысли. Работяг в три раза больше умников. Без вариантов — хоть завыйбирайся.

— Ясно. Одно и то же...

Спустились в переход. Из такого точно Крючковец появился в этом мире день назад. На станции собирались люди и поочередно растворялись в воздухе.

— Транспортная локация, — пояснил переправщик. — Здесь тратится минимум воображения, чтобы переместиться в нужную точку. Проговори про себя фразу: «Остановка «Тонусный завод»» и не отставай. Днем так ездить лучше, на улице мыслепространство забито — не пролетишь.

Знакомая, но по-прежнему неведомая сила подхватила пришельца и прижала к спине Захара. Сзади в Кирилла тоже кто-то уперся.

Так они и шли цепочкой, исчезая на одной станции и появляясь на другой.

— Ты хорошо и... развернуто говоришь, — слова Кирилла из перекошенного давкой рта доносились с искажением.

— А я только с вашим братом и общаюсь, — так же коряво ответил монах, — умники меня не хотят слушать, а пролеты — не умеют. Хоть заговорись.

На выходе из станции мальчишка раздавал рекламные листовки. Смотрелось это диковато в городе, пронизанном ментальными технологиями. Паренек ловко совал бумажки прохожим, Захар и Кирилл моргнуть не успели, как получили «раздатки».

— Опять просят купить какую-то чепуху? — Переправщик мельком глянул на листочек, скомкал его и выбросил в урну.

Кирилл свой экземпляр прочитал и спрятал в сумку.

Идущий за ними человек в красной тунике не обратил на мальчика внимания...

...Заводской забор отделял предприятие от улицы чисто символически. Низкий и прозрачный, он, казалось, просто обозначает конец одного и начало другого. Внутренняя часть тоже отличалась от заводского двора в классическом понимании: ровные, размеченные дорожки и выкрашенные в нежные цвета лавочки.

— Здесь работают автоматы. Слесарь нужен, чтобы ввести программу. Монотонное занятие, ничего не поделаешь. Но за него прилично платят. — Захар приложил ладонь к приемнику, калитка в заборе открылась. — Вот здесь ты и будешь работать.

Головной корпус завода походил на бревенчатый терем. Но вблизи Кирилл убедился: кругляши на торцах не деревянные, постройку сложили из материала попрочнее.

— А что выпускает «Тонусный завод»? — спросил Крючковец, шурясь: внутри свет оказался ярче солнечного.

Преследователь в тунике с черной оторочкой постоял возле забора и отошел в тень.

— Тонусы и выпускает. Таблетки такие, помогают сосредотачиваться и выполнять мыслительные процессы.

Они вышли на второй этаж. Внутренние перегородки и стены — прозрачные. Рабочая зона просматривается далеко вперед: от одного конца коридора к другому. Внизу — прямоугольный цех, в котором стоят массивная машина и конвейер. На выходе в огромный чан сыплются белые таблетки. Кругом — колбы, компьютеры... Униформы как таковой у рабочих нет, но халаты разной степени загрязненности носят все.

Переправщик и клиент спустились к конвейеру (Кирилл успел схватить одну таблетку и сунуть в котомку), обошли машину и нырнули в маленькую дверь.

Словно перешагнули черту времен. За дверкой таилась лестница, ведущая вниз. Через захламленный коридор спутники попали в просторное, но мрачное, по сравнению со стерильным великолепием цеха, помещение.

Захар обменялся парой слов с охранником и повел пришельца в дебри офиса. Закоулков оказалось столько, что при желании и почасовой оплате в них можно отсиживаться сутками.

— Что это? — Крючковец дышал Захару в спину. — На завод не похоже. Монах кивнул, не сбавляя ходу:

— Что-то вроде редакции газеты. — Поворот за угол. — Ты же верстальщик? Ну вот. А там, может, что другое подыщем. Хоть заищишься тут.

Захар толкнул ногой выдавшую виды дерматиновую дверь.

За ней — громадная комната: столы с компьютерами располагаются лучами, идущими из центра. Из-за мониторов смотрят люди — пролеты мыслительного труда.

— Ты знаешь, кто такие фарисеи? — подал голос сзади Кирилл.

Переправщик повернул голову и вздернул бровь.

Пока он думал, к чему вопрос, пришелец закрыл глаза, вздохнул и представил...

...Посреди широкой городской площади стоит гигантская деревянная вертушка, похожая на расположение столов в комнате. Каждая лопасть вмещает по дюжине человек. Они медленно толкают вертушку, а она крутится, издавая странный скрип. С основанием этого пропеллера на мышечной тяге связана передаточная цепь. Вдалеке вращается множество колесиков, получивших энергию от рабов-толкателей. Вполне осмысленно, в отличие от потуг вращателей солнцобразной вертушки. А между тем, это их смысл жизни: крутить, не зная зачем.

Кирилл и сам без цели вращает колесо жизни. Так легче обозначить покупку автомобиля или ремонт квартиры. Думаешь: еще чуть-чуть, расквитаюсь с материальными проблемами и перейду к духовным. Грязевая лужа затягивает, и вместо того чтобы думать, как сделать мир лучше, размышляешь о преимуществах смартфонов перед телефонами.

Космического масштаба дилемма!

Богатым сложнее. Они не отвлекаются на духовные вопросы, а сосредоточенно тонут в иле товаров и услуг.

Захар предлагает третий путь: совместить приятное с бесполезным. Только смысла в нем нет. Во всяком случае, для толкателя коловорота с задатками разума.

Кирилл закрыл дверь. Они с Захаром остались в коридоре одни.

— Ты — не переправщик, — сказал пришелец.

Монах склонил голову набок — весь внимание.

— Мне не подходит твоё предложение, — продолжил Кирилл. — Я ухожу.

— Да ла-адно тебе, — протянул Захар, перекрывая выход, — ты без денег пропадешь. У нас с работой тяжело вообще-то. Особенно — для думателей. И потом: тебя первый патруль остановит и приправит в такую же контору. С одной разницей — там ты будешь работать на чужую идею, бесплатно. Хоть заработайся.

Верстальщик плечом отодвинул Захара и пошел к выходу. В коридоре возник охранник. Сзади подошел монах.

Кирилл снова закрыл глаза.

Противники двинулись с обеих сторон в предвкушении легкой расправы — обращаться с думателями по-другому они не умели. Славил руку — он и спекся.

Схватиться с борцом греко-римского стиля они вряд ли рассчитывали.

Охраннику Крючковец сделал проход в корпус, повертел «мельницей» и бросил на пол. Захар обхватил Кирилла со спины и норовил завалить на бок. Разорвать захват оказалось пустяком, перевести соперника в партер — того проще. Захар остался лежать.

Тезис о том, что добро должно быть с кулаками, Кирилл не поддерживал.

Но несколько приемов добро знать должно, иначе зло может крепко обидеть.

С внешней стороны реальности трое мужчин стояли неподвижно. А внутри ее охранник поднялся и достал короткую толстую трубку — такую же, которой был вооружен милиционер возле биржи. Кирилл быстрым движением вывернул противнику руку, трубка откатилась в сторону. Захар подобрал оружие и навел его на клиента. Оставив охранника с вывихнутым плечом, Кирилл двинулся вразумлять монаха. Тот надавил кнопку. Запахло горелой пылью. Пришелец сделал несколько шагов, остановился и стал на колени.

В голове сделалось пусто. Кирилл закрыл глаза и успел краем сознания схватиться за мысль: как было бы здорово вернуться в физическое тело...

Изображение перед глазами расплылось.

И сфокусировалось вместе с отчетливой болью в голове, словно вырванные из орбит глаза вставили обратно. Кирилл сидел, прислонившись к мажущейся мелом стене. Монах и охранник остались на местах, где их застала мыслительная схватка.

Сейчас с ними можно делать что угодно.

Хроническим заболеванием думателей — боязнью ударить человека — Крючковец не страдал. Подменять выяснение отношений дракой тоже не собирался.

Что получается после рукоприкладства в сухом остатке? Оппоненты остаются при своих. Устное внушение требует времени, зато дает результат. Если не перерастает, опять же, в рукоприкладство. Поразив противника весомым доводом, становишься ближе к победе, нежели после попадания кулаком. В новой реальности думатели могли переносить беседы на вымышленное поле боя.

Возможно, здесь и сочетание слов «защита диссертации» имело прямой смысл.

Но в данном случае бить не нужно, достаточно касания.

Кирилл коснулся головы охранника. Тот открыл глаза, скорчился и сел на пятую точку. Монах начал приходить в себя. Пришелец взял его за предплечье. Захар не шелохнулся, только пробормotal:

— Ничего не выйдет. Думателям нужны деньги. Все равно вернешься. Иначе нельзя...

...Возле проходной завода дежурили милиционеры в легких доспехах — чтобы защититить от контакта в мыслительной схватке.

Кирилл наблюдал за нарядом из окна и ждал: может, уйдут? Но милиционеры спокойно прохаживались перед воротами, и покидать пост не спешили.

Наводку они получили четкую.

Бежать некуда. Но бежать нужно: и с завода, и из этой реальности.

Куда бежать — не ясно. А вот как, пожалуй, разберемся.

Кирилл закрыл глаза и представил, как проходит сквозь стену. Милиционеры идут к нему спиной. Пришелец бесшумно перемещается в посадку и растворяется в желтой листве.

Сделал шаг вперед. Заводская стена оказалась такой же непроницаемой, как и в материальном мире. Попробовал напрячь воображение — безуспешно. Словно что-то мешало внутреннему представлению заполнить внешнее пространство. Так случается, когда нужно сходу придумать несмешной анекдот.

Наряд оказался в поле зрения. Крючковец заметил на боку одного из стражей короткую широкую палку на конце которой пульсировал красный огонек.

Что-то вроде блокиратора мышления? Если да — полезная штука, не только с точки зрения охраны порядка. Хотя и на роль дубинки сойдет.

Продолжая смотреть на мерцающий огонек, Кирилл решил испытать удачу. Зажмурился и что было сил подумал, как выбирается с территории завода под землей. Падает семенем в почву, прорастает, корешком подкапывается под проходную. И вылезает на свет — запыленным цветком.

Получилось легче, не то что с полетами.

Безумная идея обрела поддержку. Некто помогал Кириллу придумывать, подталкивал ход мыслей. Вопреки блокиратору, пришелец мысленно погрузился в каменный пол, прорыл лаз наружу и очнулся под зеленой ивой.

Рядом стоял человек в красной тунике.

— Для благой мысли нет преград, — сказал он с небольшим деревенским акцентом, — а мысль дурная сама есть преграда.

Кирилл осмотрелся — вокруг ни души.

— Почему ты бежал, пришлый думатель? — Спаситель обладал вязким голосом, в котором легко измазаться и от которого тяжело оттереться.

— Захар оказался не тем, за кого себя выдавал.

Субъект в тунике подвигал широкой нижней челюстью:

— А кто не прячет сущность? Разве только преступники. Остальным есть что терять. Но ты прав: тот человек — не переправщик. Я — настоящий переправщик. И я спас тебя, чтобы вернуть туда, откуда ты бежал.

Черная оторочка — последнее, что запомнил Кирилл перед тем, как раствориться в следующей мысли незнакомца.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Конец первой недели.

«Истинное естество лежит между тем, кто человек есть и кем он хочет быть. Среднее арифметическое, если хотите. Допустим, в жизни он лжец и обманщик, а в мечтах — сама добродетель. Это чисто теоретический пример, чтобы наглядно показать максимально разведенные желания. Отъявленный враль не может думать о высоком, его планка — не выше аферы. Но средней порядочности индивид с тайными

и темными помыслами вполне может размышлять о спасении мира и своем непосредственном участии в Миссии. Здесь нужно рассматривать экстремальные точки — нижнюю, которая находится на плотском уровне, и верхнюю — к которой тянутся чувства и разум подопытного. Первая метка зачастую лежит в промежутке «просторная квартира с дизайнерским ремонтом — новый автомобиль — повышение по службе». Вторая константа заброшена в сектор «стабильность в стране, счастливая жизнь детей и обеспеченная старость». Чем выше пик, тем выше проходит средняя линия сущности индивида, поскольку нижний предел у большинства приблизительно одинаков. Место такой «середины» на протяжении жизни меняется — и вверх, и вниз, — но суть остается прежней: между горячо и холодно всегда нечто теплое. Суммировав координаты верхних и нижних точек обитателей ойкумены, получите жирную среднюю полосу. Не желаете считать? Хорошо, прикинем. Образцов исключительно высоких целей за историю человечества мы наберем от силы сотню, и то, если пойдем на компромисс с совестью. Беспросветных негодяев, глупцов и трусов отыщем на много порядков больше. Так и вырисовывается средняя величина температуры человеческого стремления — около комнатной. Был один странник, могущий своими усилиями поднять невообразимо тяжелую медиану. Но его самого подняли повыше и приколотили покрепче.

Не оценили замысла.

Впрочем, земля для него была переменной величиной, он жил в заоблачных даях.

А мы по-прежнему так болтаемся по ординатам и абсциссам графика жизни, как характеристики переменного тока.

Наверное, заряд слабоватый...»

Временное жилье можно терпеть, если знаешь, когда съезжать. Номер в гостинице устранивает командировочных, угол в частном секторе — отдыхающих, солдат доволен койкой в казарме. Все они знают: пройдет время, и вместо пошлых занавесок и холодного дощатого пола их встретит самое уютное место на свете — родной дом.

Представить, что в казенном углу придется жить долго, подобно зубной боли, которую терпишь, зная, что стоматолог уехал в отпуск.

Кирилл очнулся в незнакомой обстановке. Встал с дивана, потянулся. Видимо, постояльцев ожидалось больше: стояла раскладушка, в углах ютились два кресла-дивана. В соседней комнате, тоже не изобилующей мебелью, раскинулась большая кровать. Вдоль стены, будто в испуге, распластался платяной шкаф. Третья комната оказалась крошечной и узкой, но и здесь нашлось спальное место. На потертом диванчике вперемежку с одеялом, подушкой и простыней лежали женские вещи.

Вот откуда в коридоре запах косметики.

— Ой! — Соседка запахла халат, хотя он и так закрывал все, что мог. — Вы кто?

— Я — пришелец. А вы?

Студентка академии культуры Юля попала в параллельный мир во время

курсового спектакля. Сидела за кулисами, задумалась... и очутилась на пустой сцене здешнего театра. Наутро пришли актеры, посоветовали обратиться на биржу. Появился Чистый — переправщик в тунике — и увез Юлю.

Что делать, студентка не знала. Паника прошла на вторые сутки, но желание выбраться осталось. Переправщик исчез так же стремительно, как явился, вопросы задать некому. А ведь дома девушку, по ее убеждению, ожидала блестящая карьера телеведущей или актрисы. Почему-то именно в таком порядке.

— Это у них вроде отстойника, — девушка говорила четкими интонациями, ярко расставляя смысловые ударения. — Чистый сказал, могут быть еще гости. Наверное, здесь они собирают пришельцев.

«Пока их не собрали другие люди в другом месте», — хотел добавить Кирилл. Он рассказал свою историю пребывания в новой реальности. Стало неловко отмалчиваться: девушка-то поведала о себе. Беседа — как звон бокалов: хорошо, когда звучат оба.

Юля слушала, намазывая на хлеб паплет и кладя сверху кружочки колбасы.

— А я подумала, ты спортсмен. Больше похож, чем на корректора и верстальщика вместе взятых. — Она выключила свистящий чайник. — И с чего ты взял, что твой переправщик ненастоящий?

— Он не умеет читать. — Кирилл без спроса взял бутерброд и откусил с той стороны, где паплет сполз на корку. — Когда я попросил у него книгу, он даже не взглянул на название. Значит, ему безразлично, для него все книги одинаковы. Хотя бы ради интереса хозяин должен видеть, что одалживает.

— Может, он тебя привез в такой же пересылочный пункт, где остались книги от прошлого хозяина?

— Юля, с тобой случалось такое: стоишь в вагоне метро, а внизу, на сидении, человек читает газету? Ведь обязательно нужно заглянуть в текст или хотя бы подсмотреть заголовок — это инстинкт!

— Не знаю, — девушка разлила чай по чашкам, — я в метро обычно проезжаю всего три остановки и вообще читаю редко.

— Тогда тебе не понять, — отмахнулся Кирилл и взял чашку. — Когда мальчишка в метро раздавал листовки, Захар должен был увидеть, что это не «просят купить какую-то чепуху», а приглашают на скрипичный концерт.

— Слушай, с чего ты вообще взял, что переправщики обязаны уметь читать?

— Они же думатели... — Кирилл молча прожевал кусок. — В любом случае, такие посредники мне не нужны.

Завтрак закончили в тишине, и перешли в комнату, где спал Кирилл. Юля включила телевизионное изображение. Оно повисло в воздухе чуть ниже потолка. Прodelала она это довольно бойко: успела освоиться.

— Я тебе сейчас такое покажу...

Она взяла тонкую стеклянную палочку и сделала круговое движение.

Появилась картинка, напоминающая музыкальный клип. Непрерывное мигание и черный фон превращали зрелище в сплошное напряжение для глаз. Юля провела палочкой горизонтальную линию — появился звук. Сначала Кириллу показалось — помехи. Темп рвался, как марля на ветру. Слаженная игра инструментов прерывалась то полностью, то частично. Когда в дырявую мелодию вплеся голос, композиция развалилась напрочь. Из любопытства пришельцы продолжали слушать. Через минуту у Кирилла появилось ощущение, что он ухватил слияние вокала и гармонии, но девушка вывела соседа из сосредоточения:

— Постоянно крутят. У них и кино какое-то в затемнениях все. Если это было кино, конечно. — Она покрутила палочкой, меняя каналы. Повернулась к Кириллу и спросила: — Как думаешь, им нужны дикторы?

В телевизоре появился мужчина в костюме начала двадцатого века. Он молчал, изредка выдавливая из себя разной длины слова. Если это был выпуск новостей, то Юлины шансы устроиться по специальности приближались к нулю. Местные жители, скорее всего, не выдержали бы потока информации, который девушка пыталась донести.

— Я думаю, им все пригодятся. — Кирилл заметил в кресле такой же прибор, как и тот, в котором предлагала расписаться биржевой клерк. — Не знаешь, что это за штука?

Юля покосилась на аппарат и повела носом. Электронная книга, по ее мнению, не входила в список самых интересных вещей в квартире.

— Это у них вроде газеты, журнала и книги вместе взятых. Нажми зеленую кнопку, а дальше разберешься.

Студентка говорила уверенно, сомнений не возникало: она сама как раз не разобралась. Кирилл взял «универсального чтеца» в руку и отбросил кожаную обложку. Экран загорелся безо всяких нажатий.

С помощью прибора действительно читалась пресса и книги. Тыча стилусом в экран, Кирилл пролистал периодику и столкнулся с названием, которое увидел на полке в квартире Захара — та книга до сих пор лежала в котомке.

В электронной версии слов оказалось меньше. На страницах зияли пробелы там, где в бумажном варианте стояли буквы. Кирилл попробовал читать с экрана, но мысли никак не хотели продираться через кастрированный текст: получалась нелепица. Впрочем, оригинал особой смысловой нагрузкой не отличался — банальный женский роман.

Если уровень цензуры здесь достиг дна человеческой фантазии, что говорить о трудах философов и мыслителей?!

Кирилл пролистал ближайшую по ссылке газету несколько раз. Вместо фотографии всю первую страницу занимал фрагмент снимка. Кого хотел запечатлеть фотограф — вопрос. Заголовки тоже показались обрывочными — как с точки зрения смысла, так и по форме. А цепкий глаз

верстальщика заметил: многие гранки нарочно остались пустыми. Словно в них планировалось вписать кусок текста, но по недосмотру и забывчивости сделать это не смогли. Особо любопытная ситуация сложилась с цифрами: пропущенное слово можно по смыслу восстановить, а вот о порядке чисел можно лишь догадываться.

И совсем нелепо выглядели рекламные объявления, предлагающие купить-продать-обменять одни обрывки фраз на другие.

По земной привычке Кирилл перешел к последней странице, в поисках координат издательства. Полоса оказалась чистой — одна окантовка и заголовок «ДОСУГ».

— Работа верстальщика — не бей лежачего, — сказал Кирилл, захлопнув «читалку».

Шаркнула входная дверь, вскоре показался Чистый. На нем была светло-зеленая туника и защитного цвета плащ. Переправщик повел указательным пальцем между девушкой и молодым человеком.

— Собирайтесь, пришельцы, отправляемся за регистрациями.

Повелительный тон, особенно в обществе симпатичной дамы, проделывает с мужской смелостью чудеса. По жизни смиренный, да еще и женатый, в другой ситуации Кирилл промолчал бы. Сейчас захотелось непременно возразить.

— Почему, собственно, вы не оставите нас в покое?

Пришелец сделал два шага вперед, расправляя плечи. Типичное поведение сильных — обозначить превосходство.

— Я отвечу по пути. Экипаж ждет у порога!

Манера Чистого изъясняться веселила: то он вещал с задранными подбородком, мол, каждое слово — на вес золота. Однако суть состояла из металла попроще.

Экипажем оказалось такси старой европейской модели. Шофер, точнее — кучер в напудренном парике, помог даме сесть на переднее сидение, мужчинам — на заднее. Обошел машину и занял место водителя.

— Куда? — Совершенно не по-крепостному спросил кучер.

— Отвези нас к регистрационной палате, любезнейший!

Таксист повернул ключ, автомобиль завелся охотно и тихо. Мимо поплыли осенние улицы, устланные шуршащим лиственным покрывалом. Осень в этих краях не отличалась от привычной Кириллу. Резкое сочетание солнца, желтых до боли в глазах деревьев и прохладного ветра напоминало о доме. Природа отказывалась делить людей на своих и чужих. Она дарилла последние ясные дни всем, кто удосужился заметить ее старания.

— Ты, кажется, хотел меня расспросить? — Переправщик сощурился от игривого солнечного лучика. — Что ж, приступай.

— Для начала: вы забыли представиться. — Кирилл смотрел в окно, не желая встречаться с собеседником взглядом. Тот наоборот — внимательно изучал Крючковца.

— Что есть имя человеческое? Ярлык, не больше. От его переименования программа не претерпит изменений. — Надрывистый голос выписывал интонационные кренделя. — Зовите меня Чистый Лист. Или просто — Чистый. Это все?

— Нет. Но я подумал — нехорошо выходит: вы меня знаете, а я вас — нет.

— Врать неприлично, господин корректор-верстальщик. Ты знал, как меня величать. И пора бы тебе замолкать потихоньку. — На этих словах Кирил повернулся лицом к Чистому. — Или еще не подметил особенность? — Переправщик сощурил глаз. — В таком случае, потрудись услышать, зачем я с вами вожусь, как японцы с нанотехнологиями.

Продолжая сочетать высокий штиль прошлого и терминологию будущего, Чистый поведал следующее.

Сам он — переправщик с уклоном в очищение. В их касте существует раздел: одни считают, что пришельцев нужно беречь как источник доходов, другие настаивают — и своих умников много, чужих еще не хватало.

Лист относится ко вторым. Так сказать, переправщик правого толка.

Одни коллеги по цеху тянулись к пролетным идеям, другие оставались до мозга костей думателями. Каждый мыслитель-пришелец приносил достижения своей цивилизации, потому места для маневра у местных не оставалось. Что толку изобретать велосипед, если пришлый рассказал, как на него ставить мотор и куда заливать бензин? Говорить, что здешний мир будет развиваться уникальным путем, не приходилось. Для этого надо бы известить всех «гостей» и впредь закрыть им доступ. Если с первой задачей были попытки справиться, то со второй бороться не представлялось возможным: новички появлялись где угодно и когда вздумается.

Выпроводить пришельца можно одним способом: зарегистрировать смысл и ждать, пока человек его отыщет. Либо до упора препятствовать поискам. Но для этого нужно знать, в чем смысл, ведь даже сам клиент не всегда в курсе дела. Палата регистрирует цель, но не оглашает ее. Отсутствие жизненного смысла тоже фиксируются, но то — единичные случаи, тонущие в мутных водах статистики.

— Как же искать смысл? — подала голос Юля.

— Надо пробовать. Начинай с того, что ближе сердцу.

— Все, как в той жизни... — Девушка вздохнула тихо, но так, чтобы все услышали.

— Не скажи, — Чистый наклонился вперед, — разве там ты могла призывать на помощь мысль? Это очень ускоряет работу, а значит, приближает к цели. И потом, в вашем мире поиски смысла — занятие теоретическое. А тут оно имеет практическую составляющую: нашел — вернулся домой. Впрочем, есть думатели, которым здесь милее. Они пытаются саботировать: алкоголем и неблагонравными связями. Только ирония судьбы и злой бывает — в беспутстве тоже смысл обнаружить можно.

— И что происходит, когда добираешься до смысла? — Кирилл невпопад зевнул.

— Был человек — и нету. Редко когда случается увидеть переход в мир иной. Мне довелось. Вот как с тобой беседовал я с одним старичком, кажется, немцем. Спорили, можно ли построить общество, в котором все были бы равны — и думатели, и пролеты. Я говорил: нельзя. Как осознать, чтоб мысль и мускульная сила одну телегу тянули? В каком измерении та телега находится, в этом или в том? — Чистый указал пальцем вверх. — А бородач отвечивал, мол, если отнять у одних астры, а у других деньги, дать одну идею на всех, тогда...

— Что «тогда»? — Крючковец поймался на мысли, что это его интересует. В отличие от Юли — она разглядывала свое изображение в зеркале пудреницы.

— Неведомо, что тогда. Растворяться в воздухе начал мой бородачатый собеседник, да и сгинул вовсе. Нашел, видать, призвание.

Машина вывернула на площадь и обогнала колесницу, не по правилам перестроившуюся в правый ряд.

— Если при регистрации смысла власти узнают, в чем он, — начал размышлять верстаальщик, — почему мне нельзя сказать об этом?

Чистый поморщился:

— Укладом запрещено, — буркнул он, — ты сгинешь через день, а мыслишки твои в офлайн перейдут. Какая от того польза государству? А так — ты с астрами и деньгами, и страна с идеями. Кстати, Захар как раз казенный переправщик, и типография на заводе государственная. Он бы тебя вообще не регистрировал, только страдал бы.

— Если я не ошибаюсь, вы хотели меня обратно в редакцию отправить?

— И отправлю, не извольте сомневаться. Но с другой целью.

Они остановились возле грузного серого здания, на барельефе которого красовались флаги и гербы. Задуманные как мощный изобразительный штрих, они смотрелись комично в окружении дворцов и храмов.

Внутри было просторно. Настолько, что посетитель с порога чувствовал собственную ничтожность. Ковровые дорожки — нити Ариадны — служили путеводителями в окруженном холодными стенами пространстве. По бокам висели портреты деятелей — в тогах, сюртуках и с голыми торсами. Дважды повернув направо, гости поднялись по лестнице и остановились возле кабинета с обитыми кожзамом дверями.

В коридоре на стульях сидела очередь.

Кирилл разместился возле мужчины средних лет, правое запястье которого сковывал наручник. Второе кольцо обвилось вокруг руки сидящего рядом милиционера. Он был одет в форму народного комитета внутренних дел и тоже носил блокиратор мысли.

Заметив интерес Кирилла, милиционер зыркнул на подопечного:

— Гонялся за ним! С утра! — Обилие эмоций с лихвой покрывало скудный словарный запас. Служивый больше гримасничал, чем говорил. Эту

особенность пролетов Крючковец отметил во время прогулки с Захаром по центру города.

— На рынке, — продолжал милиционер, — полно их.

Участковый поведаль, как беднягу задержали за нарушение смысловой регистрации. Инженер-строитель по образованию, он получил временное разрешение отклониться от смысла и поработать продавцом на вещевом рынке. Однако увлекся новым занятием и просрочил дату. Объяснял, что нашел в торговле новую цель. Но власть не проведешь — ей лучше знать, в чем суть существования граждан.

— Много таких, — милиционер повторно кивнул на задержанного. Тот слушал терпеливо, хотя и порывался возразить. Служивый дергал наручник — торговец умолкал. — Особенно девки, — не унимался милиционер, — берут отклонения. Дескать, учиться. А сами — на панель!

Участковому стало весело — видать, доводилось иметь дело с теми девицами.

Чистый проскочил в кабинет и тут же вынырнул с листочками в руках. Отозвал Кирилла и Юлю к столу, упирающемуся в тупик коридора, и попросил заполнить анкеты.

— Впишите данные в прочерки.

— А с этими пробелами что делать? — Корректор указал на зияющие в тексте дыры. — Тоже заполнять?

— Ни в коем случае! — Переправщик погрозил пальцем. — Стандартный бланк!

Кирилл рассмотрел лист внимательней. В пояснении к регистрации некоторые слова отсутствовали полностью, словно их вымарали. Другие — плохо пропечатались. Пришелец заглянул в Юлин бланк — у нее искажались совершенно другие слова.

Значит, дело не в чернилах.

— Как пишется «незамужняя», — Юля сосредоточенно водила пальцем по строчкам, — одним словом?

Кирилл хотел пошутить: между такими двумя частями третья не влезет, но одумался.

— Частица «не» пишется отдельно, если после нее можно вставить слово. Ты же не можешь написать «не очень замужняя»?

— Могу, — не отвлекаясь, девушка продолжила заполнять анкету.

Грамотный человек сродни милиционеру. Тоже следит за порядком в устной речи и написании. Морщится, когда хулиганят с ударениями, одергивает на падежах и ругается, видя опечатку.

Бывших грамотеев, как и бывших милиционеров, нет.

На столешнице Кирилл заметил выпарапанную надпись в жанре студенческого фольклора: «Это все не жизнь, а ВЫМЫСЛ». И вправду, происходящее в новой реальности походило именно на «вымысл». Нечто настоящее и вместе с тем ошибочное.

Как слово с пропущенной буквой.

Чистый махнул рукой, приглашая в кабинет. Оттуда как раз выходил участковый с прикованным инженером-торговцем.

— Загребит в проектный институт, — радостно сообщил милиционер, — года на три!

Он повел штрафника по коридору, разбавляя канцелярскую тишину лязгом цепи.

Первой зашла Юля. Кирилл остался в приемной наедине с попугаем в клетке. Изредка птица воспроизводила звуки, похожие на клекот — почти как пролет. Коснулась ли в этом мире эволюция человеческой речи звериного общения? Как лает дворняжка, живущая у работяги, — медленней и реже, чем породистый пес думателя?

А коты? Впрочем, коты, наверное, везде одинаково задумчивы и молчаливы.

Юля вышла скоро. На покрасневших щеках блестели слезы.

— В детский сад, — всхлинула она, — определили. Но я же хотела...

— Желания иногда не совпадают с предназначениями, — вкрадчиво прошептал Чистый. Он повел девушку и под локоток усадил ждать. — Теперь ты иди, словоправ.

Кирилл одернул свой незатейливый костюм и шагнул в проем. Переправщик стал сзади и легко подтолкнул пришельца в спину.

— Кого я вижу! — Регистратор Захар на театральный манер раскинул руки. — А то пропал куда-то, хоть запишись. Славно, что сегодня мне дежурство выпало, иначе и не свиделись бы. Извольте начинать? — Он сделал фигурский приглашающий жест.

Для установления смысла понадобилось надеть на голову металлический обруч и опоясать грудь кожаным поясом, чтобы датчик оказался возле сердца.

— Представь главные вехи твоей жизни. Как можно больше: перебор не «горит». — Захар стучал пучками по столу и глядел на висящий в воздухе монитор. Изображение было односторонним — гость его не видел.

Кирилл закрыл глаза. Вспомнился бабушкин голос, читающий сказки из широкой и тонкой книги с потрепанными краями и яркими рисунками.

— Ну что ты, как маленький, честное слово! — Непонятно почему Захар разволновался. — Ты же взрослый человек. Думать с закрытыми глазами — все равно, что читать, шевеля губами. Так делают те, кто размышляет раз в месяц. Давай шустрее. Мне еще людей принимать? Хоть запринимайся весь!

Вспомнилось многое — и радостное, и стыдное. Но главное все время ускользало. То, что казалось важным когда-то, по прошествии лет съезжилось, загнулось в скобу и кануло. А то, что станет целью, видать, еще не произошло.

— Хватит. Всеясно. — Захар нажал невидимую кнопку. — Зарегистрирован.

Изменений Кирилл не почувствовал. Вдруг это спектакль, и переправщики его разыграли? Чтобы запугать или просто шутки ради.

— Я могу просить отсрочку? — Вопрос вызвал у Чистого смешок, у Захара — хохот.

— На кой черт, прошу прощения? Или ты собрался — Чистый подавился смехом, — денег подзаработать?

— Это мое дело. И собрался, так что?

Переправщики враз стали серьезными.

— Ошибаешься, не только твое. Вот работать с текстами — да, это твое дело. Если бы деньги тебе нужнее были, давно бы к тестю в карман залез. А ты в редакциях до ночи сидишь и запиваешь бутерброды порошковым кофе. Отсрочку ему... Куда? В рекламный отдел?! Во насмешил.

— Но положено же...

— Что положено, применяется из необходимости. В твоем случае такой не наблюдается, прости, мил человек. Да и потом, полноте, Кирилл Николаевич, дурочку валять. Нет у тебя времени на дурочку. Тебе домой возвращаться надо, а ты об отсрочке речь завел. Не комильфо, честное слово.

Пришелец слушал, глядя в одну точку, как школьник в кабинете завуча.

Переправщики уговаривали его. Кирилл погрузился в мысли — открытыми глазами, как учили. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений, встал со стула и направился к регистратору. В комнате никого не было — Захар и Чистый Лист остались в другой реальности. Крадясь на цыпочках, Крючковец заглянул в монитор. С той стороны висящее изображение смотрелось четко.

Издали, будто из-под пола, доносились отзвуки голосов.

На экране белел документ с печатью и подписью. Причем факсимиле было не фиолетовым и круглым, а красным овальным, с профилем в короне. Кирилл подошел ближе: очень хотелось рассмотреть, в чем заключается зарегистрированный смысл его жизни.

«Настоящим удостоверяется... — В мелкий шриффт пришлось вчитываться, хотя в целом написание не отличалось от «вымысловского»: широкие растянутые слова и большие интервалы между ними. Маленький кегль превратил письмо в знаки азбуки Морзе. Пришлось уткнуться чуть ли не носом в экран — контактные линзы в думательной среде помогали не сильно. —... что высоким предначертанием зарегистрированного (реквизиты отдела Кирилл пропустил) является деятельность...

Тело передернулось и вывернулось одновременно. Словно гигантская судорога свела мышцы, и вдобавок сверху окатили сначала ледяной водой, а затем — кипятком. Кирилл обнаружил себя сидящим на прежнем месте. Захар хлестал пришельца ладонями по щекам. Болевые впечатления от резкого перехода заставили корректора «отключиться».

— Думал, не догадаемся? — Чистый взял Кирилла подмышки и перетащил на диван.

— Но ты смотри, астров у него таки полно, чуть не проскочил, — Захар

склонился над изображением. — Не зря суетились, на нем можно прилично заработать.

— Кто бы говорил. Это я суетился, твой удел — штамп поставить.

— Легко говорить, коллега. А от милиции его увести, а обсказать все, как надо, а по заводу его таскать... затаскаешься тут.

— И что говорит сканирование? Взаправду он универсал?

— Как есть. Куда угодно посылай, чем хочешь занимай и знай себе астры коши.

— Опять ты о своем. Надо его отправить обратно, здесь он такой умный ни к чему.

— Поверь, в редакции он быстро сообразит, что почем. Ответ-то будет каждый день перед ним. Эх, я бы его подержал дольше...

— Смотри, договорились же. И так прилично получишь, они давно корректора искали. А он еще и верстает.

— Да, корректоры в фаворе теперь, грамотных недочет. За уговор не дрейфь — на то и государство, чтобы идти навстречу частным интересам. Сколько я за него получу? По тарифу — копейки, как за обычного думателя. Твое предложение куда приятней.

Сообщники разом посмотрели на пришельца. Признаков сознания тот не подавал.

— Надо же — универсал! — Чистый поджал нижнюю губу к верхней и хмыкнул: — В отсрочку хотел. Потешный, честное слово.

— Ага, ему что буквы читать, что чурками торговать — один хрен.

— Ну, на чурках он бы уловил смысл много позже.

— Вряд ли. Торгашу говорить много надо, из речи тоже полезность извлечь недолго.

Чистый осторожно потрогал Кирилла за плечо.

— Уверен, что он ничего не прочитал?

— А то! Даже если бы успел, — я чужую регистрацию оставил открытой. Того человечка, что участковый привел, да он только вот заходил. У него в графе «цель» — прочерк. Ладно, кончай трепаться. Буди его.

Дневник Кирилла Крючковца.

Изучение языка Вымысла.

Вторая неделя.

«Жизнь уходит на то, чтобы попасть в цель. На это уходят десятилетия изнурительных тренировок. Кажется, вот оно, «яблочко», ан нет — стрела вошла на границе с «девяткой».

С детства мы учимся сначала поднимать тяжелый лук, потом натягивать тетиву и целиться. Рука дрожит, сил не хватает, стрела летит кривь. Со временем тело наливается силой, голова — знаниями. Начинаем делать поправку на ветер, щурить глаз, держать локоть. Первые результаты появляются в зависимости от таланта и упорства в работе. Вырисовывается стабильность, кучность попаданий становится больше. Когда

наконечник впервые возникает в сердцевицу мишени, понимаешь, что твое призвание — вовсе не стрельба из лука. Мало ли в жизни других, еще не пораженных целей.

Но это — не самое страшное. Время сменить занятие и достичь в нем успехов еще есть. Плохо то, что попадание в цель ведет за собой смерть. Зачем на земле нужен стрелок, выполнивший миссию? Ему станет скучно жить на свете. Смертельно скучно. Смысл существования испаряется вместе с радостью от победы. Если, конечно, это настоящая победа и настоящая цель, а не обманка вроде механического зайца для гончей.

Потому смешно звучит человеческое желание иметь, скажем, миллион в каких бы то ни было денежных единицах. Коль скоро это — цель, когда же тратить богатства? По ту сторону Стикса они, говорят, не нужны. Впрочем, живых свидетелей до сих пор нет. А жизнь с миллионом в мешке, выходит, закончилась. То же самое можно сказать и о сказочной зарплате, машине, красавице-жене... точнее — вдове, в нашем случае. Материя целью жизни быть не может никак, ибо ее наличие предполагает ее же пользование.

Бывали случаи, когда и стрела легла в «десятку», и стрелок остался жив. Но это значит, что он попал в чужую мишень — от зависти или попросту плохо прицелился. А своя по-прежнему стоит изорванная дырами вокруг центра. Ничего не поделаешь — нужно снова поднимать, натягивать и стрелять.

Научиться ловко метить в цель не у кого — приходится постигать лично. Те, кому богом дано стрелять без промаха, слишком рано уходят от учеников — нужно ловить каждое слово, каждый жест...

Сохраняться, как в компьютерной игре, пока не получается».

Редакция газеты на территории завода — это символично. Выпуск «Рабочей мысли» напоминал сборочное производство. Со всех концов города стекалась информация, которую журналисты превращали в тексты, а верстальщики — в макеты. Работали на «конвейере» посменно: цех выпускал один номер и тут же принимался за штамповку другого.

Поскольку газета считалась печатным органом городских властей, они следили за ее жизнедеятельностью: подпитывали, нагружали и берегли.

Если не следить, придется со временем удалять, а это больно.

Смысл статей, понятное дело, направлял думы пролетов по течению. Интервью с руководителями, очерки о работах и гороскоп — все сводилось к идее «Ну его подальше это «думанье!»». Живут люди без этого, чудесно обходятся мозолистыми руками...

Верстка упрощалась из-за того, что статьи зияли пробелами. Логика, по которой убирались одни прочерки и вставлялись другие, вызвала вопросы. С текстом — полбеда: пропущенные слова можно восстановить в уме — Кирилл полагал, именно для этого и делались пробелы, — но как быть с фотографиями? В прошлой жизни дыра посреди страницы грозила верстальщику, по крайней мере, выволочкой. В этой — места под фото через раз оставались пустыми. Правда, догадаться о смысле картинки не представляло труда.

Несмотря на специфику, фотограф в редакции был. Зримые снимки он обрабатывал и копировал в отдельную директорию. С невидимыми дело обстояло иначе. Глядя в пустое поле графической программы, фотограф гримасничал и закатывал глаза — выходил в мыслительную реальность. После этого сохранял файл (размер равнялся средней по качеству картинке) и отправлял в специальную папочку. Так же поступали репортеры, когда писали статьи. Кириллу периодически казалось, что он видит пропущенное слово или часть фотографии. Но видение длилось короче быстрого сна.

Главное — газету читали. Во всяком случае, покупали. Тираж гарантировал высокую зарплату деньгами и астрами. Чего еще желать творческому человеку?

Втягивался в новый быт Кирилл недолго, а втянувшись, забыл о миссии в Вымысле. Поиски утратили смысл на фоне отдельной, пусть и малогабаритной, квартиры, премий и новых знакомств. Крючковец занимался любимым делом, покупал что вздумается и мыслил как угодно.

Впрочем, запасами астров он пользовался все реже — просто не хотелось.

Ему определили место за солнцеобразным столом в большой комнате: все под рукой, никто не мешает. Верстали здешние специалисты на привычном софте. Украдкой Кирилл иногда подправлял слова, и это сходило с рук — правильность незаметнее ошибки. Да и режим потока брал свое: назавтра журналисты забывали, о чем писали вчера.

В пропуски верстальщик не лез — трудно править то, чего не видишь.

— Вот эту пустоту подправь, там описка, — редакторский палец ткнул в монитор.

Шефа звали Елена Сергеевна или просто Елена — по имени, на «вы».

— Так? — Кирилл стер и восстановил пробел.

Начальница закатила глаза — господи, все приходится делать самой!

— Запоминай. — Редактор защелкала по клавишам, но буквы на экране не появились. — Пора бы уже научиться. И откуда вас таких берут?

Свернула одно окно, открыла другое.

— Теперь с фотографией — ее можно поднять, слишком много «воздуха».

Верстальщик выполнил просьбу. Передвинул отсутствующее изображение выше. Попробовал представить, как он смотрит на картинку из мыслительного мира — не вышло. Словно кто-то поставил на мозги глушилку.

Ежедневно после работы Кирилл пил пиво с коллегами. Исключительно за компанию — к напитку приходец был равнодушен и в прошлой жизни. Стоял, слушал и молчал — сказать нечего, но нарушать ритуал нельзя.

Крючковец записался в борцовский зал, походил и перестал — он и так в порядке, а поддержать форму всегда успеет. Когда развлечения ради Кирилл забрел на тренировку, обнаружил, что борется злобно, будто за путевку на Олимпиаду. Раньше он не сомневался: спорт — это замена

войны для цивилизованных мужчин. Только убивать соперника не нужно, даже если он принес тебе массу неприятностей. Пожали руки — и разошлись, чтобы назавтра снова сойтись в поединке.

Откуда взялось это тупое, нечеловеческое чувство злобы?

Переживая внутренние разногласия, Кирилл признался себе — с ним что-то не так. Это, как известно, первый шаг к выздоровлению. Но что нужно делать — хоть убей, не придумывалось. Мучила жажда деятельности, однако заряд приходилось держать внутри и снова идти на работу, садиться за машину. И снова после смены заходить в бистро и молчать, глядя на собеседников, теряющих время за пустыми разговорами. И самому терять его безвозвратно.

Как-то Кириллу довелось возвращаться домой пешком. Новенькие ботинки отбрасывали снежно-водяную жижу, как опытный преферансист снос. Сшитая из странного материала одежда на вид казалась излишне легкой для поздней осени. На самом деле в ней было комфортно. Крестьянский стиль, присмотренный при первой покупке одежды, верстальщик сменил на современную ему моду. Пуховик, джинсы и ботинки на высоком протекторе.

Остальные рядились в древние костюмы, Крючковец дорожил потерянным настоящим.

Старинный автомобиль, кажется, «Мерседес» модели тридцатых годов двадцатого века, ехал рядом медленно, словно присматривался. Затем притормозил.

— Привет, корректор! — Дверь со стороны пассажира открылась, из нее показалось симпатичное личико.

Знакомых женщин у него мало, значит, это может быть только...

— Юля? — Верстальщик сделал шаг к машине. — Ну ты даешь!

Девушка выглядела шикарно. Даже накидка с капюшоном не могла этого скрыть. Внешний вид, замешанный не на косметике, а на самоуверенности, заметен и в темноте.

— Поехали в театр? — Юля поманила рукой. — Вечер пропадает. Галантных кавалеров здесь кот наплакал.

Прохожие косились. Забавная картина: дама пристает к мужчине, а тот артачится.

— Неожиданно как-то. Да и не одет я...

Юля рассмеялась — искренне, как принцесса, которой отказал придворный садовник. От смеха повеяло букетом из веселья и предостережения — и не пытайся отказаться!

— С этикетом здесь просто, — голос девушки изменился со времени их встречи в «отстойнике», — иди, в чем хочешь. На галерке порой сидят первобытные люди в мамонтовых шкурах и с мобильными телефонами.

Соппротивление Кирилла ломалось. Остался последний плацдарм — привычка.

Он привык после работы идти домой, по пятницам задерживаться в ресторане, а на выходных паяться в монитор.

И вдруг ему предлагают нечто выходящее за рамки расписания, и мигом возникает дискомфорт. Обычный поступок превращается то ли в подвиг, то ли в преступление. Но ни награды, ни наказания не хочется. Хочется оставить все, как есть.

Кирилл не слыл легким на подъем, а размеренная жизнь в Вымысле отодвинула его порог спонтанности еще на пару отметок вверх.

— Давай сходим. — Слова полетели, вроде и не было раздумий. — Я сегодня как раз не в шкуре.

По дороге Юля рассказала, как устроилась. Сначала боялась работы в детском саду: ее идеалы выглядели иначе. Со временем поняла, что в детях души не чают и готова сидеть с ними сколько угодно. С точки зрения оплаты, труд воспитателя в Вымысле ценился не хуже дикторского. Юля тоже жила в центре, получала приличные астры и могла ходить по дорогим магазинам. Денежная зарплата позволяла ей там не только мечтать.

— А со смыслом как? — Кирилл привык к обитому кожей салону автомобиля. Обогреватель располагал к неге. — Нашла?

Девушка ехала осторожно, рядом с обочиной. Вопрос заставил ее крутануть руль.

— Нет. Ищу.

— Успешно?

Машина вырулила в правую полосу.

— Хоть ты не морочь голову!

— А что, кто-то еще морочит?

— И не придирайся!

Кирилл отвернулся, посмотрел в окно. С автомобилем складывалась та же ситуация, что и с одеждой. Старинный с виду, он оказался современным внутри: аудиосистема, навигация, автоматическая коробка передач. В Вымысле все-таки первично качественное содержание, а форму каждый волен выбрать по вкусу.

Сколько такое авто стоит, и где их производят? Хорошо, разработать конструкцию могут думатели, но не стоят же они на сборочной линии? Пусть все автоматизировано, все равно есть человек, который жмет кнопку. Вряд ли это умник, скорее пролет. А если кнопок больше одной, неплохо бы разбираться, какую жать. Значит, работяга хотя бы минимально должен знать процесс. Однако знания — удел, опять же, умников. То есть, и среди них существует разделение?

Откуда оно вообще пошло, это разделение на выдумщиков и исполнителей? Что явилось отправной точкой?

— Не обижайся, — Юля произнесла это честно, по-женски, без выученных интонаций. — Знаешь, я перестала думать о смысле. Есть он — и слава богу. Регистрация стоит, что еще нужно: живи, работай и будь счастлив.

Мне такая жизнь нравится. Там приходилось мириться со всякой шушерой... — Девушка замолчала. Видимо, вспоминала поименно. — А здесь ясно: это — пенка, а это — осадок, цена которому — копейка. И самое интересное — это устраивает всех. Вот моя мама — учительница, и ей такие зарплаты не снились.

— Я не обижаюсь. Наоборот, испугался, что задел тебя.

Улыбка победительницы озарила отражение в зеркале заднего вида.

— У тебя билеты-то при себе? А то есть шанс поменять спектакль на посиделки в театральном кафе. Заранее оговорюсь — я не против.

— И не надейся. Об этом я позаботилась.

Оно того стоило. Театр во всех его проявлениях — от клубного stand-up до камерных представлений — был самым популярным развлечением в Вымысле. Кино предпочитали смотреть дома, концерты собирали только подростков: лишь здоровый взбалмошный разум мог перетерпеть выступления местных певцов и музыкантов. Долбежные ритмы перемежались многотактовыми паузами, которые приводили девушек в экстаз, а мужчин заставляли глотать скудные слезы. И снова шел «рваный кач» до потери сознания.

Театральное действо олицетворяло потребности среднего класса. Живое представление сочеталось с музыкой и сценографией. Поговаривали, что драматические актеры получали заоблачные суммы в астрах. О деньгах слухи скромно умалчивали.

Спектакль Кириллу понравился. Незатейливый сюжет и скромное оформление он простил. Поразила игра актеров, точнее — возможность человека держать на сцене паузу и тем самым говорить.

Юлю занимало иное:

— Непонятно, — прошептала она в середине четвертого акта, — они здесь шьют такую замечательную одежду, а костюмы в театре убогие...

Когда Кирилл в последний раз ходил в театр, его тоже поразила дешевизна костюмов. Одежду актерам приходилось «доигрывать», от чего мастерство их становилось выше. Невозможно «представлять» короля в обносках, это можно только «переживать».

— Мне кажется, — тоже шепотом ответил Кирилл, — это беда всех театров. Интересно погрузить человека в сложные обстоятельства и смотреть полтора часа, как он из них выбирается. Если не ошибаюсь, это — одна из основ построения сценического действия.

Девушка иронии не поняла.

Повинуясь замыслу режиссера, включились прожекторы. Кирилл развернул программку, которую бабушка-зрительница дала на входе. Текст набирали обычным газетным шрифтом, печатали на сероватой бумаге. Широкие растянутые буквы, громадные интервалы между строчками... Верстальщик старался наступить на тень появившейся мысли, но она ускользала, — невидимка двигал источник света. Оркестровое крещендо отпугнуло тень окончательно и привлекло внимание к сцене.

Крючковец закрыл глаза и растворился в голосах персонажей. Перед ним разыгралось другое действо. Упрятанный в тексте смысл обрел очертания. Он отличался от постановки, как репродукция от подлинника. Неужели каждый зритель может закрыть глаза и представить свою пьесу?

Оказалось — не каждый.

К пятому акту на галерке зашуршали обертками. Пролеты не выдержали натиска этикета. В партере обнаружили носами головы и повернутые друг к другу прически. Интеллектуальная нагрузка вышла не по силам и некоторым думателям. Ходи Кирилл в театр постоянно, он бы тоже, наверное, расслабился. А так в зрительском сиденье он чувствовал себя скованным уважением к таинству. Да и перед спутницей не хотелось казаться вульгарным работягой.

Финальную фразу и коду Юля проводила протяжным, прикрытым ладонью, зевком.

— Сегодня отыграли не очень, — сказала она, садясь в машину, — тоже, своего рода, пролеты от искусства.

— Не знаю, мне понравилось, — тепло от печки добралось до ног Кирилла. Он с блаженством откинулся на спинку. — Я сам недавно думал, существует ли расслоение среди думателей. Считаешь, есть?

— А что тут считать? Один актер играет искренне, другой — халтурит. Прагматичный архитектор строит дом по расчетам, талантливый — по зову сердца. Дома получатся похожими, пока не войдешь внутрь. По-моему, талант — это умение вкладывать душу.

— Ты хочешь сказать, талант и смысл могут не пересекаться? Многие берегут душу, чтоб не расплескать по пустякам. А дело, меж тем, идет...

— Тебе же ясно дали понять: смысл — всего лишь штамп в документе. Регистрация. Чтоб воздухом не зря дышал.

— Я был уверен, они проверяют. Какой *смысл* делать то, что не нравится?

— Значит, есть *смысл*. — Юля вырулила на проспект. — Тебе куда?

— К Университетскому спуску...

Нега окончательно расслабила Кирилла и погрузила в состояние между сном и явью. Удивительная встреча получилась: сходил в театр с симпатичной девушкой, хотя собирался провести вечер в одиночестве.

Случайность? Быть может. Но случайности происходят крайне редко. Во всяком случае, в другой, невымышленной жизни. Здесь, где мыслепространство — часть быта, случайностей нет вообще.

Кому-то сегодняшняя встреча понадобилась. И этот кто-то закрыл глаза и представил, как возле прохожего останавливается старинный автомобиль...

...Сон отогнало не ощущение опасности, а его предчувствие.

Кирилл страдал автомобилефобией: авиакатастрофы и крушения поездов его пугали меньше, чем аварии на дорогах. Сводки в выпусках новостей заставляли верстальщика содрогаться при каждом нажатии на педаль газа,

даже когда он сидел на пассажирском месте. Самому сесть за руль Кириллу и в голову не приходило: дороги кишели сумасшедшими, которые купили права и ездили, как хотели.

Будь ты хоть трижды осторожным, спровоцировать происшествие может кто угодно.

В Вымысле ездили спокойней, а удостоверения вручались после тщательного обучения. Аварии случались, но реже.

Предчувствие разбудило фобию.

Сначала на дорогу выскочила собачка, за которой волочился поводок. Затем выбежал ребенок. Юля ехала не очень быстро. Но когда скрипнули покрышки, и тело Кирилла подалось вперед, стало ясно: столкновения не избежать...

...Подсознание среагировало молниеносно: Крючковец представил себя на тротуаре.

На другой стороне стоит фонарный столб. Его свет борется с вечерним сумраком. Парень срывается с места и вслед за ребенком несется под автомобиль. Девочка (капюшон упал, из-под вязаной шапки на ветру прыгают косички) не знает, что инстинкт выручит собачку, она проскочит. Однако жалость сильнее страха.

Машина тормозит. Кирилл отталкивается от сырого асфальта и пикирует над его поверхностью в десятке сантиметров. Хватает девочку — передок «Мерседеса» задевает лодыжки. Траектория меняется. Вместе с девочкой спасатель влетает в столб. Руки наполняются липким. Голова девочки заливается кровью. Виновник происшествия — мохнатый пуделек — подбегает к лежащим людям, тщательно обнюхивает их и скулит...

...столкновения не избежать. Кирилл мог рвануть руль или вместо Юли мгновением раньше нажать тормоз. Но предпочел реальным действиям мыслительное спасение.

Теперь времени на физическое вмешательство не осталось.

Косички метнулись в воздухе и исчезли под капотом. Водитель и пассажир одновременно выскочили из машины. Девочка лежала на дороге. Рядом валялась разорванная сумка. Пудель с высунутым языком метался вокруг хозяйки. Юля вскрикнула и отвернулась. Кирилл подошел к девочке. Та открыла глаза и подняла голову. Тут же начала рыдать. Верстальщик поднял ребенка, отнес к автомобилю и уложил на заднее сиденье. Сходил за сумкой. Видно, она болталась на боку у хозяйки пуделя, и удар пришелся именно в этот бок. Собирая тетради и книжки, Крючковец машинально открыл один из учебников — «Словесность. 5-й класс». Начал листать...

Сигналили проезжающие мимо машины. Звала и мигала фарами Юля. Пришедшая в себя школьница просила вернуть портфель. Тыкался носом пудель. А Кирилл читал и читал. В очень неудобной позе. В весьма неуместной ситуации. Но бросить не мог: кажется, он уловил смысл. И отпускать его не собирался.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Без даты.

«По сути, потомкам будет плевать на то, что мы писали. Им будет достаточно того, как мы это делали. По одним следам-буквам можно многое понять, не вникая в суть написанного. Складно они свои ощущения вряд ли оформят, но нутром почувют скрытый смысл. Человечество привыкло писать не то, что думает, а так, как оно живет.

Выведем за скобки картинное, иероглифическое и слоговое письмо. Обратимся к привычному буквенно-звуковому написанию. На его заре, во времена Римской Империи, пропорции букв были таковы, что вписывались в квадрат. Справедливое решение — читать «переделанный» этрусский алфавит, созданный на основе греческого, гораздо проще. Вспомните, каким шрифтом печатают буквари — буквы большие, крупные, чтобы детям легче читалось. Со временем латинских книг стало печататься больше, объем их увеличился. Шрифт стал узким, вертикальные линии — тонкими, а горизонтальные — жирными. Плотность текста возросла настолько, что иногда слова приходилось разделять точками. Исторически этот отрезок времени (начало нашей эры) ознаменован для римлян расцветом Империи. Необходимость в письме была огромной — от передачи знаний и сведений до агитации. С развитием письменности, возросла и нагрузка на нее. Учитывая сложность печати, пришлось впихивать в одну страницу текст, который раньше умещался на двух или трех листах. Читать такую книгу было неудобно, и на помощь пришел научный подход. Печатники рассчитали оптимальное количество букв в колоночной строке — двенадцать. Один знак составлял 1/12 часть — унцию. Унциальное письмо отличается округлостью форм и заметными выносными линиями — появились некие изыски. Текст представлял не только смысловую, но и художественную ценность. Этот шрифт появился в столетия упадка Римской Империи и ее раздела на Западную и Восточную.

Форма победила содержание и на бумаге, и в истории.

Наследников у Рима оказалась уйма. Разделяло их многое, объединяла ничтожная малость. Ею стал каролингский минускул — самое рациональное и совершенное из всех типов латинского средневекового письма. Кто знает, возможно, именно благодаря ему количество войн и человеческих жертв получилось не таким огромным, как могло быть. Когда люди понимают друг друга и враг врага, договориться гораздо проще.

Всеобщее увлечение готическим стилем отразилось на форме букв. Расстояние между строками сократилось, картина письма стала темной, чтение и написание затруднились. Зато так считалось модным.

Темень не могла длиться вечно. Гуманисты эпохи Возрождения вернули в обиход каролингский минускул и назвали его «антиква», ошибочно полагая, что это письмо античных времен. Естественно, в шрифт применяли эстетику Ренессанса (обводки и вензеля). С некоторыми видоизменениями антиква пережила барокко и классицизм, пока не разбилась о твердыню английской рекламы. В начале 19-го века на Туманном Альбионе стали применять брусковый шрифт — с засечками, равными по толщине вертикальным элементам букв. Он прекрасно смотрелся на пестревших объявлениями газетных полосах. Там, где господствуют деньги, красота ни к чему — отвлекает от подсчетов.

Наконец, появились рубленые шрифты — без засечек, с одинаковой контрастностью штрихов. Проще — значит популярнее. Что может быть проще построенной на трех аккордах песни? И кто может быть богаче певца, который ее исполняет? Массовая культура и мировоззрение большинства подписали мир ровными незамысловатыми буквами.

Кегли, цитеро и апроши таят достаточно секретов. Нужно лишь уметь всматриваться.

Читая старинные книги, узнаешь многое. Но еще больше является разуму, если всмотреться в белизну (или желтизну) пробелов и интервалов. Бог мой, там сокрыты судьбы целых эпох. И знать их человеку, умеющему видеть только буквы, очень опасно».

— Любезный, мы так не договаривались. Он давно должен был понять и уйти. На его место у меня есть кандидат, из наших.

— А я при чем? Пусть понимает и уходит. Очень надо мне ему мешать. Хоть помешайся тут. Да и как я могу мешать? В голову ему влезу?

— Не прибедайся. Мы, коренные жители, знаем о мыслепространстве больше пришельцев. И умеем искусней им пользоваться. С вашими казенными возможностями вообще такого натворить можно... очень мне подозрительно, что вапа подопечная, явилась к нему как бы случайно и стала наталкивать на мысль, мол, здесь лучше, чем там...

— Что сразу «подопечная»?! Чуть что — подозрения... как их... беспочвенные, вот!

— Я попросту предполагаю, дескать, интрига эта вполне быть может твоего ума дело. Сел, представил себе это дельце так и сяк, оно и случилось. У государственных чиновников, я верно знаю, есть такая возможность. Ты, дружок, часом не понеделньо за него пеню получаешь, а?

— И получаю! Заполучался весь... у меня таких десятки. Буду я на него астры казенные тратить. Если на то пошло, лучше сопру да на счет кину. Нужен он мне очень!

— Нужен, стало быть, милейший. Сдался зачем-то. А про астры краденые на счету и проведать могут, их надолго не утаишь, так что не завирайся. Короче — так: или через месяц он прозревает и исчезает, или я ходатайствую о переводе на здешнее гражданство. За своего, поди, много не дадут?

— Дался тебе этот словоправ... чем он лучше твоего человека, если до сих пор не додумался, в чем смысл?

— Тем, что мой человек здесь родился и вырос. От пришлых терпели беды его родные и он сам. Наша земля должна быть нашей, а астры — для наших умов.

— Хорош чупшь идейную петь, а то поверю ненароком. Обещаю, не буду его трогать. Хотя ты прав, дают за него дорого. Но ты мне дороже — как поставщик.

— Это пока. Так сложилось, мы без вас сейчас обойтись не можем, у вас полный реестр. Но настанет время...

— Не настанет. А настанет, так не скоро. О вас там, наверху, есть кому подумать. Как следует подумать. Мне мужика жалко. Он-то о нашем договоре не знает. Не уложится в месяц, останется здесь навсегда. Намекнуть ему, что ли?

— Можно было бы. Давно бы ему выдал смысл. Но это прямое вмешательство, за такое сослать могут. Я не желаю туда, откуда являются пришельцы. Эх, законы надо менять. Да кто менять-то будет, когда выгодно так, как есть? Что парень не знает о сроке — худо, вопросов нет. С другой стороны, у них тоже люди загодя не знают, сколько кому отмерено. Ходишь по эту сторону жизни, а потом — раз! — и на другую перевели. По договору или без — не суть важно.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Без даты. Продолжение

«Русские шрифты пережили практически ту же эволюцию, что и латинские. Началось с «квадратного» устава и «круглого» полуустава. Через скорось, вязь и петровский шрифт написание слилось в развитии с европейскими системами. Шрифт Вымысла, скорее всего, является пиком дизайнерского искусства. Буквы малоcontrastные, штрихи с мелкими засечками, которые соединяются с основными линиями при помощи закруглений. Шрифт четкий, ясный, хорошо читаемый. Немного «прижат» к базовой линии и как бы растянут. Расстояния между строками больше, чем надо, но это не портит удобство чтения. Думаю, дело в том, что местная пресса и книги в большинстве своем издаются в электронном виде. То есть, нет погрешностей офсетной печати, могущей «затереть» мелкие детали шрифта. А бумажные издания выполнены немного видоизмененным написанием — рубленым. Межбуквенные интервалы тоже кажутся увеличенными сверх меры, однако и к ним быстро привыкаешь. Все эти пустоты, пробелы и полости внутри букв таят загадку. Впрочем, человек непосвященный в тонкости верстки вряд ли будет напрягаться над ее решением. Текст заигрывает с читателем, чего-то не договаривая, предлагая искать смысл между строк.

Пытался переключить шрифт в электронной книге — не вышло, хотя я изрядно покопался в настройках аппарата. В списке есть еще несколько гарнитур, но при выборе все они отображаются как «Shrewd Style». В эдишем справочнике написано, мол, этот шрифт — оптимальный. Проверять эту информацию нет времени. Чутье подсказывает — и не дадут мне ее проверить. Нужно попробовать прочитать текст из мыслепространства».

Умному изображать дурачка несложно. Труднее — наоборот.

Кирилл сидел в кабинете главного редактора и молча кивал в ответ на упреки.

— Поначалу, не скрою, вы произвели впечатление настоящего думателя. Но сейчас я вас, откровенно говоря, не пойму. — Елена Сергеевна

говорила, не отвлекаясь от черновиков. — Да, газета — своего рода поток конвейер, но здесь работают думатели. А вы на глазах превращаетесь в работягу от интеллекта. От интеллекта, да. Я могу понять местных, им спешить некуда. Отсюда их некоторая... безответственность, что ли. Но вам... Неужели не хочется домой? Хотите остаться навсегда?!

Верстальщик замотал головой, хотя и не понял, что постыдного в желании остаться.

Елена Сергеевна когда-то была весьма привлекательной женщиной, тратила астры на косметику, парикмахеров и солярий. Она и теперь выглядела подтянуто, но отнюдь не свежо. Работа выжимала ее, как резиновые сапоги — сок из винограда. Оставшийся жмых главный редактор тонировала пудрой — не для себя, и уже давно не для мужчин. Того требовала работа с подчиненными: покажи слабинку — дадут подсечку, повалят на пол.

— Ваша специальность требует творческого подхода. — Елена Сергеевна помахала рукой, внося правку в макет на мнимом экране. — А вы, извиняюсь, наблатьякались верстать по шаблону, и в ус не дуете. Да, именно в ус. Посади сейчас на ваше место работягу, он будет делать то же самое. Получается, вы свои астры за зря продумываете. Похоже на слесаря, который точит заготовки, складывает и снова точит.

— На токаря...

— Что?

— Точить — это работа токаря.

— Я это и имела в виду. В общем, так: даю вам месяц, как раз до Нового года. Не постигнете суть, придется писать заявку на перевод. Возможно, на бирже ошиблись с направлением, и вам нужно искать другой смысл.

Редактор перевела взгляд на макет, давая понять, что разговор окончен. Кирилл направился к двери. Елена Сергеевна произнесла вследа полупшепотом:

— Как можно летать, зная только матчасть? А романтика, а чувство высоты?..

Верстальщик повернулся:

— Что вы сказали?

Из-под очков на Кирилла смотрели красные от переутомления глаза:

— Идите, Крючковец. Работайте. Да, идите.

И Кирилл пошел работать так, чтобы никто не догадался, что он умеет это делать со смыслом. Притворяться тяжело и неразумно, но время еще позволяло.

Ну, перебросят на другую работу — что страшного? Он подобрался к цели вплотную, кожей ощущал догадку, еще чуть-чуть, и картина станет полной. Никуда правильная мысль не денется. А развить ее можно и в кочегарке, и в директорском кресле. Главное — не спешить и довести умо-заклучения до конца.

Кирилл внутренне готовился к долгим сидениям в библиотеке, а вышло, что сетевой базы достаточно. Подсказка из школьного учебника стала ниточкой к ответу.

Астры буквально улетали с виртуального счета. По этой причине откладывался ответный визит вежливости к Юле — сил оставалось только на помыться и лечь спать.

Помимо основной службы Кирилл копал вглубь «вымышленной» письменности. Она прошла тот же путь, что земная, но развилась дальше. Большое внимание в учебниках уделялось пространству внутри букв и межбуквенным интервалам, а также пробелам. Первоклашек не столько учили алфавиту, сколько тому, как соединять буквы в слова, а слова — в предложения. Точнее — как не соединять. Учебник на две трети расчертили таблицами, где значились связки на все случаи жизни. Будто самая суть грамматики находилась не в правильности написания слов, а в их сочленении.

Новые знания помогали в работе. Замечания Кирилла из нелепых превращались в меткие — журналистам приходилось соглашаться с правками верстальщика. Сложность заключалась в том, чтобы сыграть озарение. Показывать осведомленность Кирилл не торопился — проверял рабочие догадки и гипотезы.

Во время верстки приходец переходил в мыслительное бытие. Сначала это отвлекало, а спустя пару недель у Кирилла начало получаться.

И тогда он увидел истинный текст.

На месте пробелов — набор слов, которые наслаивались, образуя мешанину. Разобраться в ней не представлялось возможным, однако с каждым прочтением Кирилл раскапывал пласты. Они вобрали множество лексем — от молодежного сленга до выражений античной литературы. Газетные строки, как и любой текст в Вымысле, были голой структурой, заполнять которую предлагалось читателю. Первая мысль о том, что это упрощает работу пишущего, сменилась обратной. Каким же запасом знаний нужно обладать, чтобы сделать трафарет для человеческого мышления!

После серии опытов Кирилл понял: и знаний особых не нужно, и мышление читателей ограничено. Пишущая братия подбиралась из людей, способных черпать из мыслительного поля не задумываясь. Читатель изысков не требовал и съедал с удовольствием духовный фаст-фуд из полуфабрикатов. Все оставались довольны и к большему не стремились. О талантах, способных выковыривать из мысли оригинальные идеи, Кирилл не слышал. В газете таковые не работали, а на чтение книг не находилось времени.

Теперь он нагонял упущенное. Благо, книга у него была одна — электронная, — зато количество текстов ограничивалось лишь объемом памяти.

Между строк обнаружилось много интересного. Зависть, лень и стяжательство перемежались с творческим порывом авторов. Раньше Кирилл и думать не мог, что беллетристика таит столько страстей. Чем проще по идее оказывались вещи, тем ближе написанный текст совпадал с мыслительным.

К романам в мягкой обложке Кирилл быстро потерял интерес: что читай, что думай — одно и то же. Классика увлекала больше. В ней прослеживалась радость открытия сюжетных ходов, а пробелы пестрели содержанием. Занимательно читалась литература середины двадцатого века. В ней через слово стояли страх, отчаяние и ирония. Многие книги рассказывали совсем не о том, о чем казалось раньше: там прятался иной смысл — цветастее и объемней печатных знаков.

По простоте душевной Кирилл полагал, что на бумаге скрытые слова теряются. Нисколько — глаз научился видеть тайные буквы везде.

В Вымысле грамотность была страшным оружием в неумелых руках.

Вместе с пониманием языка к Кириллу пришло новое умение — пропадать и появляться. Это происходило либо незадолго до сна, либо перед пробуждением. Мерещилось возвращение домой: на работе верстает, дома смотрит с женой кино, тратит обычные деньги. Назвать бы это обычным сном, но однажды верстальщик задремал в редакции и его обыскались: в предвыпускной день номер был сверстан на треть. Удивились, обнаружив Кирилла спустя пару часов спокойно работающим над выпуском.

Бывалые редакционные лодыри хотели даже освоить новый вид отапливания.

Засыпать получалось не исчезая.

Кирилл чувствовал, что его время в Вымысле истекает и замедлил изучение языка, чтобы оставить время на его использование. До полного познания смысла осталось чуть.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Четвертая неделя

«...В р е д к е дни о д н о ч е с т в а он часто выходил на балкон и наслаждался. Силится понять, чего больше в уединении — радости или печали. Он з а д а в а л вопросы ш е л е с т я щ е й за окном, и каждый раз получал р а з н ы е ответы. Как будто де р е во меняло мнение, к новому порыву ветра. О б л а к а на этот счет вообще молчали, а солнце только ради того, чтобы свысока о с в е т и т ь в раздумываю щего ч е л о в е к а. Вступить в разговор с самим собой он не решался, боясь получить, потому н е л и цепря тны й. В подобном смятении проходили дни. Потом, как и в жизни, появлялись г о с т и — з н а к о мые и не очень. О д н о ч е с т в о отступало само собой. Его не интересовало, на какой с т о р о н е желает остаться. Оно принимало т у, где человеку п р и ш л а п о р а н а ж о д и т ь с я...»

Это отрывок из книги популярного вымыслянского автора. При здешнем шрифте использовать подобный стиль считается плохим тоном. Высший пилотаж, когда писатель ставит не явные, а мнимые пробелы. Кстати, в книгах из прежнего мира я ценил то же. Однако здесь произведения подобного рода раскупаются с охотой. Львиная доля читателей — пролеты и ремесленные думатели. Надо полагать, процесс чтения такого текста укорачивает путь к смыслу. Дыры между словами и буквами созданы

для подглядывания за героем. Пока довелось прочесть не много, но могу сказать точно: тексты с явными пробелами не изобилуют откровениями. Оно понятно — будь у каждого прочерка не один-два, а хотя бы пять вариантов трактовки, читать такое представлялось бы делом весьма сложным. А так — все понятно и просто, насколько что-либо может быть простым и понятным в Вымысле».

Захар вошел в кабинет главного редактора, как в собственный. Строгий взгляд Елены потребовал объяснить наглость. Из двух вариантов — изобразить деловитость или улыбнуться — чиновник выбрал второй:

— Застать врасплох вас невозможно, — он развел руками, — но если не пробовать, никогда не получится, правда?

Елена сняла очки, выдохнула и свернула висящее над столом изображение.

— Я принес материалы, как вы и просили, за две недели до выхода. Из этого нужно сделать статью... правильную статью. В ней должна пройти подготовка читателя к грядущим ограничениям по выплате астров. Это я вам так, в лоб говорю, а в тексте нужно сделать мягче. Непопулярные меры требуют подбора слов. Впрочем, кому я это рассказываю. Выпустим, отследим мнения — прежде всего думателей, по ним ударит больше. Пролеты, скорее всего, просто порадуются. А там цика запустим...

Редактор снова зажгла монитор и повернула его к визитеру. Тот достал из кармана световой накопитель и полоснул лучом по изображению, сбрасывая информацию. Елена открыла файл и пробежала глазами по строчкам.

— Творческой частью я прошу заняться лично вас, — развлечения ради Захар водил лучом накопителя по стене, — откорректирую статью сам, для верстки и печати надо бы подобрать удобную смену: чтобы люди понепонятливей были. Тут каждый пробел несет смысл, каждый просвет. Сплошь одобренные интервалы — никакой самодеятельности.

— Печатать будем вашим шрифтом?

— Безусловно. Там, — Захар показал пальцем вверх, — довольны эффектом. Не зря спецразработчики получают астры, — мощные пробелы придумали. Я для себя попробовал набрать тот же текст обычным courier — без толку. Сплошная канцелярщина: ни всплеска понимания, ни готовности поддержать. Хоть обчитайся весь.

Елена закрыла документ и свернула монитор. Что-то отметила в блокноте.

— Я поставила в план.

— Напоминать о степени секретности не нужно? Говорите сотрудникам что угодно, но когда будете молчать, делайте это осторожно.

— Не впервой. — Редактор кашлянула. — Сделаем.

Захар посмотрел на часы. Еще пару минут он мог поболтать, но Елена вновь забарабанила пальцами по мнимой клавиатуре.

— Тогда до свидания. — Чиновник перестал шарить лучиком по стене и как бы случайно навел его на лицо редактора. Елена Сергеевна

с раздражением отвлеклась. Такой она нравилась Захару — строгая учительница с угасающей чертовщинкой в глазах. — Мне в театр еще сегодня — артистов напутствовать. Они думают, что чем больше актер, тем больше пауза. Придется внедрять новаторские методы. Хоть завнедряйся с ними...

Когда гость ушел, Елена проверила мыслепространство — чисто! — и оттуда набрала слуховой номер.

— Слушаю, — раздалось в ушах.

— Только что приходил Захар...

Дальше последовало молчание: переговорщики обсуждали, как действовать. Пришлось торопиться — канал Чистого пока не засветился, и эту линию нужно было беречь.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Середина второго месяца

«Паузы в разговоре нужны для интонационного оттенка и возможности осмыслить сказанное. Хороший рассказчик в кульминации повествования останавливается, чтобы слушатели «проглотили» услышанное и приготовились к следующей части рассказа. То же делают юмористы, потому как оперируют двух- а то и трехслойными по смыслу сообщениями. Без их полного осознания не получится задуманного эффекта. Важно не передержать паузу, а то слушатель подумает, мол, его считают дураком. И наоборот — пьяному все равно, кто его слушает, он рассказывает то, что знает. Именно поэтому пьяные рассказы зачастую вызывают улыбку, даже если человек пытался поделиться горечью. Классовое различие жителей Вымысла можно обозначить длинной пауз во время беседы. Пролеты говорят отрывисто, путано, с большими промежутками между словами и предложениями. Работяг-болтунов по ту сторону предостаточно, здесь же их нет вовсе. Речь думателей — беглая и осознанная. Они говорят так же, как большинство в моей реальности. Это не только из-за уровня образованности и частых упреждениях в диспуте. У пролетов просто нет средств для обширного и многословного общения. Они спешат тратить деньги, а это занятие далеко от мыслепространства.

У моего соседа по подъезду очень престижная работа — он водитель маршрутного такси. За городом у него дом, огород и гараж, в который он каждый год ставит новые автомобили. В квартире на втором этаже появляется редко: нет смысла возвращаться домой с ночной смены — утром снова на маршрут. Когда мы встречаемся у входа в подъезд, происходит приблизительно следующая беседа:

— Привет.

— Здравствуйте, дядя Боря.

— Как ты?

— Спасибо, ничего. Работаю потихоньку, привыкаю.

— Ну, давай.

— И вам всего хорошего.

— Пока.

Вот я только что написал этот диалог, и сам понял, до чего расточительным выгляжу в глазах соседа. Все-то мне нужно обсказать, обсмаковать... А у него все просто — «привет, как, ну что, ага, давай». Иногда кажется, что он меня совсем не понимает. Что говорить о пролетах и умниках, общающихся на более высоком, нежели бытовой, уровнях. Нет, так им никогда не понять друг друга. Видимо, местное написание стало в свое время неким компромиссом между классами. Дескать, пишите, сколько хотите, но чтобы это читалось без торопливости, с паузами-пробелами.

Кстати, нужно будет спросить у дяди Бори, умеет ли он читать».

Каким спортом ни занимался бы человек в Вымысле, процесс тренировки одинаков: пробежка, разминка, переход в мысль. С точки зрения пришельца это выглядит странно — атлеты стоят кружком на протяжении часа. Кирилл достаточно пожил в новом мире, чтобы тратить время на удивление.

В спорте, как и в жизни Вымысла, действия значили немного. Главное находилось внутри. Только умственно ограниченными болельщикам было интересно наблюдать за борьбой явной, остальные наслаждались мыслительной схваткой. Если с виду борцы обжимали друг друга, намереваясь сделать проход или выполнить прием, то в мыслепространстве задумки удавались. И побеждал тот, кто быстрее и разнообразнее думал. Нельзя сказать, что физическая форма вымышлянцев не имела значения, но следить за ней требовалось в рамках духовного совершенствования. Бывали случаи, когда любители переигрывали профессионалов исключительно силой и слаженностью мысли. Правда, человек, вообще не имеющий понятия о технике, не может и приблизительно представить ее.

Задача здепшего спортсмена — филигранно переносить навыки в мысль.

Весовые категории (в классическом понимании) местным единоборцам ни к чему. На соревнованиях можно видеть, как маленький борец противостоит массивному сопернику. «Взвешивание» нужно, чтобы определить мыслительную категорию.

В прошлой жизни Кирилл числился средневесом, в Вымысле его перевели в супертяжи.

Растренированность сказалась на результате — на внутреннем турнире Крючковец проиграл три схватки. Уступить двум прытким кандидатам в мастера не показалось зазорным, а вот то, что Кирилла уложила «на туше» девушка, было обидно.

В мыслительных единоборствах женщины зачастую превосходят мужчин.

Осенняя погода с каждым днем старалась подражать зиме: землю припорошил снег, воздух норвил ущипнуть за нос и уши. Приняв после тренировки душ, Кирилл сидел в холле клуба — пил чай с лимоном и смотрел телевизор. Показывали футбол. Верстальщик достаточно вымотался на ковре, чтобы смотреть игру из мыслепространства, поэтому зрелище выглядело скучновато. К Кириллу подсел человек в тунике с капюшоном.

— Физкульт-привет, — Чистый глянул на экран, — какой счет?
— Наши проигрывают, — Кирилл ответил, как пароль назвал.
— Это плохо.
— Может, сравняют...

— Не сравняют. Без мысли играют, как мальчишки во дворе. На что они астры тратят... Небось, на кабаки и девиц непутевых. Нет бы для дела парочку идей оставить.

Возникла пауза. Оба подумали, как можно потратить уйму астров. Выходило, что для дела осталось бы действительно не так много.

— Я знаю, ты прикидываешься, — Чистый Лист уставился в телевизор. Наверное, перешел в мысль — смотреть матч по-настоящему. — Но не знаю, почему ты до сих пор здесь. Почему не возвращаешься обратно в свой мир. Ты же давно раскусил смысл!

Кирилл попросил у буфетчицы второй стакан чаю. Пить не хотелось, но говорить с пустыми руками стало неловко.

Волноваться не стоило: доказательством познания смысла служило только исчезновение человека. Так считалось официально, иначе население Вымысла не набрало бы и нынешней половины. За время пребывания на новом месте Кирилл познакомился с соседями по лестничной площадке. Один — пожилой преподаватель материаловедения, второй — писатель-юморист. Из разговоров за бутылочкой выяснилось, что оба уловили свои смыслы в течение первого месяца, но возвращаться домой не желали — заливали вновь обретенное знание горькой. Она-де способствовала отдалению от цели.

В чем состояло призвание, ни тот, ни другой не помнил.

Раньше Кирилл верил, что от подобной стадни далек. Теперь вот испугался. Вдруг деградация заложена в правилах этого мира и подвержены ей именно «мудрецы», не желающие подчиняться эволюции?

Пришелец дунул в стакан, потом отхлебнул. Горячо.

— Понимаю беспокойство, но не разделяю его. Откуда вам знать, в чем мой смысл. Найду — испарюсь.

Другой вариант имел место в Вымысле единожды, и то — в старинных рукописях. Правда, этого хватило для официальной религии — Почитательства.

В старину жил в этих местах Бондарь. От прочих ремесленников отличался тем, что обучился грамоте. За то в народе его прозвали Чтецом. Пока молодой был, читал ночами, а днем работал. Как состарился и ослеп, научил читать калеку-мальца, который прибил с улицы. Бондарь плел корзины и слушал книжные рассказы, перечитанные им множество раз. В один прекрасный день старик услышал в речи мальчишки иные, не писанные на бумаге слова. И так заслушался, что сплел необычную корзину. Когда в нее пролилась вода, ни капли не прошло сквозь прутья. В ту же ночь явился старцу образ Пришельца и позвал жить в иной мир, где излечивают хвори, дают вдоволь еды и питья и почитают старость заслуженным отдыхом.

— Есть ли смысл там, куда зовешь ты? — вопрошал Бондарь.

— Есть, но искать его не нужно, — отвечал припелец. — Ибо жизнь хороша — незачем задумываться о ее смысле.

— Тогда я останусь. Нет для меня большей радости, чем познание. Любопить из корзины, в которой стоит вода против всяких правил. В вашем мире она вытечет, и я навечно останусь томимый жаждой.

— Но там ждут. Твой путь в лучший из миров преопределен.

— Ничто не определено там, где мысль заполняет воздух между прутьями и держит воду. Пусть иные идут к достижению цели, я же радуюсь пути и концу дороги одинаково.

— Хорошо, — припелец таял в воздухе, — тогда помни: каждый нашедший предначертание отныне будет вознагражден уходом в наш мир, где не требуется думать, а нужно лишь наслаждаться. Ты же, достигший сути, живи здесь вечно.

— Я принимаю твои слова и загодя жалею тех, кто покинет эту землю, где растет ветвистое дерево познания.

— Да свершится так! — Рассмеялся призрак, потому как знал: червей на дереве больше, чем плодов.

Наутро старик помер, так и не приняв благ, а калека, который подслушал разговор, поклялся, что повторит путь учителя. Он пошел по свету, собирая единомышленников, не желающих покидать Вымысел по достижению смысла. Почитатели — так они себя называли — первыми открыли мыслепространство и передали людям секреты попадания в него.

С тех пор от Почитателей произошло множество учений. Переправщики-очистители принадлежали к одному из них.

— Ты прав, других вариантов нет. — Чистый Лист послунял палец и перевернул им воображаемую страницу, показывая знак Почитателей. — Рано или поздно умники исчезают. Не ты первый догадался, что движение к смыслу можно притормозить. Хочешь увидеть, как заканчивают *твои* единомышленники остаток пути?

Если переправщик приехал, что-то ему нужно. Кирилл набросил домогланную накидку и повесил на плечо котомку. В телевизоре показывали повтор гола. Наши проигрывали.

— Бестолково играют, — Чистый тоже встал, — никакой ответственности.

Модель машины, на которой переправщик вез Кирилла, была лет на тридцать моложе Юлиной. Спортивное купе прекрасно держало дорогу на высокой скорости — наверняка авто сохранило лишь старинную форму, остальное делалось под заказ.

Добрались скоро. В охраняемое здание их впустили после того, как Чистый предъявил документы. Пока шли по изгибам коридоров, Кирилл насчитал около десятка охранников — от римских мечников до НАТОвских пехотинцев.

Огромный двор, покрытый зеленой до ядовитости травой, ограждали высокие стены. В углах периметра стояли башенки, на которых дежурили

лучники и автоматчики. Они вносили в архитектурный ансамбль мрачность, в остальном — древний замок, ухоженная историческая памятка.

— Это городская тюрьма ослабленного режима. — Переправщик рассказывал, как о собственном жилище — с гордостью. — Последнее прибежище добравшихся до цели умников. Тиха и смиренна их жизнь: никакой суеты, никакого мыслепространства.

Кирилл попытался нащупать мыслительное поле — не вышло. Воображение упиралось в стену и отскакивало, как бабочка от стекла.

— Оно им ни к чему, — Чистый запрокинул голову и вдохнул. После промозглого зимнего ветра тюремный климат даровал благодать. Переправщик и пришелец не сговариваясь сняли накидки. — Этим думателям, — Чистый кивнул в сторону мужчин, орудующих тямками на газоне, — незачем черпать идеи. Они выскребли все до дна, теперь скребут по нему ложками. То есть, тямками.

На лице переправщика проскочила тень улыбки. Улыбки? Кирилл не помнил, чтобы посредники улыбались. Видимо, Лист и вправду чувствовал себя здесь свободно.

Под землей шел длинный коридор. По обе стороны в стеклянных камерах сидели люди. Сидели — только фигура речи. Заключенные выпиливали лобзиком, лепили из глины, мастерили на станках... Облаченные в робы из мешковины, узники напоминали подопытных мышшей, рассортированных по клеткам. Один ковырялся под внедорожником, занимающим почти все помещение; другой печатал на допотопной машинке, то и дело комкая листы. Все казались чертовски занятыми. Единственным, кто обратил внимание на посетителей, оказался лысоватый мужчина. В его камере из обстановки были кровать, тумбочка и санузел. Завидев гостей, лысый затряс кулаками и стал брызгать слюной.

Звук наружу не доходил.

— А этот чем занимается? — Кирилл подошел вплотную к стеклу, чтобы услышать заключенного. Тот подпрыгивал на месте.

— Тем же, чем на свободе. Врет. — Чистый показал лысому, мол, успокойся. — Был видным политиком, надеждой нации.

Они повернули за угол, пошли вдоль следующей череды камер. Как и на поверхности, под землей строения располагались по периметру.

— Если видеть цель и не пытаться достичь ее, можно далеко откатиться в развитии. — Переправщик деланно зевнул. — Эти люди деградировали до уровня ремесленников. Подписав себе пожизненный приговор, сами привели его в исполнение. Властям оставалось только изолировать их от общества, потому что быть его членами лишены перестали. Представьте, каково сие — видеть пищу и нарочно отказываться есть. Причины разные: нежелание возвращаться домой, радость от пребывания в мысли, астральное довольствие... Но человек недолго живет без еды. Рано или поздно нужно насыщаться. Другой вопрос — чем? До попадания сюда каждый

выбирал сколь угодно изысканное меню. Здесь рацион иной — мыслительная диета: черствый труд и безвкусная приземленность.

Чистый остановился около пустой камеры и прислонился к стеклу:

— У меня к тебе просьба, — переправщик показал рукой на коридор, мол, идем дальше, — настоятельная просьба.

По обе стороны люди в прозрачных комнатах стучали молотками, махали вениками и ковырялись в электроаппаратуре.

— Тебе поручат сверстать статью. — Чистый шел, заложив руки за спину. — С виду — обычная галиматья, каких ты сверстал немало. Но на сей раз нужно будет кое-что добавить. Что именно, сообщу позже. В редакции уверены, что ты до сих пор ничего не понимаешь. Вот я и думаю: они прикидываются или нарочно укрывают твой талант? Меня не проведешь. — Переправщик остановился и, не поворачивая головы в сторону Кирилла, прошептал: — Я прочитал тебя.

Они снова повернули. В первой камере человек набивал ногой мяч.

— Врать не буду, — так же, прямо перед собой, проговорил верстальщик, — мне и вправду виден смысл. Но, насколько я понимаю, исчезнуть отсюда можно только после воплощения его в дело...

Чистый Лист через стекло помахал вяжущей на спицах женщине.

— Я ждал предложения. — Кирилл прислушался. Многообразие занятий бывших умников в сумме давало глухую тишину. — Дело в том, чтобы завершить путь достойно. — Он мельком глянул на собеседника. Тот сложил губы трубочкой. — Итак, что именно нужно добавлять в эту статью?

Они в третий раз повернули за угол, и вышли в коридор, с которого начали экскурсию. Чистый говорил уже не шепотом, но весьма тихо:

— Ты будешь премного удивлен. Полагаю, приятно. То, что городская власть не идеальна, ты, наверное, заметил? — Кирилл состроил мину. — Ну, вот и внесешь в пробелы свои мысли по этому поводу. Ни больше, ни меньше.

— Написать то, что на самом деле думаешь, гораздо труднее, нежели черкнуть на заказ. Честное слово, лучше бы вы попросили состряпать пасквиль. В вашем мире это проще. — Кирилл отвлекся на заключенного, дергающегося под музыку. — И в нашем тоже.

Круг замкнулся, экскурсанты вернулись к пустой камере. Там стояли охранники: один в кольчуге, второй — в одежде французского солдата наполеоновских времен.

— Выбор сложный, понимаю. Надо поразмыслить — без помех, в спокойной обстановке. Я готов ее предоставить. — Чистый глазами указал на открытые двери камеры.

Охранники шагнули вперед. Кирилл рванул в мысль, но снова наткнулся на стену.

— И не пытайся. — Переправщик поправил капюшон. — В этом здании работают только законы классической физики. Все, что

попросишь — в пределах разумного — дадут. Дело не спешное, но сблаговолит ответить через пару суток. Или мне придется искать «слепого» верстальщика.

Дверь захлопнулась, узник не слышал удаляющихся шагов. Лишь в такт походке дергался капюшон. Спустя секунды и он скрылся за углом.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Без даты. Написано от руки (Лист вклеен)

«Расстояние от свободы человека до его заключения под стражу равно двум-трем строчкам уголовного кодекса. В начале чтения приговора это пусть и обвиняемый, но все же человек, а в конце он превращается в негодяя. Его не жалко, когда вина очевидна. Он вызывает сочувствие, если наказан несправедливо. Но в Вымысле слова и действия значат гораздо меньше пробелов и замыслов. Можно ли осудить за намеренные преступить закон? По сути, это тоже преступление, только совершенное в мыслях. Среди обитателей здешней тюрьмы такие нарушители есть: коль скоро вымышленые используют блага мыслепространства наяву, то и отсиживать за преступления тоже нужно реально. Выходит, отбывать срок должен чуть ли не каждый, ибо я далек от мысли, что всякий из нас хоть раз в жизни не умыслил худого. Пизбить пьяного пристава, порешить членов правительства, возжелеть прохожую красотку — мало ли на что способен человеческий умишко. Однако сидят в тюрьме по обвинению в мыслительной преступности избранные. То есть, существуют органы, которые решают, какую мысль изолировать, а какая еще может погулять на свободе.

Пример моего заточения подтверждает вседозволенность вымышленных каратель. Оказывается, бросить за стекло человека можно исключительно из профилактических целей. Безнаказанность находится в промежутке между буквой закона и его исполнением. Кстати, там же обычно прячется коррупция. В интервале между в ч е р а и с е г о д н я я был свободен и думал, о чем хотел. Теперь я думаю только о свободе, насколько это возможно под мощными «глушилками». Раньше я мог доразмышляться до видения основ мироздания, а ныне гадаю, какое блюдо дадут на ужин. Задача чертовски упростилась.

Где предел этой умственной простоты? Посидим — увидим...»

Первые три дня Кирилл благодарил Чистого за навязчивый отпуск. Верстальщик спал, сколько хотел, читал электронную литературу и периодику, занимался на тренажерах. Кормили не изысканно, но питательно.

Главное — мозги не напрягались.

На четвертый день меню приелось, тренажеры наскучили, чтиво стало раздражать. Кирилл осознал, насколько привык читать между строк и ловить идею сквозь буквы. Текст, в котором все сказано, навязывал однозначное мнение. Непонятно, как в прошлой жизни хватало не просто пережеванной, но и переваренной пищи? Ведь скучно следить за повествованием, хочется вносить в него что-то свое. Тюремный барьер закрывал

вход в мыслепространство и не давал включать фантазию. Это приносило нечеловеческие муки. Оказалось, при занятии спортом Кирилл тоже размышлял: как обретет хорошую форму, как это поможет победить, и как потом будет приятно хвастаться успехом. Сейчас приходилось бесцельно бежать по резиновой дорожке и выжимать холодную штангу.

На пятый день Крючковец попросил принести манекен, но после пары бросков и он надоел заключенному. Вместо набитого чучела никак не появлялся образ реального противника. Только места в камере стало меньше.

От отчаяния захотелось попросить молоток, гвозди и доски, чтобы смастерить скворечник. Но и это занятие вряд ли помогло бы: надо представлять, что в итоге должно получиться. Исчезла цель, и вместе с нею осознание самого себя.

Началась мыслительная каторга.

Первая неделя заключения подходила к концу. Днем Кирилл вместе с другими «подопечными» вывели гулять в прямоугольный двор. Кроме свежего воздуха и яркого солнца радоваться было нечему. Удручало и то, что в середине зимы в тюремном дворе поддерживалась летняя погода.

Никаких перемен. Ни в чем.

— К вам гость, — охранник возник ниоткуда, поправляя ножны, — точнее гостя. Свидание — пятнадцать минут.

И так же незаметно исчез.

На Юле была шуба, из-под которой, как росток, пробивалось синее платье до пят. Кирилл жестом показал на ближайшую скамейку.

— Как только узнала, сразу приехала, — вместо приветствия Юля пристально посмотрела в глаза узнику. — Ты плохо выглядишь. Чем я могу помочь?

Кирилл взял ее облаченную в перчатку руку. В груди затрепетало. Что ни говори, визит оказался кстати. Накануне Кирилл вспоминал жену. Мыслительные барьеры отсекали любые фантазии, ограничивая память выхолощенной информацией. А тут — живой образ, не столь родной, но чертовски привлекательный.

— Просто посиди немного... — Ее дыхание вперемешку с ароматами духов пробудили воображение — насколько позволяли тюремные рамки. — Я попал сюда по глупости и по глупости могу отсюда выйти. Беда в том, что глупить не хочется.

Она слушала, сложив руки на коленях — с пониманием и укором.

— Похоже, ты не понял главного. Смысл сводится к одному: выжить. Что ни делай — доберешься до сути. Я поначалу чуть с ума не сошла. Возиться с детьми! Смирилась. Прижилась. Теперь легко. И ты смиришься.

Тоска по женскому вниманию осталась в прошлом. Крючковец собирал мозаику чувств, которые разлетелись и подернулись пылью, грозя стереться из памяти окончательно.

— Возвращайся, — Юля подсела ближе, — я буду ждать.

Вот так же Кирилл сидел рядом с будущей женой в телестудии после съемок. Тогда он спас героиню шоу от потери внутренней красоты ради красоты внешней. Сейчас — прелюбодействовал. Ради того, чтобы не забыть ту, которой мысленно изменяет...

В голове щелкнуло.

— Ты меня слышишь? — В голове прозвучал резкий наглый голос. — Еле прорвался через блокиратор. Слышишь или нет, отвечай!

— Слышу. — Ответил Кирилл.

Юля отсела, словно отшатнулась от прокаженного.

— Да тихо ты! — Голос исчез и появился снова. — Молчи, отвечай про себя. А то засекут, хоть обконспирируйся весь! Бежать готов?

— Куда? — Теперь Кирилл ответил беззвучно.

— Да хоть куда! Главное — откуда. Я пробил мыслеканал с огромным трудом. Сосредоточься и представь, что ты — радиоволна.

— Погодите. Я не знаю, как она выглядит...

— А воображение тебе на что, думатель? — Захар повысил тон. — Ее никто не видел. Поэтому и говорю: представь!

Видимо, диалог отражался на лице узника. Юля наблюдала за ним, открыв рот.

И Кирилл представил.

Представил, как его память пробивает брешь в защитной системе, как он становится передающей антенной, пустившей мыслительный сигнал, как теряет материальную оболочку и стремится в открытый эфир... А приемник — пусть находится далеко... в квартире, где коротает время между походами на работу рядовой верстальщик Крючковец...

Нет, это был еще не полет — радиоволны не умеют летать. Но уже и не ползание.

В отсутствие хозяина мебель запылилась. Кирилл и раньше не особо грезил уборкой, но после дней, проведенных в чистой до стерильности камере, беспорядок бросался в глаза. Захар сидел в кресле и перебирал каналы телевизора.

— Сбежал? Вот и хорошо. А то — «не зна-аю, не ви-идел»... — Переправщик сладко потянулся. — Только теперь ты вне закона. Беглецов здесь не жалуют.

После мучений в прозрачных застенках положение беглого заключенного казалось благодатью. Кирилл сходил на кухню, налил стакан пива и с наслаждением выпил.

— Так я ведь в мыслях сбежал. Могу таким же макаром вернуться.

— Это самое страшное — бежать с помощью мысли. Убей ты охранника, положение было бы менее серьезным. Так — ты простой уголовник, а так — идейный мошенник, у которого на исходе срок регистрации. Кто опасней для общества?

Устранить человека физически гораздо проще, чем заставить отказаться от убеждений. Захар прав: злодей-мыслитель менее желательный элемент, чем пьяный пролет с ножом в руке.

Оружие можно отобрать, мысли — только выбить.

— Получается, вы — подельник? Рисковали ради моего спасения?

— Не-не-не, ни в коем случае, — Чиновник замахал руками, — во-первых, кто знает, что это я открыл канал? Во-вторых, я мог действовать в интересах государства. Я, собственно, так и поступил.

— И что же государству от меня понадобилось?

— Пустяк, мелочь. — Переправщик выключил изображение. В комнате установилась полутьма, какая бывает зимними вечерами. — Речь о той статье, из-за которой мой... коллега упек тебя за стекло. Не лезь в нее, оставь, как есть: сверстай — и порядок!

Кирилл включил настольную лампу — она висела в воздухе и лила уютный свет. Когда просят «кое-что подправить», значит, могут обмануть. Когда говорят: «Ничего не трогай!», — значит, уже обманули.

— Далась вам эта статья, — верстальщик посмотрел в потолок, — сами бы сделали как надо. Или договорились бы между собой. Я-то причем? Мое дело — поставить текст и отловить ошибки, не более!

Захар хлопнул себя ладонями по коленям:

— Объясняешь ему, объясняешь... заобъяснялся уже... Это часть твоего смысла, верстальщик — выбирать и делать. Каждый из нас поступает так на своем месте. Всякий человек, промышляющий умственным трудом, обязан выбирать и делать. Это тебе не болванку точить: всегда знаешь, чем и как. Поэтому, будь добр, выполни свою работу, чтобы мы могли делать свою. А если хочешь остаться, помни, что будешь жить в тюрьме. Никто, кроме тебя, не достигнет твоей цели.

— А она только моя?

— Почему? Есть единомышленники, и они все наперечет в милищейском реестре. Цель — одна, но путь достижения у каждого свой. К тому же, среди верстальщиков, которых, в принципе, немного, из пришельцев лишь единицы.

Кирилл включил музыку. Он привык к местному исполнению и вывел гипотезу о том, что тема в музыке Вымысла играла второстепенную роль — оттеняла тишину. Серьезные композиторы искусно играли ею: отпуская на волю и сжимая в кольцо нот, отнимая возможность вырваться. Тогда отсутствие звуков играло само по себе, открывая новые сюжеты, привнося волнения. Особенно поразили Кирилла классические произведения, которые он слышал в прошлой жизни. Они не изменились, но воспринимались по-другому.

Верстальщик завис, как нота на коде: с одной стороны, пора заканчивать произведение, с другой — музыкант никак не желает прерывать игру. Получив два взаимоисключающих задания, невольно начнешь выбирать

меньшее зло. Меньшее определяться не желало, и Кирилл пришел к решению собственному: уйти или остаться?

За несколько месяцев Вымысел стал родным — идеальный мир для человека думающего, и с того живущего. Работяги не лезли в мыслительные дела, и тем даже гордились. Дескать, не наше дело — забивать голову чепухой, пусть думатели стараются, без нас они все равно никуда. Руки-то у них не из плеч растут. Потому и денег у них — с гулькин нос. А астры — их и десятка на месяц хватает: поесть, выпить да женщину приласкать. В то же время интеллигенция с надменностью, сопоставимой с той, которая проявлялась в прошлой жизни, глядела на пролетов свысока, не отвлекаясь от вопросов вселенского масштаба. Ей мыслительная валюта была куда дороже бумажных грошей, за которые, как известно, мозги не купишь.

Так и шли две части народа по разным сторонам улицы, поглядывая друг на друга и сталкиваясь на редких перекрестках.

Захар и Чистый боролись за то, чтобы два слоя общества не перемешались. Изучив вымышлянскую историю письма, Крючковец тайл надежду попробовать соединить думателей и пролетов воедино. Хотя бы ненадолго. Хотя бы в одном месте. И вот появился шанс.

Но как не вовремя, как неуместно!

Легкий, неуловимый образ компромиссного решения маячил на горизонте сознания. Телефонный звонок отпугнул образ за воображаемую линию и перенес Кирилла из мыслепространства в квартиру.

Захар от скуки прикорнул в кресле.

— Слушаю, — ответил хозяин в пространство, — говорите.

— Покорнейше прошу меня простить, — раздалось из верхнего угла, где висел динамик, — но вы, милостивый государь, кое-что забыли.

Чистый говорил, как всегда, вычурно, будто ничего не шло вразрез его планов.

— Кирилл, тебя тут девушка дожидается, — переправщик находил свое положение превосходящим. — Она хочет завершить разговор и вряд ли уйдет, пока ты не вернешься.

Побег и беседа отвлекли Кирилла, о девушке он вспомнил только теперь.

— Вы не имеете права! — Прокричал верстальщик в пространство. — Она не виновата!

— Тихо, тихо, — ответили из динамика, — заключенных распугаешь, а им еще полчаса гулять. Не виновата? Как посмотреть. Пособничество в побеге — разве не преступление?

Вот как дело повернулось. Крючковец полагал, одиночество развязало ему руки в борьбе за собственное мнение. Но быть абсолютно одиноким можно только в могиле. В остальное время найдется то, с помощью чего живого человека можно посадить на крючок.

Забрасывая удочку с живцом — и сиди, жди, пока клонет.

Верстальщик посмотрел на динамик и снова представился радиоволной, идущей в пространстве от квартиры в тюрьму.

Образ Кирилла исчез из комнаты.

— Не смей! — Успел прокричать Захар, но пришелец уже летел по эфиру, как добрая весть — быстро и радостно.

Юля не успела понять, что произошло, — сидела и наблюдала за возвращением.

Чистый поднял взгляд на Кирилла, дал знак надзирателю удалиться и подошел ближе.

— Изволил соскучиться по неволе, прости за каламбур, — переправщик улыбнулся, — и то правильно: здесь спокойно, думать о глупостях не надо, можно сосредоточиться на поисках смысла...

Кирилл пропустил колкости, отстранил Чистого и стал между ним и девушкой:

— Выпустите ее.

— Можете идти, госпожа, — Чистый указал на угол парка, но Юля не спешила уходить, — поверьте, я не желал вам зла. Обстоятельства сложились не лучшим образом, но ваш кавалер вернулся. Идите же. Право, вам здесь делать нечего.

Она пошла, оборачиваясь. Кирилл ощущал, как слабеет мыслительная связь, позволившая вырваться из рукотворного ада. Верстальщик попытался в последний раз дернуть за ослабленную нить...

...Его рвануло вверх и вознесло над тюремным двором. Сверху за руку тянул Захар, снизу за ноги успел вцепиться Чистый Лист.

В мыслепространстве переправщики тоже тянули в разные стороны. Кирилл болтался, выбирая, куда — вверх или вниз — лучше улететь.

Думать в подвешенном состоянии представлялось делом сложным.

Верстальщик взвыл и силою мысли перенес поединок на ковер спортивного клуба.

Захар душил спереди, Чистый тянул сзади. Верстальщик лягнул одного и двинул головой в нос другого. Вернул равновесие и стал в стойку. Завертелся в ожидании — кто из переправщиков первым пойдет в атаку. Очухались они в одно время и, хотя виды на Кирилла имели разные, догадались: сейчас необходимо действовать сообща.

Не сговариваясь, бросились в центр ковра.

«Поднырнуть, захватить руку, бросить... вертушка в воздухе, — одним врагом сбит другой. Встают, заходят с разных сторон. Проявить инициативу: вперед, на Чистого. Прием «мельница»: поднял, бросил. Кажется, мимо ковра, на пол. Поворот, Захар отвел руку для удара. Поднырнуть, зайти со спины, обхватить. Что-то хрустнуло — то ли при падении, то ли еще в полете. Враг лежит, корчится и стонет. А Лист встал. Точнее — не совсем Лист, а супертяжеловес с лицом Чистого. В мыслепространстве можно быть кем

угодно — фантазии бы хватило. Но техника — дело земное, ей теоретически не обучишь.

Вес в единоборствах — зачастую решающий фактор, но были случаи...

Проход в ноги. Прием из арсенала «вольников». Здоровяк потерял равновесие, но остался на ногах: так обхватил, что суставы онемели. Движение влево... вправо... никакой степени свободы. Подсечка — это уже из самбистской техники — Чистый делает шаг назад и ослабляет хватку. Достаточно, чтобы вынырнуть и отдышаться. Прыжок ногами вперед (какой там кодекс чести!) — противник согнулся от боли. Перевод в партер, душающий захват. Переправщик-очиститель бьет ладонью по коврику. Нет, дорогой, не так просто. Против правил, так против правил. Усилить нажим.

Глаза выпучены... частое дыхание... судорога... стих.

Удар по голове. Зашумело, зазвенело, раздвоилось в глазах. Разворот. Второй удар кулаком под дых. Потом — в челюсть. Больше подходит для ринга, чем для борцовского ковра. Присел, представил, что боли нет. Полетчало. Захар кинулся добивать. Уход, пережат, стойка. Монашеская ряса мелькает, трепещет полами. Он бьет — мимо. Захват — повалились в партер. Службист сверху, пытается перевернуть. Давит локтем на хребет. Бьет кулаками по скулам. Поднимаю ногу, чувствую: попал в «домику». Переворачиваюсь. Добавляю в промежность и тяну за рясу. Теперь он на спине, впился зубами в руку. Другой рукой срываю веревку с его пояса, просовываю под головой и вырываю покусанную руку. Следы от зубов, кровь фонтаном.

Душу веревкой. Жилы у него на шее вздулись, язык вылез, из горла — хрип.

Неужели кто-то еще будет говорить, что единоборства — исключительно средства защиты? И неужели я буду это слушать?

Оба лежат без признаков жизни.

Встаю и снова сажусь на ковер».

На лавочке в тюремном дворе тяжело дышал молодой человек.

Поодаль на земле лежали двое.

— Я волновалась, — Юля, оказывается, не ушла, — вот, вытрись.

Платок пах непонятным, но сладким букетом.

— Ничего. Сейчас передохну, пока не хватились, и представляю, как лечу отсюда вольной птицей. Ты тоже представляй.

Но девушка не собиралась представлять.

Кирилл сначала успокоился, потом откинулся на спинку, а после закрыл глаза.

— В сон потянуло, — Кирилл протяжно зевнул, — пора вылетать.

— Никуда мы не полетим, — Юля взяла обратно платок и, не вдыхая, положила в сумочку. — Тебя вынесут через задний вход.

— Давай, заноси. Только аккуратней.

— Свет включи, заносишься тут с тобой.

— Осторожно — головой не ударь.

— А был бы хороший подзаголовок: «Пришелец скончался за несколько часов до окончания регистрации».

— Тихо! Приходит в себя. Клади потихоньку.

— Слушай, не суетись. Ну, проснется он — и что?

— И все. А так есть шанс, что он на тебе пожизненно будет числиться и гешефт приносить. В то же время для меня его здесь не будет.

— Разве такое возможно?

— Да возможно, возможно...

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла.

Зима

«Спортсмен всегда находится между небом и землей. Победить или проиграть — третьего не дано. Можно свести поединок к лукавой ничьей, но она часто бывает на чьей-то стороне. Иногда поднимается вопрос относительно того, заслужен триумф или нет. Когда результат один, а ощущения — другие. Здесь очки-голы-минуты не помогут решить спор. Нужно обращаться к ходу схватки, к пробелу между началом матча и его завершением, к смысловому наполнению. Если на протяжении девяноста минут одна команда обстучала штанги и перекладины, а вторая забила гол благодаря симулированному пенальти, итог считают несправедливым. Но позвольте: разве не обидные случайности оттеняют закономерные события? Иначе как догадаться, что существует несправедливость, против которой нужно восстать? В спорте две стороны — полюса. Поединок — разность потенциалов; победа — фаза, поражение — ноль. Без этого не будет эмоционального тока, за который болельщики-умники платят астры. Пролетам достаточно перипетий без додумок и интриг, им хватает спорта в его бессмысленном исполнении — война без оружия.»

Казалось бы, в таком случае и на письменные пробелы работники не должны обращать внимания. Так бы и случалось, но на то есть корректоры и редакторы — подставлять в промежутки ассоциации. В мыслепространстве они весят больше, потому что находятся на самой земле. Поднять их — левое дело. Все равно, что побить хлипкого очкарика.

По смыслу — несправедливо.

Но кого из болельщиков с дешевыми билетами это заинтересует?»

Когда человек приходит в себя, ему хочется очнуться в знакомой обстановке. Первые секунды должны уйти на успокоение — «все в порядке, я дома». В следующее мгновение пьяный чувствует стыд, большой — где именно у него болит.

Кирилл очнулся на потертом диванчике. Мягкий синий свет прорезал мрак. Перед глазами пронеслись события прошлого дня. На главный вопрос — что делать? — воспоминания ответа не дали. Верстальщик оторвал голову от подушки и сел. Вспомнил, что находится в кабинете главного редактора. Над столом висел монитор, в который сосредоточенно смотрела

Елена Сергеевна. В полумраке она выглядела старше: темень слизала косметику и добавила взгляду усталости.

— Вставай, — не отвлекаясь, сказала редактор, — работы — море. Пока тебя не было, я сама верстала. Пересмотри завтрашний номер. А потом берись за передовую статью. Она мне уже вот где. Тебе, думаю, тоже. Да?

Елена развернула по другую сторону стола еще один монитор. Кирилл, толком не придя в себя, стал просматривать страницы, зияющие пробелами, пустыми строчками и белыми прямоугольниками. Напрягся и вошел в мысль. Работать стало легче — версталось почти «на автомате». Когда осталась поверхностная вычитка, дело машинальное, Кирилл решился заговорить:

— Не знаю, что делать с этой передовицей. Как говорится, из двух зол...

— ...выбирай меньшее, — редактор продолжала бить пальцами по клавиатуре. — Что тут мудрить, умник?

— Не хочу выбирать. Это не мое дело.

— Ха! А сделать, что просят, — это твое дело, так?

Елена Сергеевна встала и потянулась. Подошла к столу в углу и нажала кнопку электрического чайника.

— Разве интеллигентный человек не может соблюдать нейтралитет? — Кирилл покрутил в руках пустую чашку, которую обнаружил в ящике. Повертел ею в воздухе, намекая, что тоже не прочь выпить горячего.

— Интеллигентный человек может себе позволить что угодно. Учитывая фантазию думателей, это не так уж здорово. Нейтральным он может быть, но только если того требует жизненная позиция, а не желание отвертеться от выбора.

Щелкнул выключатель чайника. Елена налила кофе: чашку себе, другую — Кириллу.

— У меня был муж, — она поколотила ложкой, — светлая голова. Авиаконструктор и летчик-испытатель. Не боялся ни строить самолеты, ни показывать на что они способны. Не задумывался об ответственности. Она рухнула на него, когда мы поженились. Собственно, как рухнула? Просто он стал ее замечать. Однажды перед вылетом он обнаружил ошибку в расчетах. Не лететь — значило признать, что государственные деньги потрачены впустую. Это не копейки, сам понимаешь. Лететь — означало гибель. Он сказал об этом. Я умоляла отказаться, но муж поднялся в воздух и катапультировался. Выбрал нейтральное решение. Самолет разбился. После оказалось — никакой ошибки не было, погрешность закралась при повторном просмотре записей. Исправная машина погибла из-за слабых характеристик пилота. Мужа отстранили от полетов и теоретических работ. Правда, он и не собирался возвращаться. Как сапер, который совершил ошибку и чудом остался жив. Раньше он смело шел вперед, не желая знать о риске, потом у него появилась жена, ради которой пришлось жертвовать самым дорогим — небом. Мы долго спорили и в итоге разошлись. Сейчас

он подался в пролеты. Говорит, так легче жить — работать руками, не принимать решений, следовать в указанном направлении... С тех пор мы не виделись. Вот тебе нейтралитет — и любовь не сложилась, и думатель загубился, да?

Елена выдохнула и поднесла ко рту давно опустевшую чашку:

— Такой себе летчик-пролетчик.

Кириллу стало горько. Во рту — от крепкого кофе, на душе — от рассказа. Выходит, только за рабочим столом редактор — машина для проверки текстов. И глаза у нее слезятся не от монитора. Редактура ей должна казаться форзацем биографического романа. Внутри столько слов, трагических сюжетов и непечатных страстей...

В этот кабинет нужно было попасть ночью, чтобы сквозь темноту рассмотреть в Елене Сергеевне женщину.

— Покорность и бунт — это слова, — Кирилл отставил чашку, — я предпочитаю быть пробелом между ними.

Елена Сергеевна бросила на верстальщика резкий взгляд.

— Ничего ты не понял. — Она положила подбородок на ладонь. — Поэтому сиди, занимайся передовицей. Я потом подправлю что нужно.

Конечно, нужно подправить. Как без этого? Нужно, чтобы читатель нашел для себя правильные ответы на незаданные вопросы. Журналист, верстальщик и редактор обязаны думать за читателя — что и как ему понимать. Будь ты хоть думатель семи пядей во лбу, хоть пролетом с мозолями во всевозможных местах, подспудно хочется, чтобы за тебя думали. Хотя бы на бумаге. Потому что устаешь думать сам — слишком тяжелая работа, ответственная. Много пробелов нужно восполнять самостоятельно, так пусть хоть слова придумает кто-то другой.

И почему они так закрутились вокруг этой статьи? Вряд ли подобный текст печатается впервые. Может быть, в этом и есть его, Кирилла, искомая цель — определиться, как использовать пробелы? Остаться за крестообразным столом, пересесть в отдельный кабинет или бросить все и стать пролетом?

По голове будто стукнули тяжелым.

Кирилл оказался на разделительной полосе дороги. В обе стороны мчались машины, оставляя за собой порывы ветра. Один из водителей показал кулак — нашел где стоять! Уличное движение, пешеходы, дурной на вкус воздух подсказывали: верстальщик вернулся домой. В реальность, где некогда остановиться и подумать. Где пустота между словами не несет нагрузки. Где полагаются на написанное без надежды видеть между строк.

В своей одежде Крючковец выглядел нелепо. Широкие штаны, подпоясанная рубаха и сапоги с острыми носками не вписывались в джинсовое однообразие прохожих.

Они не подозревают — одежда тоже может восполнять пробелы. Разве о человеке в спортивном костюме и модельных туфлях ничего нельзя сказать

до знакомства? А вырез на женской груди и длина юбки разве ни о чем не говорят?

То же и с поступками. Важно не только действие, но и бездействие: по нему легче распознать человеческую суть. На поступок способен каждый — гораздо тяжелее смолчать и простить, уберегая себя и других от бессмысленной мести. Но и в этом здешние не похожи на граждан Вымысла. Они судят по добрым делам, без учета несделанных гадостей.

Автомобиль пересек двойную сплошную линию, на которой стоял Кирилл.

Удар, боль, полет.

И снова — кабинет главного редактора. Возвращение из возвращения.

Вместо Елены в комнате Захар и Чистый Лист.

Первый сменил рясу на форму НКВД, второй из плаща с капюшоном переоделся в современный костюм. В разрезе пиджака, на рубашке, виднелся народный орнамент.

— Будем считать твоё путешествие домой маленьким отпуском перед большим и ответственным делом. — Захар снял фуражку и положил ее на стол.

— Время не ждет, мон шер. Поторопись заняться текстом, чтобы у нас, знаете ли, конфуз не приключился. — Взгляд Чистого не выказывал торопливости. — Завтра рано с утра должна печататься газета, завтра же истекает срок твоей регистрации. Так что — либо вернешься, либо останешься. Вне спора, ты бы выбрал второе. Но нормальной жизни тебе не будет, разве что научишься обходиться без астров, разведешь в камере кур, картошку посадишь... у нас много тюрем, скажи — мы отправим на природу. Там места больше, соседей меньше... Буквально словом не с кем перемолвиться.

Кирилл сел за редакторский стол. Впереди вспыхнул экран. Верстальщик чувствовал, что сейчас он в кабинете главный. Как минимум — главный герой, на которого устремлены взгляды зрителей.

Всего двух, зато каких благодарных!

Переpravщики смотрели на Кирилла, как дуэлянты на оружие.

Еще чуть, и прозвучит: «Сходитесь!»

Кирилл взял черновик статьи, распечатанный на серой, как личность госслужащего, бумаге, и через мыслепространство нырнул в текст.

Буквы, ранее казавшиеся совершенно плоскими, выступили над поверхностью в человеческий рост, лежали черными глыбами на шершавом белом полу. Побродив вокруг заголовка, Кирилл взялся за край буквы, подтянулся и залез наверх. Это оказалась «Н». Верстальщик перешел по средней палочке на соседнюю ножку и окинул взором огромную страницу. В середине чернел громадный прямоугольник фотографии.

Вдалеке виднелся выступ — панель инструментов с кнопками функций. Верстальщик рванул туда, перепрыгивая с буквы на букву. Машинально отметил разницу в высоте. Чаще используемые «А», «К», «Е», «П», «Р», «Н»

и «О» просели в страничный песок. «Ф», «Ж», «Х» и «Ю» попадались реже, и чтобы на них взобраться, нужно было подпрыгивать. А для преодоления межстрочных интервалов приходилось разбегаться. Благо, статьи в «Рабочей мысли» набирались плотно, и все же пару раз верстальщик не рассчитал и грохнулся на мягкий газетный грунт, сравнимый с мелким песком. Вздвигался и прыгал дальше к заветному возвышению. Чувство времени потерялось, и сказать, когда Кирилл достиг цели, нельзя. Он прилег рядом с кнопкой «Сохранить» и забылся.

Впервые почувствовал настоящую усталость в мыслепространстве.

За время верстки Кирилл привык к тексту и неплохо в нем ориентировался. Попрыгав на клавише масштабирования, удалось точно определить пробелы, требующие коррекции. Их оказалось семь.

Откуда брать буквы?

Кирилла представил, как они появляются из воздуха, а сам он — большой и сильный — разбрасывает маленькие и легкие литеры по местам.

Не получилось.

Тогда верстальщик пробежался к ближайшей «дыре». Благо, она находилась рядом — в названии. Порывшись в песке, заполняющем пробел, и ничего похожего на искомые буквы не нашел. В голове вертелось решение — настолько неудобное, что думать о нем хотелось в последнюю очередь.

Кнопка с большой «Т»: далеко в углу, на боковой панели. Ввод текста.

К месту Кирилл добрался шагом. Наступил на кнопку. Попрыгал. Ничего.

Еще раз прыгнул. Прислушался. Тихо.

Маленький человек побрел между буквенных громадин обратно к верхней панели. Он оказался бессилен перед необъятным текстом. Это там, у монитора, верстальщик мог творить со столбцами все, что хотел. А внутри буквы нависали зловеще и неуступчиво, грозя придавить мелкого бога.

Странное чувство — не знаешь, куда идти, когда перед тобой целое поле, расчерченное дорожками межстрочных интервалов. Дойдешь до последней точки, и что?

Обратно?

Он снова лег на песок между кнопками и закрыл глаза. Он — думатель, повелитель смысла. Сейчас представит себя в кабинете редактора, и кошмар закончится.

Представил.

Кошмар остался.

Что будет с человеком, чье тело навсегда осталось в физическом мире, а разум — в мысли? Пожизненный хоспис для коматозников или сразу могла?

Крючковец в который раз осмотрел владения, в которых застрял, быть может, навсегда. Хорошо, что к работе с текстом он питал искреннюю любовь. А что бы чувствовал человек, служащий исключительно ради

зарплаты? Для него, наверное, адская мука — вечно делать то, что «скорее бы закончилось».

Пришелец собрался лечь, как вдруг заметил: пробел в названии не пуст.

Осторожно, дабы не спугнуть мираж, Кирилл подкрался к месту. На сером песке лежали буквы — небольшие, с полметра высотой.

Очень тяжелые.

«Ничего себе, все — людям», — так выглядел заголовок статьи, в которой говорилось о мерах по обеспечению стабильности. Автор — очевидно мастер своего дела, штатный думатель — виртуозно рассказывал, что повышение цен и тарифов пойдет во благо народу. Мол, из этих поступлений повысят зарплаты, как деньгами, так и астрами. А куда люди отнесут наличность и мыслительную валюту? Таким же гражданам, стоящим по другую сторону прилавка. И заживем — краше прежнего.

Пришелец находился в Вымысле не очень давно, но знал — в искусстве обмана местные политики слабо отличаются от земных.

«Ничего себе, все — людям».

Верстальщик выбрал в пробеле после тире буквы для слова «нужным».

«У» и «М» были, «Н» нашлось одно. Зато рядом валялись три «О», две «Р» и «С».

Пришлось бежать обратно, к клавише ввода текста, и прыгать на ней, сколько есть сил. Потом — к пробелу. Три нужные буквы нашлись, но куда девать остальной ворох?

Кирилл бросил все и побрел к следующей смысловой дыре.

Там тоже образовалась горка букв. Недоставало одной. Верстальщик припустил к панели. Ему казалось, он бежит. На самом деле — еле плелся.

Оставался последний пробел. А сил не было. Кирилл больше не думал о лишние буквы, он спотыкался о них и шел дальше. Разве досуг автору думать о судьбе неиспользованных слов? Он и с написанными не всегда совладевает. Из тех, что остались в мыслях, тоже можно составить рассказ, который останется за скобками воплощения. Кто имеет талант заглянуть за них, становится либо гением, либо сумасшедшим.

Иногда — и тем, и другим сразу.

Сейчас — важнее обточить деталь. В стружке разберемся позже.

В последней дыре не нашлось мягкого знака. Хотелось плюнуть на него тягучей слюной. Сочтут за простую опечатку, пробегут глазами, возможно, вовсе не заметят. Читатели «Рабочей мысли» вряд ли эстеты от филологии — ценят доступность идеи, а не изящное описание. Сейчас стыд лучше засунуть подальше и достать, когда пройдет усталость. Или идти через всю страницу вверх, прыгать, неизвестно сколько, и надеяться, что желанная буква выпадет в нужном месте.

Для добычи мягкого знака, как выяснилось, нужно обладать твердой волей.

Кирилл его больше не располагал. Сел под ближайшей буквой и уперся в нее спиной.

Очнулся от дикого свиста. Вдобавок вдали раздавался выворачивающий душу скрежет, будто ковш бульдозера царапал ссохшийся грунт.

Кирилл залез на строчку и пригнулся: над головой пролетело нечто серое. Приподнявшись, увидел мечущийся над проектом курсор. Стрелка летала, казалось, бездумно, словно ее двигал человек, балующийся от нечего делать.

Ориентируясь по звуку, пришелец пошел туда, где орудовал невидимый бульдозер.

То, что двигалось по заголовку, скорее напоминало стену. Гладкая черная плита появлялась и исчезала с интервалом в миллисекунды. Ползла справа налево — от начала слова «людям» к концу слова «все», сминая выложенное верстальщиком прилагательное. Буквы сбились в кучу, как мусор.

Когда стена добралась до конца пути, смысловая дыра серела страничным песком.

Курсор перелетел к следующему заполненному пробелу. Спустя минуту там выросла такая же мигающая стена. Помедлив, поползла, уничтожая буквы.

Со вторым пробелом было кончено.

Стрелка замерла в стороне от обомлевшего пришельца. Он ощутил ничтожество перед силой редакторской правки. Попробовал представить, как прыгает вверх, хватая курсор и тянет к земле. Но мыслительная энергия не работала на печатном листе. Видимо, перешла в другой вид — по закону сохранения.

Воплощать идею пришлось с помощью рук и ног.

Кирилл подбежал к стрелке и с ходу прыгнул. Пальцы ухватились за холодный, шершавый на ощупь металл. Курсор дернулся в сторону, желая отцепить навязчивого пассажира. Верстальщик держался крепко, мешали только слезы, выступившие от потока воздуха. Стрелка крутанулась по диагонали, вниз страницы. Затем пошла кругами, двигаясь в одной плоскости.

Несущий страх полет вызывает восхищение. Такова человеческая натура — тяга к небесам сильнее боязни разбиться. Пусть с небольшой высоты, Кирилл видел газетный разворот и наслаждался божественным творением. Какой он бог? Наверное, языческий. Точнее — русскоязыческий. В пробелах написал то, что считал *нужным*, и остановить уничтожение текста мог, только сдерживая курсор.

Руки и предплечья онемели, в ногах образовалась тяжесть.

Творец должен испытывать боль во время работы. Не меньшие пытки он обязан выдерживать при защите текста — пока остаются силы.

У Кирилла они были на исходе. Невидимый хулиган продолжал вращать стрелку: то учащая обороты, то зависая. Посиневшие пальцы, наконец,

не выдержали. Верстальщик рухнул на страницу, в полете зацепившись правым боком об угол буквы «Г».

Боль не давала подняться. Курсор сделал несколько оборотов и двинулся дальше.

Кирилл отдышался и пополз, разгребая пыль. Частички попадали в рот и хрустели на зубах. Пахло затхлым библиотечным воздухом.

Верстальщик добрался до пробела и увидел, как поверх выложенного им слова вырастает другое. Утрамбовывая нижний ряд в песок, новый смысл топтал старый. В воздухе вертелись буквы вперемешку с пылью: нужные укладывались, лишние отлетали. Кирилл спрятался строкой выше — канитель могла зацепить его.

Выстроенные вторым этажом слова быстро смела мигающая стенка. Затем и она исчезла, а на ровном месте появилась новая надпись маленьким кеглем. Спустя секунды стенка ее уничтожила. В воздухе мелькнула стрела курсора. Пульсирующий ковш возник в начале пробела, подергался и исчез. Начали появляться новые буквы, но не маленькие, смысловые, а написанные основным шрифтом. Стоящее рядом существительное покрылось тенью и растаяло. Строка, за которой лежал Кирилл, тоже окунулась в черный цвет (буквы при этом побелели) и спинула, однако мигом вернулась на прежнее место.

Пришелец поднял очи горе в надежде увидеть борющихся творцов. Так, наверное, чувствуют себя пролеты: наверху что-то происходит, а что именно — не понятно. И влиять на исход схватки не выходит. Остается ждать — лежа, поджав колени и крем глаза наблюдая за битвой всевышних.

«Постойте.

Почему я должен быть немым и парализованным зрителем? Мыслительным импотентом и идейным инвалидом? Я — верстальщик, такой же думатель, как и дерущиеся переправщики! Значит, обязан вмешаться, когда при мне ломают мой же проект. Пролетно-думательную двойственность можно и нужно использовать.

Соединить силу мысли с силой мышц.

Если до этого никто не додумался, пусть я буду первым!»

Хватило ума не бросаться в пробел: слишком грозные стихии там бушевали. Сначала ползком, потом на четвереньках, а затем со всех ног Кирилл бросился к панели. Думал закрыть или хотя бы свернуть проект, хотя без нажатия курсора ничего не получится. Нужно пробовать, нужно что-то делать — вдруг единички и нолики сжалятся и помогут прекратить баталию? Не сидеть же смирно, пока тебя не закопают в серость вместе с твоими писульками!

Попервой ничего не происходило, только в ушах свистел ветер, и дыхание отдавалось в висках. Позади, удаляясь, скрипела стенка, лязгали в падении буквы.

Когда до цели оставался абзац, над беглецом зависла стрелка — следила и угадывала маршрут. Дождавшись, пока Кирилл влезет на панель, стерва

коршуном кинулась вниз и подцепила пришельца за штаны. Верстальщик рванулся вперед и соскочил с крючка. Полетел головой вниз, на ребро кнопки «Печать».

Квадрат с изображением принтера подался, Кирилл кувыркнулся и вылетел в коридор между меню и панелью. Песок смягчил посадку, но в спине взорвалась боль. Превозмогая ее, верстальщик вскарабкался на разделительную черту и посмотрел вниз.

В середине страницы открылось окно. Курсор метнулся туда, оставляя беглеца без присмотра. В окне просматривался рисунок принтера и красный крест. Компьютер не был подключен и устройству печати, потому не мог выполнить команду.

Стрелка нажала на крестик в углу окна. Ничего. Только короткий звук раздался по всему полю, засеянному знаками. Курсор снова рванул вниз — с тем же успехом.

Еще и еще...

Окно не исчезало.

Стрелка замерла. Намертво. В центре листа возникла другая надпись, от которой пользователь обычно хватается за голову, вспоминая, когда в последний раз сохранялся.

«Завершение работы программы...»

Кириллу показалось, что он тоже завис. Но нет — пошевелился, встал, попрыгал на месте. Болела спина, скрипели суставы, саднили руки. Чепуха. Пошел к середине страницы понизу, огибая буквы и переходя между словами. Местами попадались смысловые пробелы с остатками сражений. Покореженные буквы, зияющие дыры в песке, примерзшая к грунту стена «backspace» — мертвая, немигающая.

Чтобы залезть на плоскость верхнего окна, пришлось подтягиваться на строку. Выше забраться не получалось. Корчась от мысли о том, что необходимо идти за смысловыми литерами, Кирилл спрыгнул вниз и попелся к одному из семи пробелов.

Еле поднял букву, донес до места, взгромоздил на строчку...

...Еле поднял букву, донес до места, взгромоздил на строчку...

...Еле поднял букву, донес до места, взгромоздил на строчку.

Трех хватило, чтобы из последних сил забросить ногу на предупреждающее окно.

Кнопку «Завершить сейчас» Кирилл нажал падающим телом.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Вклейка (Листок с печатным текстом)

«Тяжел и тернист путь тех, кто несет в мир новое. Еще труднее использовать принесенное знание во благо. Когда-то грамота считалась таинством, доступным единицам, теперь грамотный человек вполне может писать на заборах. Недавно

умение работать на компьютере считалось пропуском на любое вакантное место, ныне же норовят уточнить, с каким пакетом программ знаком соискатель, насколько глубоко познал оный, и вообще стараются всячески намекнуть: не такая ты и важная птица, если умеешь набирать красивым шрифтом. А как сплотилось инертное общество против геймеров! Практически к наркоманам их причислило. Конечно, все хорошо в меру. Монитор — не идол, он манит не внешним видом и красивой картинкой. Человека в виртуальность тянет достойный противник, с которым можно сразиться на равных и выйти победителем.

Возьмем начинающего пользователя до устранения компьютерной неполадки и после таковой. Он прошел огромный путь от незнания к знанию, одолел машину, которая поставила, на первый взгляд, неразрешимую задачу. А возьмите программиста до и после создания продукта? А геймера — до и после прохождения игры? То же самое! Компьютер дал возможность человеку пройти путь от себя-старого к себе-новому. Создал пробел, соединивший вчера и сегодня. Кстати, в языках программирования пробелы играют важную роль: от них зависит работоспособность софта.

Жизнь Вымысла невозможно представить без электронных технологий. Они позволили вносить в печатные интервалы (будь они на бумаге или мониторе) потаенный смысл. Если в нашей реальности человек видит либо символ, либо его отсутствие, то здесь в пробелах спрятан дополнительный текст, да еще и различный — в зависимости от ума читающего. На то же ориентирован и вымышленский шрифт: пока взгляд скользит по распластанным буквам, в голове возникают образы, которые при обычной печати не появляются. Я сравнил ощущения от книги, взятой у Захафа, и от ее местного издания — разница ощутимая. Подозреваю, что с каждым переизданием смысловое наполнение меняется с поправкой на текущий момент.

Предлагать читателю искать мораль самому или подталкивать к нужным выводам? Кто знает, что есть благо, а что — вред...

Типину нарушал шепот закипающего чайника. Вода забурлила, щелкнула кнопка.

Верстальщик очнулся в редакторском кабинете. На воздушном экране горела надпись: «Хотите передать сведения об ошибке?» Кирилл рефлексивно нажал «нет» — сказался опыт работы с пиратским обеспечением. В недавно созданных документах отыскался файл проекта передовой статьи. Осталось последнее сохранение после его, Кирилла, редакции. Нырнув в мыслепространство (как больно вспоминать пребывание внутри листа!), верстальщик прошелся по пробелам.

Порядок и заполнение — его.

В комнате находились еще двое.

— Видишь, обошлось, — Елена Сергеевна налила кипяток и помешала ложкой.

— Ты выбрал сторону, на которой воюешь? — отозвалась из другого угла Юля. — На войне нельзя метаться между окопами.

Из уст неудавшейся телезвезды и состоявшейся воспитательницы выражение воспринималось так, будто питекантроп рассуждал о теории относительности.

— Метаться нельзя. — Кирилл чувствовал себя пойманным за непотребным занятием — встал, поправил одежду и вынул из-под стола руки, как бы показывая: ничего «такого» он не делал. — Можно воевать против всех.

— Много ли таких примеров? — Юля вышла из полумрака на синеватый свет монитора. Некогда миловидные черты показались Кириллу грубоватыми, чуть ли не мужскими.

— Шейх Массуд, Армия Крайова... не помню, наверное, и другие случаи были. — Верстальщик посмотрел на редактора. Она шла с чашкой к столу неуверенной походкой, словно впервые стала на каблуки.

— Какой примитив! — Возмутилась Елена Сергеевна. — Война обычным оружием — это просто. Юлечка имела в виду мыслительные сражения. Битву идеологий, так сказать.

Откуда они знают друг друга? Как Юля вообще оказалась здесь? И почему они вдвоем насаждают на него?

— Я сражаюсь за себя, — повторил пришелец, не подобрав более веский аргумент.

— Это самая слабая сторона, — девушка повернула ладонью экран и посмотрела на сверстанную страницу.

— Если я правильно понимаю, — Елена Сергеевна остановила Юлю на полуслове, — ты, Кирилл, занимаешься единоборством. Частица «едино» в этом слове определяющая. Борец одинок на ковре, ждать помощи неоткуда. Но очки он приносит в общую копилку, болеет за него вся страна, поэтому в своих усилиях он не одинок, да?

Она продолжила мысль и вышла на то, что борцы представляют школы, в которых знания накапливались годами. А Кирилл тем временем ощутил, что не может двинуться с места. Шея кое-как поворачивалась, а другие части тела контузило.

— Тебе нужно разобраться в себе, — перехватила нить беседы Юля, — ты остался в этом мире, хотя регистрация истекла полчаса назад...

Пока все трое смотрели на часы, верстальщик успел закинуть ногу на ногу. Он по-прежнему сидел перед монитором. Затекаящая конечность покалывала, даруя боль, смешанную с приятным ожиданием того, что она скоро пройдет. Женщины продолжили. Конечности Кирилла вновь налились свинцом. Обе произносили слова машинально, лишь бы издавать звуки. Пришелец подергивался в краткие мгновения между фразами, а оттого догадался, что будет парализован, пока дамы говорят.

Очень напоминает треп в телефонной трубке старого знакомого, прервать которого невозможно. Или беседу бабушек, сидящих в купе: о сериалах, здоровье детей-внуков и консервации. Люди, хоть раз стоявшие в очереди, поймут, о чем речь. Слушать — стыдно, уйти — невозможно.

Словесный мусор заволакивает сознание, и одного концерта Чайковского для очищения может не хватить.

Неприлично прерывать человека. Неинтересно — из вежливости соглашайся, хочешь возразить — дождись момента. Кирилл слушал против воли: слова накрепко связали его.

Кто-то из женщин (или обе сразу) хотел удержать верстальщика. Зачем — неясно, но положение невольного слушателя Кириллу надоело.

Юля склонилась над монитором. Она читала статью и одновременно говорила. Улучив момент, Кирилл полез в карман, достал тонусную таблетку, спрятанную со времен первого посещения редакции, и проглотил.

Следующим движением верстальщик закрыл Юле рот бесчувственным поцелуем.

Воцарилась тишина. Елена Сергеевна тоже замолчала: то ли изумилась, то ли, как и пришелец, ждала, пока собеседница умолкнет.

Что может заставить красивую девушку замолчать? Только поцелуй.

Что может заставить молчать женщину умную? Только чтение.

Пока Кирилл «отвлекал» Юлю, редактор повернула экран и погрузилась в чтение. Покивав, достала дисковый накопитель и скопировала проект. Сунула прибор в карман верстальщику. Тот по привычке целовался с закрытыми глазами. А когда открыл, чуть не проглотил язык — и свой, и чужой.

Девушка превратилась в переправщика по имени Захар. Кирилл подался назад, ударился о стул и упал. Пополз спиной к двери, пока не уперся в чьи-то ноги.

Вместо Елены Сергеевны из сумрака появился Чистый Лист. Он помог верстальщику подняться и мигом заслонила спиной. Так мать защищает нашкодившего ребенка.

— Тоже мне — брызга! — Захар отплеивался, как будто в рот ему попал клочок волос. — Думаешь, мне приятно с тобой лобызаться? Хоть залабызайся весь...

— Однако, коллега, вы славно овладели искусством женского очарования. Наш общий друг слушал с известной долей усидчивости.

Переправщики коротко посмеялись.

— Но к делу. — Лист прочистил горло. — Статья должна выйти. Там, на полосе, вы проиграли, дорогой мой чиновник.

— Зато здесь я, видите ли, выиграл, уважаемый очиститель. Дотянул до полуночи. Наш подопечный просрочил регистрацию и никуда не испарился. Значит, сидеть ему долго. Я за него до пенсии астры из казны получать буду. Намыл золотую песчинку. А статья — ну ее! Выговор — максимум. Стерплю, раз проиграл. Заметь — проиграл нечестно! Сколько раз я просил поставить лицензионную программу! В бесплатной — дыр больше, чем в гимнастерке смертника. Нажал кнопку — система зависла...

Соперники криво улыбнулись.

— Вы только что были женщинами! — раздалось у Чистого из-за спины. Вопрос удивил переправщиков не сутью, а фактом: вопрошающий еще здесь!

— Ты бы, милейший, поспешил. Проект нужно еще вывести на пленку. Благо, это делается в нашей типографии. Иначе труды твои праведные по перетаскиванию букв на странице прахом пойдут.

— Ну, интересно человеку, чего гнать-то? — Захар уселся в редакторское кресло, хлебнул из чашки и остался недоволен — кофе остыл. — Что есть разница между мужчиной и женщиной? Тот же пробел, прочерк, межстрочная пустота. Да, по форме она разная, но это важно, пока пауза не наполнится смыслом. Когда двух людей объединяет идея, никакие половые признаки значения не имеют. Юля и Лена действительно существуют, сейчас они спят и, я не исключаю этого, видят сны. Одна из них хочет, чтобы ты остался, вторая — чтобы исчез. Они с нами схожи. Почему двум честным переправщикам не использовать такой козырь в работе? Пробел — мужского рода, тишина — женского. Кто сказал, что в одном больше смысла, чем в другом?

Дослушав, Кирилл приоткрыл дверь и одной ногой ступил за порог. Обернулся. Посмотрел на чиновника:

— Любовь — тоже заполнитель пустот?

Захар pokrивился — скорее от кофе.

— Ты перескочил через несколько действий, но ответ дал правильный. Однако процесс решения гораздо интересней результата.

Верстальщик нырнул в полумрак коридора.

— Возле входа стоит моя машина, — услышал он из-за двери голос Захара, — ключи в замке зажигания.

У проходной стоял старинный «Мерседес», на котором Юля возила Кирилла в театр.

Ночью город переваривал съеденное днем. Урчал одинокими хрипами моторов и отрывал выхлопными газами. Ночных заведений было ровно столько, чтобы принять посетителей, чей график бодрствования шагал за полночь. То есть, очень мало. Гонимые метелью снежинки устраивались на лобовом стекле. Казалось, еще чуть-чуть, и из них составит главное слово, из которого станет ясна сущность бытия. Дворники автомобиля разгоняли белый морок, как мальчишки — стаю голубей.

Кирилл остановился у многоэтажного здания с рядами слепых окон. Единственный желтый квадрат смотрел на улицу немигающим взором.

Холодное помещение, грязные ступени, подвыпивший охранник. Обстановка слабо сочеталась с реальностью, впитавшей людей разных эпох и национальностей вместе с их знаниями и изобретениями. Скорее, такой интерьер задумывался архитектором изначально, на стадии проектирования. Скрипящая вертушка напомнила вращаемый заперенной лошастью ворот. Тут же в мыслях появился и крестообразный стол. Ну что мешало смазать вертушку? А убрать мусор возле лифта?

Нет, определенно — только в таком виде звание и представляет интерес. Памятник эпохе декаданса.

Верстальщику не раз приходилось «сдавать проект на пленку». Ворчливые сотрудники типографии настаивали, чтобы материал поступал в назначенное время. В противном случае штрафовали. Журналисты — люди неорганизованные, их творения живут один день, и создатели стремятся растянуть его как можно дольше. Отсюда постоянные опоздания по сдаче текстов. Отсюда и задержки с отправкой на печать. К «Рабочей мысли» отношение сложилось особое — штрафовать ее выходило себе дороже. Но пожурить расхлябанных газетчиков в типографии случая не упускали. Вот и сейчас, завидев Кирилла, дежурный побубнил, забрал накопитель и поплелся к принтеру.

Через пять минут «зеркалки» были готовы. Кирилл мог сразу ехать домой — пленки оператор и без него передаст печатникам. Не уходил верстальщик потому, что задался вопросом, ответ на который не сулил хорошего.

Зачем в Вымысле, с его высокими ментальными технологиями, выводить полосы в зеркальном отображении?

— Можно посмотреть? — Кирилл взял пленку первой страницы и поднял ее ближе к свету. Дежурный колебался ровно секунду: давать — не давать. Верстальщик расправил широкие плечи, и отказывать перехотелось.

Борясь с усталостью, Кирилл вошел в текст. От вставленного в пробелы смысла ничего не осталось. Вместо него стояли другие значения — клише, безличные агитки. Руки чесались уничтожить вранье и вывести полосу заново.

Зачем? Что изменится?

«Зеркалки» — не Кирилла компетенция, на то есть другие думатели. Более сговорчивые, надо полагать.

Черно-белые пленки лежали в лотке аккуратной стопкой. Пришелец вернул титульный лист и проводил оператора тоскливым, как мокрый снег, взглядом.

Сесть в машину Кириллу не дали двое. Один перекрыл дверь со стороны водителя, другой подошел сзади: приказал расставить ноги и положить руки на капот. Похлопав верстальщика по бокам, второй заломил ему руки и надел наручники.

— Регистрация просрочена. — Участковый втолкнул задержанного в сине-серый «бобик». Видать, ничего лучше для перевозки нарушителей цивилизация пока не придумала. — Пр-ройдемте!

Отделение милиции располагалось в особняке архитектуры девятнадцатого века. На входе участковому козырнул солдат в мундире и кивере. Несмотря на поздний час, сновали английские полисмены, русские жандармы и личности в штатском, одетые в разнообразные фасоны — от греческих тог до современной неформальщины.

Задержанного обыскали и обнаружили коммуникатор. Надо же, Крючковец совсем забыл о подарке Андрея. Дежурный повертел в руках аппарат, несколько раз нажал на кнопки и спрятал в сейф, записав фамилию обысканного.

Участковый завел Кирилла в кабинет и попросил помощника удалиться.

Комната контрастировала с общей эстетикой особняка и была обставлена дешевой мебелью — стол с потрескавшимся лаком, потертый временем и перестановками шкаф, стулья с выписанными белой краской инвентарными номерами. В углу за стеклом томилось красное с желтой бахромой знамя. Над столом висел запыленный портрет — лицо просматривалось с трудом из-за почерневшего налета.

Хозяин кабинета сел и развернул огромную тетрадь с желтыми страницами.

— Имя, фамилия?

Кирилл честно ответил на вопросы, касающиеся биографии. Участковый молча записывал, дыша на ручку и тряся ею. Паста то ли замерзла, то ли заканчивалась. Потом включил экран и ввел данные в компьютер. Делал это неумело: высунув язык, подолгу находя пальцем нужные буквы.

— Верстальщик? — Строго переспросил милиционер. — Или корректор?

— И то, и другое, — Кирилл поерзал: скованные руки затекли.

— Не положено! — Указательный палец вдавил клавишу ввода. — Что-то одно!

Пролетная односложность граничила у милиционера с интонациями работа. Пожилой младший лейтенант скорее всего прошел путь из сержантов. Работяга, пропитанный делом, — когда ему задумываться над построением фраз? Копеечные астры тратит на жену, детей и внуков, а себе остается медь — на пиво после дежурства и спортивную газету. Судя по широким плечам и мощному торсу, младшой раньше тягал штангу или толкал ядро.

— Это родственные профессии. У нас так часто бывает — человек, который верстает, вычитывает грамматические и стилистические ошибки. Такой специалист выше ценится.

Надеясь, что участковый вникнет в суть, не стоило и пробовать. На лице младшего лейтенанта вроде как промелькнуло сомнение, но он тут же стал непроницаемым. Сверился с документами, в которых рябили столбцы таблиц, и выдал сакраментальное:

— Нарушаете!

— Но поймите...

— Не понимаю.

— Я завтра пойду на перерегистрацию...

— Пойдете.

— И там подтвердят мое назначение...

— Возможно.

— Да точно! Кем же меня могут еще назначить?

Участковый одарил нехорошим взглядом. Кирилл осекся и уловил иронию (да, да!) в глазах милиционера. Дескать, кем посчитают нужным, тем и назначат. Пришелец вспомнил, что в первый раз регистрировался с помощью Чистого Листа непосредственно у Захара. Как выяснилось, оба переправщика имели на Кирилла виды. А что будет, если регистрироваться на общих правах?

Вот Юля вместо актрисы стала воспитательницей...

В мыслепространстве участковый выглядел моложе — без седины в шевелюре и усах. Красная спортивная майка с гербом на груди. По бокам знака полукружьями желтели снопы колосьев, внутри томился земной шар, над которым художник занес серп и молот.

— Вы помнили, но забыли, — верстальщик шарил в кармане, чтобы занять правую руку, — забыли многое из прошлой жизни. Вспомните, как люди днем работали инженерами на заводе, а по вечерам делали для нерадивых студентов задания по начертательной геометрии. Как музыканты халтурили на свадьбах, а учителя брались на дому готовить школьников к поступлениям. Вы сами наверняка слушали песни в ресторанах и просили подтянуть ребенка по математике или русскому. Почему же сейчас считаете, что делать два дела одновременно — преступление?

Милиционер ответил не сразу. И пока молчал, пришелец сам засомневался в сказанном. Хорошо делать можно что-то одно. Второе — от лукавого, сулящего деньги. Но не сажать же человека за решетку, если он решил подзаработать?

С другой стороны, почему бы и не посадить? В Вымысле свои правила: работяга пусть расплывается на множество заработков сколько угодно, а думающий человек не имеет права. Если каждый начнет работать больше положенного, ему и платить надо сверх меры. Астры обесценятся, а мыслительного дефолта допускать категорически нельзя.

Так, глядишь, всякий начнет желать чего душе угодно.

— Сажать, — участковый стукнул по столу, отчего экран погас. — Это закон.

Отступать некуда — все равно упекут за решетку. Верстальщик придвинулся вместе со стулом ближе, попал под яркий свет настольной лампы и отпрянул.

— Вы забыли, — повторил пришелец. — На гербе вверху еще была звездочка...

Милиционер не сразу уловил мысль. А когда уловил, поднялся, нагнулся над столом и ухватил Кирилла за грудки.

— Ты... — Прохрипел участковый и обдал кислым запахом изо рта.

На большее не сподобился, вернулся на место и поправил пиджак.

— Снимите наручники, — Кирилл поставил локти на стол, раскачивая ими в стороны, словно левая рука боролась с правой.

Участковый опять сообразил не сразу. Хмыкнул в усы и подмигнул. Выудил из кармана связку ключей, отыскал нужный.

Через минуту верстальщик потирал освобожденные от оков саднящие запястья.

А младшой изготовил для борьбы правую руку и ждал, пока соперник придет в себя.

По весу участковый превосходил пришельца на пару категорий. Большим знатоком армрестлинга Кирилл не был, и сейчас верил только в ловкость, как верует язычник в запрещенного варварами божка.

Кисти сплетаются, костяшки белеют. Победа не даст обладателю превосходства, но де-факто он сможет диктовать условия. По праву, не прописанному ни в одном законодательстве, однако имеющему власть.

По праву сильного.

Участковый пошел в атаку с желанием решить исход перевесом в массе. Кирилл держался, как мог. Руки замерли на двух часах вымышленного циферблата. Верстальщик почувствовал, что теряет силы, и перешел в контрнаступление. Качнул руку по натиску соперника и тут же нажал в противоположную сторону. «Стрелку» удалось перевести на девять. Там она остановилась, равнодействующая стала равна нулю. Так продолжалось несколько долгих, до боли тягучих секунд. Младший лейтенант надул щеки, лицо его покраснелось, из горла вырвался вопль.

Кирилл нырнул в мыслепространство, чтобы противостоять оттуда.

Ровно в этот миг пришельца ударили в плечо — свободной левой рукой.

Дикая боль.

Свет погас.

Мысль потухла и выплюнула верстальщика в реальность.

Мясистая рука описала полукруг и ударила задержанного его же костяшками об стол.

— Помощь нужна? — В двери появился сотрудник в одежде царского жандарма.

— Свободен, — ответил участковый с одышкой.

Они смотрели друг на друга, громко дыша и потирая натруженные мышцы. Участковый усмехался в усы, довольный, что сумел поставить на место «молодого». Ликовал в предвкушении аплодисментов. Миг перед победой во много слаще почестей, которые отдадут потом. Сейчас ты паришь в воздухе, а после пойдешь ногами по матам, как и поверженный. Кто вас отличит?

Того, кто внизу, этот миг пьянит не меньше. А вдруг получится извернуться, провести контрприем, заработать очки и обыграть соперника? Лучшей мотивации для без минуты проигравшего не придумаешь.

— Теперь левыми... — предложил верстальщик и поставил другой локоть.

Участковый снял трубку, покрутил диск допотопного телефона и скомандовал:

— Машину через пять минут!

И уж затем с видимым удовольствием сжал ладонью ладонь гостя.

Товарищ младший лейтенант был левшой...

... Конвой поднял задержанного со стула и повел на выход. Наручники терли и без того болящие запястья. Кирилл оглянулся — мыслительная красная майка участкового выглядела, как новенькая.

На верхушке герба висела красная звездочка.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Написано карандашом

В начале было слово, и слово это было «Азу».

Господь немногословен в первой фразе, которую произносит устами детей своих. Как и скуп он на слова в миг, когда человек прощается с земным существованием. Между этими точками бытия раб божий должен говорить самостоятельно.

Можно кричать, говорить шепотом или жить в полной тишине. Вообще способ изложения мыслей не имеет принципиального значения — письмо, живопись, скульптура... Лишь бы использовать данный свыше шанс. В сущности, и воздействовать на органы чувств современников совсем необязательно. Качественно заполнить пробел между двумя датами — вот к чему надо стремиться. Это целая наука и, к сожалению, ей не обучают в школах и вузах. Хотя дисциплина очень полезная, без нее никак. Собственно, ее одну и стоит изучать, все остальное — прикладные науки для факультативного ознакомления. А так — каждый учится и учит по наитию. Естественно, что даже азы постигают единицы, о профессии вообще речи нет. И, главное, теория не такая уж сложная...

Как стать отточенным инструментом в руках Всевышнего Хирурга и одновременно делать надрезы по своему усмотрению? Да еще и так, чтобы верные решения рождались без шрама? Искать ответ на этот вопрос или просто помолчать до тех пор, пока господь опять не скажет твоими устами «Азу».

Вполне возможно — не человеческим языком.

— Слушай, что если повернуть тот же трюк с регистрацией во второй раз?

— Извольте шутить, коллега?

— Нет, я серьезно.

— А раз серьезно, то я бы хотел просить об обратном. Не делать фокусов.

— Хороший он специалист. Жалко терять.

— Ну и не теряйте. Пусть работает в вашей газете, так сказать, «на дому».

— Хорош дом... тебя бы туда на месяцок.

Чистый резко остановился и положил руку Захару на плечо — предплечье оказалось точно под подбородком.

— Я свое отсидел, сколько дали. Не табуретки сколачивал, а тройные интегралы считал. Пока ты задницу полировал на собраниях, мы траектории

спутников рассчитывали всухомятку, на одной мысли. Остальное охранники пролетам раздавали во имя светлой идеи равенства. — Очиститель убрал руку и отряхнул рясу, будто выпачкался. — И он поработает, если подсуетишься.

Чиновник сделал шаг вперед и стал грудью к груди Чистого. Дыхания слились в не самый приятный аромат.

— Да хоть засуетись тут, — Захар перешел на шепот, — сразу смекнут. Два раза человеку один и тот же смысл ставят, а у него регистрация — тю-тю. Белыми нитками шить черный макинтош я не хочу.

— Вы, любезнейший мыслитель, ограничены в восприятии реалий. — Лист успокоился и вернулся к прежнему «вы». — Суетиться вам нужно в другом направлении — чтобы наш подопечный на повторную регистрацию не попал. — Лист жестом пригласил собеседника идти дальше. — Пусть сидит себе, работает — верстает и правит. Снабдите его положенной техникой. И вы сохраните ценного работника, и он при деле: все одно не чучело на ковер бросать целыми днями. Да и мое начальство, — очиститель посмотрел вверх, то ли на мнимого шефа, то ли на побелку потолка, — останется довольно.

Захар откатил губу, обдумывая предложение. Замысел действительно был неплох.

— А если он прозреет и испарится? Что я скажу в департаменте?

Второй переправщик усмехнулся уголком рта:

— Помилуйте, коллега, второй раз он не сбежит. Выводы сделаны, охранная система ужесточена. Никакие женщины, а тем паче помыслы о них, не проникнут. Ну, уж коль растворится от прозрения — случайностью назовем. Если не ошибаюсь, ранее такого не происходило? Так, один прецедент за столько лет — в пределах погрешности.

Они вышли из участка в морозную ночь. Ветер гнал редкие снежинки каждую своим маршрутом. В этом, на первый взгляд, хаотичном движении угадывались помыслы метели, которая безошибочно указывала белой точке геометрическое место в зимнем пространстве.

— Завтра этим и займусь, — Захар надавил пальцем на ноздрю и громко прочистил нос. — За ночь пусть пообживется чуток.

— Утро вечера мудреней, — согласился Чистый Лист и растаял в полумраке.

В какую камеру его поместили, Кирилл не помнил — было темно. Возможно, в ту же, что и во время первого пребывания в тюрьме. Стол, стул, матрас с подголовником — вся обстановка. Единственным украшением был средних размеров аквариум. На столе под салфеткой покоился ужин — отнюдь не баланда. Еда не лезла в глотку, а вот дурные предчувствия в голову лезли наперегонки.

Почему он не исчез после сдачи статьи? Значит, не она была смыслом. Тогда ради чего мучения? Или они не закончились?

Может, новая регистрация покажет верный путь к цели — как очередное звено цепи перерождений? А сколько их предстоит пережить?

Кирилл лег на матрац, оказалось удобно. Попробовал в уме сложить все пережитое. Получив сумму, прислушался к себе-внутреннему и решил: надо бежать из Вымысла. С другой стороны — кто знает, возможно, именно нахождение здесь (точнее — отсутствие *там*) и есть его, Крючковца, предназначение?

Тогда, по неписаным законам местного быта, новое назначение должно как-то совпадать со способностями пришельца. Иначе он попросту может покончить с собой...

Стоп. А кто ему позволит? Вдруг у них в этом случае срабатывает какая-нибудь мыслительная защита? Повесился, тело болтается на веревке, а в мыслепространстве ты живехонек. Недостигнутая цель становится на пути суицида. С другой стороны, самоубийство тоже может быть целью. Интересно, пробовал ли кто проверять эту теорию?

В сущности, в чем отличие от положения в прежнем мире? Тысячи людей идут к призыванию окольными путями, пока не выйдут на свою стежку. Терпят унижительную службу и чужой по духу круг знакомых, пока не поймут, что нужно в другую сторону. Там чаща, болота и грязь, а здесь — ровные и не заплыванные тротуары. Но нужно именно туда — изорвать брюки, стоптать ботинки, расцарапать лицо, лишь бы добраться до поляны, где птицы поют знакомые песни.

Только у единиц правильная дорога совпадает с широким проспектом. Большинству лучше идти по пересеченной местности.

Лучше, но не легче.

Кирилла кольнул вопрос, который не давал покоя и в прошлой жизни: тем ли ты, дружок, занимаешься? С чего взял, что твое призвание — верстать и править?

Что и зачем ты делаешь?

Какой смысл в твоих словах, и чем наполнены пробелы?

Куда, червячок, тянешь леску — в нужную сторону для рыбы или рыбака? У них на тебя разные виды... и не забудь сделать поправку на течение.

Размышления прервал шорох двери. В камеру вошел Андрей — работяга и летчик. Он поманил пальцем и тихо сказал:

— Пойдем. Выведу.

От удивления Кирилл подпрыгнул на матраце.

— Ты откуда взялся?

— Работаю.

— Ты же говорил, склад охраняешь...

— Дык, это он и есть.

Пожалуй, Андрей прав. Мыслительных дезертиров здесь складывают до смерти или исчезновения. Для настоящей тюрьмы слишком шикарные условия.

— Ты вышел на связь, — охранник показал коммуникатор, — я услышал и понял.

Верстальщик вспомнил, как дежурный нажимал кнопки коммуникатора, перед тем, как забрать его.

Пленник подался к выходу, но осекся.

А куда, собственно, бежать? Неизменно найдут и, того глядишь, оформят в настоящую колонию с настоящим строгим режимом. Не лучше ли посидеть до утра и дожждаться, пока ситуация прикатится к решению?

Нет, не лучше.

В отличие от рыбы, человек имеет право выбора: клюнуть или плыть дальше.

— Идем! — Пришелец вышел в коридор, дождался, пока Андрей закроет камеру, и последовал за ним.

Шли тихо, не спеша — летчик впереди, Кирилл сзади.

Перед выходом из подземелья они поменялись местами: верстальщик заложил руки за спину, Андрей достал трубку-глушитель. Миновал пропускной пункт, вышли на заснеженный двор. Степенно, будто за ними следили датчики скорости, вошли в башенку, за которой была свобода. Пришлось повторить сценку «охранник-заключенный». Андрей сообщил постовому, одетому в шкуру:

— Проветриться веду.

Да, подопечных иногда выводят «проветриться». Когда человек устает от однообразного физического труда и начинает сидеть сиднем, его выводят на волю и дают подумать, «распустить фантазию».

Последний КПП пустовал: на нем дежурил Андрей.

Скрипнули засовы, пропищала дверь, в пустом прямоугольнике заключился пар.

На свежем воздухе действительно захотелось мыслить: о звездах, небе и свободе.

— Можно, я у тебя переночую? — сказал Кирилл и закрыл глаза, рассчитывая взлететь и перенестись в дом летчика.

На сей раз тоже не получилось.

— Куда ты... — Андрей взял спутника за руку и повел к стоящей у входа машине — темно-синему седану. — Нет регистрации — нет идей.

Кирилл оказался вне закона, стал недочеловеком. Беглец мог бы уехать далеко и лечь на дно. Но существовать при этом можно только работягой. Государство отсекает строптивого интеллигента от общего потока — мало ли что учудит вольнодум.

Андрей рванул машину с места, утопив педаль газа. Словно не он только что вальяжно расхаживал по территории «склада».

— Время «проветривания» тикает, — пояснил летчик, не отвлекаясь от скользкой дороги, — скоро тревога.

Через пару минут послышалось заунывное пение сирены. Казалось,

милиционеры извиняются перед горожанами за то, что вынуждены их будить. Звук распространялся неубедительно, для одних только преступников.

Раздавались предупреждения, приказы и угрозы. Динамик хрипел, пищал и ругался. Андрей мастерски лавировал на узких улочках, а на проспектах добавлял скорость — до следующего тесного переулочка.

К дому подъехали с небольшим отрывом.

— Я сейчас, — рывкнул Андрей и скрылся за калиткой.

Кирилл вышел из машины и прижался к кирпичной стене. Хотелось слиться с ней, чтобы никто не нашел. Стать тонким цементным слоем — пробелом в кладке, связующим звеном между верхними и нижними рядами.

Сирена переросла в брехню поселковых собак. Те почуяли сородицей — свору, гонящую добычу на номера.

Из двери выбежал Андрей, за ним — Стропа. Он поскуливал, тревожась за хозяина.

Под мышкой летчик еле удерживал два пакета метров по пять длиной.

— Дельтаплан. Собственного производства. — Один пакет он отдал Кириллу. Запирать дверь не стал. — Давай, бегом!

И они рванули темными улочками.

— Я запасы армейские расконсервировал, — Андрей бежал первым: ветер гнал слова назад. — Видишь, как разговорился! Нам после дембеля отходные выдали. И на каждую годовщину понемногу добавляли. Все хранил, думал — пригодится. И надо же — дождался!

Нет, не отставной летчик и умудренный опытом мужчина несся по мягкому снегу — мальчишка, влекомый азартом. Ветер дул в сверток и разворачивал Андрея на поворотах. Кирилл еле поспевал: у самого в руках трепыхались и позвякивали алюминиевые трубки.

Выбежали на аллею, ведущую к станции метро. В этих краях Кирилл появился в Вымысле почти четыре месяца назад.

Беглецы запрыгнули в кусты и сели отдышаться.

— Нужно к обрыву. Он за метро, справа — метров пятьсот.

— И что? Я без регистрации, у меня ни астра...

— Зато у меня полно! — Андрей источал ребячью радость, как облученный — радиацию. — Как только оттолкнешься, я представляю, что ты летишь.

— А если не успеешь?

— А дельтаплан тебе зачем? На нем километров пятьдесят сделаешь...

— И куда лететь?

— Домой. Туда, откуда явился.

Еще недавно Пришелец не мог выбрать — оставаться в Вымысле или покинуть его. А тут несется со всех ног по приказу едва знакомого человека. Может, Андрей тоже очиститель или подосланный от Чистого?

— Расчеты я проверил. — Андрей ковырял палкой в снегу. — Сам пару

раз летал этими крылышками, когда еще женат был. Тогда мне Лена с земли желала удачи, как теперь я тебе.

В кустах зашелестело, выбежал Стропа. Вдалеке снова слышалась сирена. Она не выла, но стонала — точно больной, который боится врача.

Бросились к стеклянному кубу метро. Пробежали еще с полкилометра и остановились.

Площадку перед обрывом плотно окружали деревья и кустарники. Голые ветви нехотя пропускали лунный свет и покачивались на промозгом ветерке — со скрипом и хрустом.

Пока Андрей хлопотал над дельтапланом, Кирилл подошел к краю. Внизу горели огни поселка — элитного, судя по аляповатым проектам частных домов. Ну чего, спрашивается, может желать человек, у которого денег много, а мыслей мало? Только трехэтажную виллу с косой крышей и балконами.

Да, и чтобы тарелка антенны обязательно была на виду.

Сначала нутром, потом слухом прищелец почуял рокот вертолета. Видимо, погоня потеряла след, пришлось задействовать авиацию. Луч проектора шарил в районе метро.

Летчик собрал дельтаплан и рассказал Кириллу, как управлять. Лететь, по мнению Андрея, нужно недолго — астральные вливания сработают в течение пяти минут. В крайнем случае, придется тянуть дальше, чтобы сесть в пригородной глуши, дальше от патрулей.

Из лесопосадки вышли трое и обступили беглецов. Как и в день прибытия Кирилла в Вымысел, луна вырвала из темноты лица нападающих — те же парни, которые встретили прищельца возле станции. Теперь они вели себя уверенно: держали руки в карманах, теснили жертв к обрыву.

Когда до края оставались метры, откуда ни возьмись выскочил Стропа и с лаем бросился на угрожающих хозяину людей. От кротости собачонки остались лишь колышущиеся на бегу мохнатые уши.

Андрей превратился в человека, готового с отвагой броситься на врагов. До того рост летчика казался невысоким. Теперь — выше среднего.

Парень в тунике, облегающих штанах и сапогах развернулся в сторону тьяканья и застыл, выдвинув челюсть. Стропа на лету подпрыгнул и полетел в сторону, будто его пнули под ребра. Андрей сжал кулаки, закрыл глаза, но тут же обмяк и громко выдохнул: вспомнил, что не может тратить астры раньше времени. Поглядывая то в сторону, где поскуливал пес, то на обидчика, охранник «склада» переминался с ноги на ногу... и рухнул на землю. Подельники смотрели на летчика, катающегося по проталинам. Еще чуть — и полезут по виртуальным карманам, доставать мыслительные денежки.

В памяти верстальщика всплыл эпизод, когда участковый бил в плечо во время борьбы на руках. От воскрешенной боли Кирилл передернулся. И тут же врезал с обоих крыльев по очереди нападавшим. Вряд ли удары

каркасом нанесли тяжелый урон, но в головах у парней сейчас горел огонь болевого шока.

Луч милицейского вертолета полоснул рядом с поляной.

— Разбегайся и лети! — Андрей поднялся на локтях и вытер окровавленный нос.

Вместо того чтобы выполнять приказ, Кирилл положил дельтаплан на землю и подошел к летчику. Порыв ветра отнес конструкцию ближе к лесополосе.

Верстальщик помог Андрею встать — тот с трудом держался на ногах.

В кустах мелькнули огоньки и скрипнули тормоза.

— Дурень, времени нет, — летчик восстановил дыхание, но хрипел, как астматик, — я все астры изведу.

На поляну выбежала женщина в халате до пят и пушистых тапочках. Растрепанные волосы покорно развевались на ветру. Домашним видом женщина не вписывалась в ночную сцену перед обрывом на окраине города.

Только когда дама подбежала ближе, Кирилл узнал Елену Сергеевну.

Она оценила состояние Андрея, вскользь глянула на пришельца.

— Моя жена, Лена, — извиняясь, представил женщину Андрей. И добавил: — Бывшая.

Елена обняла мужа, пачкая халат кровью и грязью. Чтобы сгладить неловкость, верстальщик пошел забирать дельтаплан.

Только Кирилл взялся за алюминиевую трапецию, из кустов скомандовали:

— Стоять! Не двигаться!

Беглец застыл в наклоне.

Из-за деревьев вышли милиционеры — четверо. В главном Кирилл узнал участкового. Оружие держали наготове — не глушилки (к чему они для незарегистрированного?), а пистолеты и мечи.

— Оставь эту штуку! — Младший лейтенант не тратил время на то, чтобы вспомнить, как называется дельтаплан. Верстальщик выпрямился и повернулся. — Руки подними!

Кирилл поднял. Боковым зрением заметил: Андрей двинулся к месту задержания.

— Где вы ходите?! — Летчик-охранник с вызовом посмотрел на участкового. — Когда не нужно, вы тут как тут, а когда нужно — не дожدهшься. Зафиксируйте нападение, вон те трое, которые лежат. Хотели ограбить...

Милиционер в тунике убрал меч и выставил вперед глушитель.

— Отставить! — Непонятно кому — Андрею или подчиненному — приказал младший лейтенант. — Вы тоже пойдете с нами, — это Андрею, — для служебного расследования.

Кирилл поклялся: на «склад» он не вернется. Ни на день, ни на минуту. В сущности, нет разницы, какое время ты пробыл в тюрьме. Все пребывание

в Вымысле верстальщику показалось сплошным заточением. Будто спрятали человека в промежутке между двумя мирами — реальным и мыслительным. Свобода, пусть выдуманная, с дурацкими буднями и глупыми праздниками, с тягостными условностями и гнетущими предрассудками, все равно дороже прозрачной клетки, в которой невозможно мечтать и творить.

Для чего создан человек? Мастерить табуретки и получать за это обед?

К горлу подступил комок. Тело задрожало. Образ Кирилла мигнул и погас...

...Маленькая комната на четвертом этаже гостиницы, давно разорванной на офисы. В углу, ссутулившись над текстами, сидит корректор — женщина непривлекательная, но начитанная. Справа гудит блок питания. Только он способен жужжать незаметно и въедливо. На экране — разворот под верстку. В спину дует кондиционер, подгоняя к работе, как заградотряд — штрафников.

Одно и то же.

— И к этому ты хочешь вернуться? На это хочешь променять мир, где думающий человек может себе позволить практически все? — Голос казался знакомым. Так знакомо лицо одноклассника, с которым давно не виделся. — Желаете отказаться от астров ради денег? Что на них купишь? Ты — творец, человек мысли! Твой мир — Вымысел!

Кирилл кивает в ответ. Проводит пальцем по запыленной чашке с затертыми краями — помыть бы, да с содой. Смотрит на фотографию жены — красивой и умной, избалованной отцовскими деньгами, но все равно близкой и понимающей.

— Зачем в спортивной борьбе нужны весовые категории? — Отвечает верстальщик голосу. — Для справедливости. Легковес не виноват, что уродился щуплым. Разве справедливо лишать его шанса? Пусть толкается с таким, как он — маленьким и юрким. Против тяжелого у него нет возможности выиграть. Кому такая борьба нужна? — Кирилл говорит вслух, но корректор его не замечает, словно никого в комнате нет. — А вы предлагаете мне, средневесу, бороться с «мухачами». Дескать, зачем тебе упираться, тратить время и силы, переживать... На, вот тебе готовый мир, клади на лопатки! Нет, это не мой стиль. Мне не нужна победа любой ценой, которую, кстати, я вполне могу заплатить — у меня состоятельный тесть. Мне нужно ощущение победы, а его дает только процесс борьбы. И биться я буду с соперником, который может меня завалить, в том мире, где на туше укладывают еще до команды о начале схватки. Иначе — не интересно.

Вентилятор взвыл на тон выше и тут же вернулся в прежнюю тональность.

— В таком случае для поединка не хватит жизни...

— Продолжу после. Конечно, там — другой ковер, другие правила. Но они одинаковы для обоих соперников.

Фигура Кирилла вновь замерцала.

Темнота...

...Поляна перед обрывом. Милиционеры кричат, размахивая палками. Шумит вертолет — гораздо громче, чем кулер. Проектор шарит по затоптанной грязи с остатками почерневшего снега.

Кирилл стоит на краю обрыва, участковый требует отойти, два милиционера держат за руки Андрея, который не добежал до дельтаплана. Елена Сергеевна пытается вызволить мужа. Ее удары ладошками бойцам что шлепки крыльев бабочки.

Верстальщик разворачивается к пропасти. Мысленно примеряется для прыжка. Какой там: от мыслей нет и следа — так, попытка представить, что будет, если сигануть.

И в спокойной обстановке не получалось, что уж теперь попробовать...

Астры Андрея — почти постороннего человека — работают. Тогда он полетит и перенесется в свою реальность. Забудет Вымысел, как забывают о неудачной покупке или пусто потраченной денежной мелочи. А может, наоборот, будет помнить, что сбежал из мира, где легко воплощаются идеи и мечты. В любом случае, ему поможет человек, еще вчера бывший работягой, а сегодня ставший мыслителем.

Значит, не зря Кирилл провел здесь время.

Проектор попал лучом в фигуру Кирилла. Образ опять помигал, исчез и сразу вернулся. Будто в подтверждение мыслей пришельца.

Возможно, Андрей разыграл фарс. Тогда зачем оставаться на этом свете? Кому и во что верить? Быть вечным затворником и по окончании срока вернуться на свободу? Крутить ворот крестообразного стола? В чем разница относительно *того* света?

Кирилл приседает и собирается оттолкнуться. Чувствует — не может. Не потому, что передумал: за ноги крепко держит Юля. Стоит на коленях и обнимает его.

Из-под земли появилась — не иначе.

— Останься, слышишь, не могу без тебя! Я помогала Захару не за деньги и даже не за астры. Скажи слово — сяду вместе с тобой в тюрьму, буду поливать цветы и увядать вместе с ними. Лишь бы с тобой. Или прыгай, но держи меня крепко. Мы — две половины одной мысли, разбитой при переходе из одного мира в другой. Время срastит нас, мы будем плавать в мыслепространстве, как в теплом летнем море.

Раньше Кирилл полагал так: если одна любимая женщина далеко, а вторая близко, не нужно противиться законам притяжения. Оно, как известно, обратно пропорционально квадрату расстояния между телами. Но сейчас верстальщику казалась милее та, которая далеко. Которую он не видел много месяцев и которая не пленяет красотой все мужское стадо, а любит одного-единственного скота.

— Я боюсь глубины, — он еле заметно переминался на скованных в объятиях ногах, — и теплой морской, и холодной речной. Высоты — не боюсь, а к воде у меня с детства отвращение. Потому

мыслительную реальность я воспринимаю скорее как высь. — Из вертолета заговорили в мегафон, чем превратили без того нелепую беседу в сюрреалистическую. — Извини, ты тянешь вниз. А мне нужно вверх. Возможно, мы действительно части одного целого — красавица-актриса, ставшая воспитателем, и борец-верстальщик. Мы — осколки красивой, но дешевой чашки. Она разбилась, и нет смысла клепать. Легче купить новую.

Голос пришельца тонет в гуле винта, требовательных криках Елены и четких ответах участкового. Три хулигана приходят в себя, сидят на земле и пытаются понять, что происходит. Младший лейтенант кивает помощнику: «Пойди, посмотри». Оставляет Андрея на попечение напарника.

Опять оживает мегафон в вертолете и неясно командует, борясь с порывами ветра.

Маленький летчик вырывается из захвата и бежит к обрыву:

— Прыгай! Прыгай!!! — Он машет руками, разгребает воздух, как пловец воду. Младшой достает пистолет. Стреляет в воздух, звук тонет в свисте ветра и шуме вертолета. Андрей поскальзывается и встает: «Прыгай без крыльев!»

Участковый целится в спину беглецу. Орет. До края доносятся обрывки фраз, сдобренные резкими интонациями.

Андрей снова падает в мерзлую грязь. Мгновением позже раздаётся выстрел. Пуля проходит над лежащим летчиком и попадает в Юлю. Ее руки разжимаются, тело подается вперед, бессмысленный взгляд направляется в небо.

Кирилл делает шаг назад — туда, где ступать не на что.

Жизнь — это один большой пробел между рождением и смертью. В него можно вставить что угодно. В том числе дружбу отставника-летчика и любовь девушки, которая предала ради самой любви.

Кто правит текст с заголовком «Судьба»?

Если не умеешь корректировать и верстать сам, доверься главному редактору. Самому главному. Над которым выше начальства нет.

Кирилл перевернулся в воздухе, ударился боком о склон и полетел головой вниз. Он не видел, как милиционеры сковывали кандалами банду налетчиков, и жена, проклявшая мужа, пала ему на грудь, моля о прощении. Не видел едва заметной улыбки на каменном лице Юли. Последней улыбки, предвкушающей встречу с милым по ту сторону Вымысла. Не слышал и разговора в вертолете между двумя переправщиками:

— Долетит?

— Конечно. Вопрос — куда.

— Залетаешься тут...

— Одним пришло меньше. Найдешь другой заработок.

— Зачем? Вон он, в грязи лежит. Сегодня одним мыслителем стало больше.

Когда до земли оставался десяток метров, Кирилл на прощание расправил руки.

И полетел параллельно поверхности.

Легко набрал высоту, направляясь в сторону от города. Откуда ему было знать, что астров на счету Андрея давно не осталось. Они исчезли, когда он решил дать свободу заточенному верстальщику. Это дорого стоит — решиться. Все сбережения сытой и размеренной жизни «пролета» сгорают на раз.

Без тяжких дум свободней парится.

Дневник Кирилла Крючковца. Изучение языка Вымысла. Предпоследняя запись

Если быть честным до конца, пробелы — единственное, что интересно читать. Остальное либо слишком очевидно, либо чересчур непонятно.

— Кирилл, ну откуда ты знаешь, о чем я думала, когда писала статью?

— Из текста.

— Но здесь нет ошибок.

— В словах — нет, а между слов написано неправильно.

— Читателю нужны слова, он не видит между строк.

— Ошибаешься. Он только и смотрит на пробелы. Буквы это так, оболочка.

Молодая журналистка дернула плечиками и пошла переписывать статью — теми же буквами, с новыми мыслями. Причуды зама главного редактора и по совместительству верстальщика она воспринимала как придирку. Главред поначалу тоже скептически отнесся к видениям Кирилла. Потом убедился, что репортеры стали писать лучше, на каком-то незримо новом уровне. Потому сделал верстальщика замом, добавив полставки.

Верстальщик сохранил проект и отправился домой, к любимой жене, которая совсем не заметила отсутствия мужа. Месяцы пребывания в Вымысле жались в мгновение, и Кирилл тем же вечером, когда уснул в метро, вернулся в свою квартиру на Корчагинцев.

Правда, в депо пришлось иметь неприятный разговор с милиционером...

Кирилл Крючковец вышел из здания редакции и шагнул в мир, где мысли и желания значат больше, чем слова и поступки. Где намерения должны наказываться строже, чем преступления. Где светлые озарения нужно поощрять сотней благодарностей.

Человечеству по нашу сторону Вымысла еще предстоит этому научиться.

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

СИМФОНИЯ МИРА

— Т

имофей. Тимофе-ей! Очнись, парень.

Дурацкое имя. Но что тут поделаешь. Имя — это то, как тебя называют другие. Кем бы они ни были, эти другие... Без *других* человек существовать не может, следовательно, и без имени ему не обойтись. Так

говорит наставник и опекун.

С ним можно было бы поспорить, но спорить Тим не любил. Смысл? Все равно никому ничего не докажешь. Равно как и *они* ничего не докажут тебе.

Закат разложил над горизонтом свой многокрасочный пасьянс. И струилась музыка в воздухе — неуловимая, почти неслышная уху. Детская память еще хранила в себе другой закат и другую мелодию. Но это было так давно, что впору засомневаться, а было ли оно вообще? Приветливое небо Земли и ласковое тепло родного Солнца...

Эта Земля привечать чужаков не спешила, а уж называть здесьнее Солнце ласковым мало у кого поворачивался язык. Но была, была и у чужого мира своя симфония! Надо только суметь услышать ее. Суметь понять. И тогда... тогда...

— Тим! Да очнись же ты наконец!

Мельтешит перед глазами чья-то ладонь, мешая видеть и слушать. Мелодия заката гаснет, теряется окончательно. Не поймать и не удержать, как ни старайся. Ну, сколько можно, достали просто, как они мешают жить! И слушать. Все они.

— Пойдем, Тим. Пойдем.

Наставник и опекун, Олег Ольгердович. Вообще-то, он врач-генетик. Из старых еще, на Земле родился, в Поиск ушел уже немолодым. Но тут уж не до практики по специальности, пришлось заняться совсем другими делами. Иногда Тим помнил, что его связывает с этим суровым человеком, иногда — нет. Это было неважно.

Все было неважно.

Кроме музыки.

Она жила вокруг всегда, сколько Тим себя помнил. И он не забыл, как однажды удивился, узнав, что музыку эту никто, кроме него, не слышит. И не понимает даже, о чем идет речь. Тим с тех пор забыл очень многое, но свое удивление помнил.

Как можно жить без музыки?..

Но они жили. Все они. Разумные, капризом судьбы сведенные вместе на одной планете, где им теперь предстояло жить. В мире и согласии или в алчбе и раздорах — это уж как получится.

Если получится вообще.

— Тим,— проговорил Олег Ольгердович, — Очень тебя прошу. Не *уплывай*. Ты мне нужен.

Каждый человек несет в себе свою симфонию. Услышь ее, и ты услышишь человека. Наставника Тим слышал не всегда: тот умел закрываться. Но сейчас в его мелодии отчетливо звучали беспокойство, тревога и самый настоящий страх. Тим ощутил укол яркого любопытства. Что могло испугать наставника?

Машина шла сквозь пустыню, вслед закату. Перистые облака расчертили небо в забавную косую клеточку. Впрочем, забавным они выглядели только для неискушенного взгляда. Завтра на город упадет черная буря. Зря, что ли, уже сейчас над горизонтом вставала дымная полоса, застывшая солнце!

Тим смотрел на закат, вслушиваясь в мелодию тихого вечернего света. И казалось, что еще миг, еще один только миг и — придет откровение, грандиозное, как звездное небо над головой, и простое, как песок под ногами. Симфония, что примирит враждебный мир с чужими ему людьми, которых сюда никто не звал, — явились сами, непрошенными и нежеланными гостями. Еще миг... Еще... Понимание не приходило, скользя по краешку осознания.

— Тим! Я же просил тебя.

Тим вздохнул. Оправдываться, спорить, что-то доказывать — это не по нему. А объяснять... У вас же первый телепатический ранг, Олег Ольгердович, и вы все равно не понимаете! Что вам можно тогда объяснить голосом?

— Пойдем, Тим. Пойдем.

Тим выбрался из машины, прислушиваясь к музыке нового места. А она была такова, что хотелось замереть и слушать, слушать и слушать, — бесконечно.

Они стояли у подножия гигантского леса. Огромные деревья с воистину неохватными стволами поднимались на невероятную высоту. В серых сумерках кроны деревьев сияли диковинными цветами-фонариками. Впрочем, симфония этого могучего леса тоже была здесь *чужой*. Такой же чужой, как и мелодия города, откуда приехали Олег Ольгердович с Тимом.

Их встречали.

Высокий могучий мужчина в черном. Вооруженный. Тим поневоле вздрогнул: мелодия этого человека была симфонией убийцы. Не его ли так боялся наставник?..

— Будьте достойны деяний своих предков, Клаверэль *благ*,— церемонно приветствовал его Олег Ольгердович.

— И вы достойны будьте тоже, — неспешно отвечал тот. — Что же вы в одиночку путешествуете? — с иронией продолжал он. — Этак ведь и пропасть недолго.

— Я надеюсь на ваше благоразумие, барлаг, — осторожно сказал Олег Ольгердович.

— Достойная надежда, — согласился Клаверэль барлаг.

— Вы рискуете, — помолчав, выговорил наставник.

— Возможно. Но это мои проблемы, верно?

Тим не понимал, о чем, собственно, у них идет речь. Но мелодия Клаверэля барлага нравилась ему все меньше и меньше.

— Если бы только ваши, — вздохнул наставник. — Ведь инфосфера непременно отследит случившееся. Первый ранг ко многому обязывает, знаете ли.

— Ваш коллективный телепатический разум — это всего лишь разум, — презрительно бросил барлаг. — Как и любой другой разум, он может быть обманут. Или введен в заблуждение.

— А вам оно зачем надо? — любопытно спросил Олег Ольгердович. — Лично вам?

— Честно? Вы мне не нравитесь.

— Хороший повод, — оценил Олег Ольгердович и вдруг кивнул на своего спутника. — Это Тимофей. Вы должны бы помнить Тимофея, барлаг.

Серьезная угроза. Одно удовольствие слышать, как переменялась мелодия противника: грозную уверенность в собственных силах прошло резким диссонансом страха. Вот только непонятно было, почему Клаверэль барлаг должен был помнить его, Тима. А тот помнил. И не просто помнил — боялся!

— Что вам нужно? — неохотно, сквозь зубы, бросил Клаверэль барлаг.

— Проводите нас к вашей высокочтимой матушке...

Это был вовсе не город в лесу, как ошибочно полагали многие, не бывавшие здесь ни разу. Это был лес-город или город-лес — огромный мегаполис, с заботой и любовью выращенный на чужой неприветливой земле.

Краш-шаогЕм, столица Севера.

Тим не помнил этого города. Но что-то отзывалось в памяти... Что-то, связанное с большой бедой. С бедой, которая едва не случилась. Но *что* отвело ее, Тим не помнил...

...Север и Юг. Два полушария одной планеты, две расы, не сумевшие разойтись в необъятном космосе. Одних изгнали, другие покинули материнскую планету сами. Одни не хотели бросать уже построенные новые города, другие не могли уйти в очередной поиск — ресурсы их корабля были истощены.

Красивый жест доброй воли: проявим милосердие к собратьям по разуму. Разделим планету пополам и будем жить, мирно и дружно. Вот только

представления о мире и дружбе оказались у обеих рас слишком разными. И вместо дружбы возникло взаимное недоверие, а вместо мира — вооруженный до зубов нейтралитет. На планете же тем временем обнаружилась местная, коренная жизнь, чужаков привечать не пожелавшая...

...Раласву Алашен, а-свери и барлума, одна из влиятельных военных лидеров Севера. Тим смотрел на нее и слышал свое сердце. И пусть оно билось не в такт мелодии госпожи Алашен, не важно. Важно лишь то, что она есть, эта удивительная женщина, здесь и сейчас, совсем рядом.

— Раласву барлума, саташ вессекхаял, — тихо сказал Тим, зная, что ей будет приятно услышать эти слова.

— Хайлумвессек на-сатоари, — с улыбкой ответила она; голос ее звучал как музыка.

— Тимофей! — изумленно воскликнул Олег Ольгердович.

Тим промолчал. Каждый человек, каждое живое существо, каждая вещь несут в себе неповторимую, лишь им одним присущую мелодию. Надо только суметь услышать ее... Язык северян был Тиму неведом, просто симфония, принадлежавшая Раласву Алашен, подсказала правильные слова. Но поди объясни это, попробуй!

Когда он понял, что его не только не слушают, но и попросту не хотят слышать, то замолчал. Телепатам голосовая речь ни к чему, в общении с лишенными дара голос — лишь дань формальной вежливости. Нетелепаты же — самые упертые люди на свете, с ними вообще говорить не о чем.

Тим замолчал. И молчал уже давно.

— Тимофей? — переспросила госпожа Алашен. — Я думала, что вижу перед собой его сына!

— Нет, — сказал наставник. — Это Тимофей.

— Но...

— Потом. У нас есть дела поважнее.

— Верно. Да, верно, — она надолго задумалась, потом сказала. — Мы одни. Можем говорить откровенно. Именно этого и недостает а-сверигу Галлуоры, и Советы Новой России — откровенности.

Олег Ольгердович посмотрел на барлага, изваянием застывшего за спиной госпожи Алашен.

— Нет, — ответила она на невысказанный вопрос. — Он останется.

— Хорошо, — кивнул Олег Ольгердович. — Итак, повторяю, идея была неплохой. У них и впрямь оказалось какое-то подобие инфосферы. Но поладить с нею оказалось не проще, чем вот с ним, — кивок на Тима. — К наземным атакам, как изволите видеть, прибавилась теперь мощнейшая агрессия по всему пси-диапазону. Мы уже и не рады, что связались.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Поподробнее?! — телепат явно вышел из себя. — Пожалуйста! На общение с вами я могу выделить лишь четверть своей личности,

а остальные три четверти заняты поддержанием и обороной инфосферы, и, черт возьми, это здорово напрягает! В нормальном режиме лобой перво-ранговый обязан отдавать инфосфере не более трети активного сознания. Еще пара месяцев такого нечеловеческого напряжения, и мы сторим, как спички; обрыв же инфосферы — это гибель всех нас! Даже нетелепатам при этом достанется такой ком депрессий и нервных срывов, что больше половины из них покончат с собой сразу же, а остальные тихо сойдут с ума чуть погодя. Мы не справляемся, это же очевидно; даже объединив усилия, мы не справляемся, поэтому я и прошу вас обратиться к метрополии за помощью. Чтобы выжечь наконец всю эту кристаллическую нечисть дотла!

— Это исключено.

— Почему?

— А почему вы сами не свяжетесь со своей метрополией?

— Как, проклятье?! — Олег Ольгердович всплеснул руками. — Когда все перво-ранговые заняты этой бессмысленной войной? И вы, наверное, шутите, сравнивая потенциал гигантской космической державы и одной-единственной солнечной системы!

— Я серьезна, — сердито сказала Раласву Алашен. — Конечно, метрополия может выслать десант, который запросто выжжет дотла всю эту кристаллическую нечисть, как вы изящно выразились. Да заодно с нею и нас с вами! Здесь я тоже серьезна предельно. У нас были причины тихо исчезнуть, не оставляя координат поиска в Службе Изысканий.

Тим перестал их слушать, бесконечные споры были ему не интересны. Музыка вновь захватила его. Волшебная мелодия, изменчивая, непостоянная. Не запомнить и в памяти не удержать...

Если бы только они не мешали! Все они. Он бы нашел, давно нашел бы мелодию, ту единственную, неповторимую симфонию, которая объединила бы всех, чужих и своих, с суровым и неприветливым миром, доставшимся им в звездной лотерее. Но стоит только начать слушать по-настоящему, глубоко и полно, как рядом тут же возникают врачи и назначают «синие сны», психорелаксивную терапию, от которой глохнешь на неделю. На месяц!

Если б только ему не мешали...

... проблема! — говорил Олег Ольгердович. — Вы что, думаете, это так просто? Взять и передать вам все наши паранормы? Как какой-нибудь слиток или драгоценный камень? Мы работали над изменением генома больше двухсот лет. Прежде, чем нам удалось досконально изучить и успешно внедрить хотя бы телепатию. И сколько же было неудач, сколько исковерканных жизней! А вы, Раласву а-свери, вы готовы? Готовы калечить жизнь ваших детей и внуков ради сомнительных результатов в отдаленном будущем?

— Двести лет?

— Двести, — твердо сказал Олег Ольгердович. — Не меньше.

— Нас сомнут за меньшее время, — задумчиво отозвалась госпожа Алашен. — Плохо.

— Плохо, — согласился Олег Ольгердович и продолжил: — Ведь поймите же, одной телепатии недостаточно. Нужны другие паранормы. Пирокинез, целительство, ясновидение. Именно то, о чем мы сами практически ничего не знаем и с чем не умеем работать на должном уровне.

— Вы лукавите, Олег, — заметила госпожа Алашен. — Не умеете работать, вы говорите. Но вот я вижу вашего Тимофея: он ничуть не постарел за столько-то лет. Значит, и секрет вечной юности вам не в диковинку!

— Тимофей, — с горечью сказал Олег Ольгердович. — Да, он остался юнцом. Внешне. Да, он способен усмирить вулкан и остановить неуправляемую реакцию термоядерного синтеза. Но вы посмотрите на него повнимательнее. Он же неполноценен. Он аутист. Побочный эффект паранормы неограниченного психокинеза как раз и выражается в различных нарушениях функции коры головного мозга. Сколько было неудач прежде, чем мы сумели получить жизнеспособного ребенка с такой паранормой! И вот он перед нами, живой, здоровый и повзрослевший, но, право слово, лучше было бы ему не родиться вовсе...

— Тогда почему же вы его не усыпили? — неприязненно спросил Клаверэль барлаг. — Глупо и безответственно доверять такую мощь полному придурку!

— А вы попробуйте. Поднимите на него руку, барлаг, и я посмотрю, *что* от вас останется!

Тим шевельнулся, посмотрел на барлага. Долго смотрел. Северянин отвел взгляд первым.

— Аутист, но инстинкт самосохранения у него на высоте, — с удовлетворением сказал Олег Ольгердович.

— Я слышал, этот малый приносит несчастья. Везде, где бы он ни появлялся, возникали трагические случайности. Статистику последних происшествий невозможно объяснить простым совпадением! Тоже побочный эффект паранормы психокинеза?

— Скорее всего, — не стал отрицать Олег Ольгердович. — Психокинетическая паранорма даже в урезанном виде преподносит немало неприятных сюрпризов. Так, солдаты-пирокинетики неспособны к продолжению рода: все их дети и даже клоны погибают в младенчестве; целители живут слишком мало, самое большее — лет тридцать; ясновидцы сходят с ума при первом же серьезном всплеске пророческих озарений. Почему так происходит — непонятно. Даже мне. Ну, а Тим уникален. И его проблемы... уникальны тоже.

— Значит, раз Тимофей сейчас с нами, это не к добру, верно? — уточнила Раласву Алашен.

— Безусловно.

— И с кем-то из нас гарантированно произойдет несчастье... — задумчиво проговорила она. — Ну, в таком случае ваш сегодняшний визит, Олег, я расцениваю как акт агрессии по отношению к моей семье! Со всеми неприятными для Юга последствиями.

— Искренне надеюсь, что несчастье произойдет с вашим сыном, Раласву. Он споткнется на ровном месте и свернет себе шею! В лучшем духе ваших вековых традиций.

Злость барлага плеснула по всей комнате невозможной какофонией. Тим поспешно зажал уши. Не помогло.

— Адайне! — гневно воскликнула Раласву Алапшен. — Это серьезное оскорбление!

— И не голословное, увь. — Олег Ольгердович протянул флэш-куб. — Вот факты. Проверенные и перепроверенные не один раз. Я мог бы напрямую обратиться в ваш а-свериом, но все же решил сначала передать информацию именно вам, Раласву. Изучите на досуге. Если подобное повторится еще хотя бы один раз — неважно где, неважно с кем и неважно как! — инфосфера снимет пси-защиту с Севера, и выкручивайтесь дальше сами, как знаете.

— Вы нам угрожаете, Олег?

— Нет, что вы, Раласву. Ставлю перед фактом. Официально и для протокола.

Тим потянул из кармана портативный синтезатор. Пришла пора навести порядок: симфония встречи окончательно рассыпалась в какофоническом диссонансе, и терпеть это было выше человеческих сил.

— Не надо, Тим, — с раздражением сказал наставник. — Мы уходим...

— Пусть сыграет, — со вздохом сказала госпожа Алапшен. — Его игра стоит любых неприятностей...

...И пришла мелодия, грозная и величественная симфония, но в ней по-прежнему звучали разрывы, заполненные молчанием, и каждое такое молчание казнило болью. Как обойти, как закрыть эти разрывы, Тим не знал, но он старался. Как умел.

—... ошибочный, — говорила Раласву, и голос ее звучал удивительной музыкой. — Он слышит и понимает других людей, он защищает себя, если ему угрожают. Не надо искать болезнь там, где ее нет, Олег. Тимофей — *нормален*.

— Не знаю, не знаю. Очень интересно вы говорите, Раласву. Эмоционально, но... неубедительно. Я наблюдаю за Тимом практически с самого его рождения. Я знаю его лучше, чем самого себя!

— У вас есть дети, Олег?

— Нет. Но какое это имеет...

— А у меня есть сын. И я сама росла при матери. Я знаю, что это такое — материнская любовь. А вы и большая часть вашего народа — нет. Видела я ваши инкубационные залы при биоинженерных лабораториях...

Вы штампуете детей, словно это какие-нибудь заводские детали. Они растут, не зная материнской ласки. Многие вообще не знают в лицо своих родителей, только код своей генетической линии!

— Нам иначе не выжить, — сказал Олег Ольгердович. — Телепатическую паранорму невозможно получить при естественном зачатии!

— Вы слишком увлеклись биоинженерией, Олег. Вы цепляетесь за свои паранормы и не понимаете главного: сверхспособности, не согретые любовью, убивают. Вот и ваш Тимофей, что он видел в своей жизни с самого детства? А между тем в искалеченное вашими безбожными экспериментами тело пришла на редкость одаренная душа. Парень прячется в свою музыку, как в раковину, прячется от боли, с которой не в состоянии справиться. Удивительно, что вы, телепат, этого не понимаете.

— Интересно. То есть, если провести ментокоррекцию на подавление музыкального дара, аутизм исчезнет?

— Я не врач, — со вздохом отвечала Раласву. — Но, думаю, такая ментокоррекция принесет больше вреда, чем пользы. Похоже, вы ни одного моего слова не услышали, Олег. Меня это не радует...

...Тим играл. И музыка лилась из-под его пальцев, мелодия, волнами накатывающая из будущего и прошлого, симфония, зазвучавшая вдруг на все времена. Еще миг... Еще... И она вберет в себя все, и станет единой, грандиозной, как звездное небо над головой, и простой, как песок под ногами... Но разрывы все не уменьшались, и сквозь каждый из них лилась боль.

*...Яростный бой на подступах к городу... дети на школьной спортивной площадке... взорванный защитный купол... Холодный воздух с кислым привкусом радиации, кровь на прокушенных губах, плач... Гигантская черная звезда высотой с хороший дом, на лучах звезды — плазма. Кристаллическая нечисть, коренной житель планеты, недовольный наглостью пришлых чужаков. Северяне звали их **вуйсками**...*

... Пустыня, равнодушное небо, черные звезды с пламенем на лучах, острые, больно ранящие осколки — как драгоценные капли, как льдистый дождь, как иглы беспощадной боли...

...II мертвая Раласву Алашен на черном, оплавленном песке...

Музыка смолкла на долгой диссонансной ноте. Видение потускнело, ушло в память бесчувственным грузом. II наступила тишина...

Он очнулся в больнице. В знакомой белой комнате без окон. Пришел в себя и испугался.

Музыки не было. Ее просто *не было*. Ни единого звука! Всегда, когда доктора в очередной раз принимались за него всерьез, музыка оставалась с ним все равно. Пусть слабая, пусть едва слышная, но она была. Всегда. А сейчас стыла вокруг глухая тишина.

Тишина давила, отнимала силы, сводила с ума.

— А вот теперь давай поговорим, Тимофей.

Олег Ольгердович. Следовало ожидать...

— Твое сознание активно, Тимофей. Я *знаю*, что ты меня слышишь и понимаешь каждое мое слово. Впрочем, можешь не отвечать...

Олег Ольгердович прошелся по палате, нервно потер руки.

— Тимофей, ты нам нужен. Ты даже представить себе не можешь, насколько! Ты владеешь уникальной паранормой, которая может спасти всех нас. Всех. Даже северян. Ты не имеешь права сидеть в скорлупе и наслаждаться своей музыкой! Ты должен нам помочь. И ты нам поможешь.

«Они отняли у меня музыку, — в панике думал Тим. — Отняли насовсем!»

Олег Ольгердович присел на кровать, взял Тима за руку:

— Прости, парень. Тебе несладко сейчас, я знаю. Но ты привыкнешь. Привыкнешь. Мы поможем...

Тим молчал. Ведь он нашел, он уже почти нашел свою симфонию, нащупал нужные аккорды! Еще немного, и она зазвучала бы в полный голос. Зазвучала бы для всех! Если бы только *они* не помешали...

А что теперь? Тишина, и никакого шанса найти симфонию мира. Грандиозную, как звездное небо над головой, и простую, как песок под ногами. Которая примирила бы Юг и Север. Которая прозвучала бы и для вунсков тоже...

Если б только они не мешали!

...Он потерял счет времени. Может быть, прошел день с тех пор, как музыка умерла в нем, может быть — год. Он помнил все мелодии, которые когда-либо проходили через его жизнь, помнил хорошо, но не *слышал* их. Совсем. И пустота в душе росла.

...даже синтезатора не оставили!

Без музыки память смешивалась в калейдоскоп цветных пятен, в которых невозможно было разобраться. Пророческий дар Тима отличался от ясновидения целителей, способных предсказать течение болезни и выбрать наиболее оптимальное лечение. Тим видел катастрофы, несчастья, катаклизмы. Видел и — пытался предотвратить, как умел. Иногда у него получалось хорошо. Иногда одного присутствия в том месте, где должно было польхнуться бедой, бывало довольно. Но иногда ничего не удавалось сделать. Ничего...

И оставалось только сводить к минимуму последствия. Помогать спасателям. Пытаться помочь всем, кому еще можно было помочь...

Тим вовсе не приносил с собой несчастий, как ошибочно полагали люди. Он шел впереди них. Он их предвидел.

Но сейчас, без привычной музыки мира, все смешалось в неопишемом хаосе. Катастрофы, которые уже свершились. И те, что должны были произойти, но их удалось предотвратить. И те, что еще только входили в настоящее из близкого будущего и будущего отдаленного...

...Вулкан, заливающий лавой один из городов Севера. Или этому лишь предстояло свершиться?

... Мертвая Раласву Алашен... Без Раласву войны с Севером не избежать... Или она жива еще, и ее смерть можно предотвратить?!

Но война... Началась она уже или еще нет?.. Так много зависело от одного-единственного человека, от Раласву Алашен! Она жива или ее уже не стало?..

Но город в песках, построен ли уже город?.. Или его возведут еще нескоро? И те дети, что были на школьной площадке, дети, которым предстояло погибнуть, родились они или еще нет?

Тим стиснул голову, в отчаянии пытаясь навести хоть какой-то порядок в своей пророческой памяти. Без музыки ничего не получалось, совсем ничего. И тогда он начал сам напевать — без слов, все подряд, все, что только мог припомнить. Голос, севший за годы молчания, поначалу не повиновался ему. Но потом... потом...

Что-то дрогнуло в мертвой пустоте, заморозившей душу. Слабый отклик, далекий звук... и сколько же радости принес измученному тишиной сердцу этот тихий, на пределе слышимости, звук!

Ободренный успехом, Тим продолжал петь, и когда Олег Ольгердович вновь пришел навестить его, он уже знал, что делать.

...Каждый человек несет в себе свою собственную симфонию. Пойми ее, и ты поймешь человека. И если сыграешь в такт... ответной мелодией собственной души... тебе никто не сможет воспрепятствовать. Ни в чем.

Ему повезло: в коридоре никого не оказалось. Повезло вдвойне: на ресепшне сидела всего одна девушка с третьим рангом, с ней после Олега Ольгердовича справиться было нетрудно. И в ящичке стола нашелся его собственный синтезатор!

Тим по-прежнему не слышал музыку так, как должно. Но он уже знал, что ему делать.

Предотвратить гибель Раласву Алашен!

Самому умереть, но предотвратить.

И времени оставалось очень мало. Буквально до того момента, когда инфосфера получит отчет от Олега Ольгердовича. Инфосферу не проведешь. Слишком уж сложная у нее симфония. Себе дороже связываться, когда каждая секундочка на счету!

Но помимо инфосферы возникла вдруг еще одна серьезная проблема: координаты нужного купола. То есть, характеризующая мелодия звучала очень четко и ясно, но соотносить ее с географической картой оказалось неожиданно трудно. В конце концов, Тим оставил бесплодные попытки вразумить городского когитра и отправился к периметру, надеясь, что все так или иначе образуется само по себе.

Он искал северян. По договору о взаимопомощи оборона каждого купола включала несколько десятков боевых расчетов Севера. Без их супероружия города Юга давно обратились бы в пепел. А среди северян не рождались

телепаты. Без телепатической защиты инфосферы все они давным-давно уже сошли бы с ума...

«Нам не выжить друг без друга», — сказала однажды Раласву Алашен и была права, как всегда...

...Они стояли у боевого глайдера — двое парней, увешанных оружием с головы до ног. Тим смело направился прямо к ним.

— Что тебе, мальчик? — спросил один.

Молчание.

— П-шел вон отсюда!

Они не терпели посторонних возле своей техники. Могли и плазмой угостить, если кто слишком уж нарывался.

— погоди, — вмешался второй. — Это же тот самый придурок... как его там... Тимофей!

— Что ему надо?

— Ты у него спроси. Может, ответит.

Тим достал синтезатор. Да, он снова сыграет. И эти двое, чьи души звучали так же ясно и громко, как симфонический оркестр в концертном зале, отвезут его в нужный купол и о том забудут. Ни один телепат не будет знать, где Тим находится. Инфосфера не сумеет ему помешать...

...Спортивная площадка была именно такой, какой явилась ему в том видении. Он покатался на качелях, несколько раз подтянулся на брусках, прошелся на руках по лестничной горке... Обыкновенный мальчишка, каких в округе из дюжины тысяча. Но любой телепат с первого же взгляда понял бы, что это далеко не так.

Тим сел на скамеечку, подпер щеку кулаком и стал смотреть на тренажеры. Мелькнула шальная мысль снести все к едрене фене, сплавить в один ком и посмотреть, что будет. Может, лишившись места в пространстве, беда не сумеет прорваться сквозь время?

Какой-то неясный, но глубокий страх не давал ему этого сделать. Однажды, очень давно, он уже поступил именно так, и ничем хорошим это не закончилось. Он не помнил, когда, как и где это было, но хорошо помнил боль, которой все завершилось.

Боль.

...И вновь раскрылось перед внутренним взором будущее. Взорванный купол, погибающие дети. Кислый привкус радиации на сухих губах...

...Вот только плач был слишком громким, рвущийся сквозь разрушенный купол ветер — слишком холодным, боль в оцарапанной щеке — слишком сильной. Тим вскинулся, разворачивая поля психокинетической защиты, спасая детей, отсекая поток радиации из внешнего мира, губительный для всего живого. Неограниченный психокинез — это абсолютный контроль над материей. Тим пользовался своей паранормой легко и бездумно, почти без участия сознания. Он замер, полностью сосредотачиваясь на том единственно важном событии, что рвалось сквозь тонкую пленочку будущего

времени во время настоящее. Секунды томительного ожидания, растянутые на века.

Место.

Время.

Здесь.

Сейчас.

Гигантская черная звезда ворвалась на площадку, круша все на своем пути. На лучах звезды полыхал синий огонь. Но помимо огня... было что-то еще. Звуки... Музыка...

Тим вслушался, дрожа от волнения. Неужели... Да! Грозная мелодия разрушения нашла живой отклик в его сердце: она была, была частью той симфонии мира, которую он безуспешно искал так долго! Пальцы сами выдернули из кармана синтезатор.

...Они стояли друг против друга. Тим, за спиной которого плакали спасенные дети, и черная кристаллическая звезда с пылающей смертью на концах лучей.

Затем вунск дрогнул, пятясь назад, и вдруг пропал, в мгновение ока, без следа. Тим отключил синтезатор. Нашел! Наконец-то он нашел первые аккорды откровения, грандиозного, как небо! Теперь до ясной и цельной симфонии мира оставалось совсем немного.

Он отправился по следам исчезнувшего вунска. Детей вместе с учительницей, заключенных в шар полей психокинетической защиты, потащило следом. Фразы «Чертов аут, куда тебя несет» и «выпусти нас, проклятый придурок» были наименее обидными из всего, что обрушила на голову Тима напуганная наставница. Он не слышал ее. О детях он, по правде говоря, вообще позабыл. Он шел туда, где ярким солнцем сияла для него воплощенная в музыке душа этого мира...

...И лилась неповторимая симфония, грандиозная, как звездное небо над головой, и простая, как песок под ногами. Осмелевшие дети носились вокруг сияющих жемчужным светом гигантских раковин. Причудливым шлейфом вился за каждым ребенком рой крохотных черных звездочек, и музыка их сплеталась с детским смехом, рождая мелодию неповторимой радости. А в вышине зеленовато-серого, расчерченного полосами черных облаков неба парили гигантские звезды взрослых вунсков, невозмутимые, грозные, внушающие не страх, но уважение и благоговейный трепет младшего перед мудростью старших.

Тим играл, улавливая лишь ему одному понятный ритм. Он снова *слышал* музыку, пустота ушла из души навсегда. Он был счастлив.

Но где-то за гранью разлитого в мире счастья тревожным диссонансом трепетало предчувствие беды. Слишком легко все прошло. Слишком просто. Тим по опыту знал, что будет еще что-то. Еще одна попытка судьбы получить свое...

...Огонь, яростный бой, смерть... Дети... Те самые дети, которые должны были погибнуть еще во время атаки вунсков на Школьный купол. Словно жили эти

дети взаимны, словно будущее отторгало их, отказываясь признавать их жизни полноценными.

Тим пытался вмешаться, видит Бог, пытался! Предупредить, предотвратить... Но учительница мало чем могла помочь: она сидела, скорчившись, под стенкой голубой раковины и ни на что не реагировала. Пребывание в гнезде заклятых врагов легло на ее рассудок непосильным грузом. Дети? Они-то что могли понять? Их даже трогать было незачем. А сами вуйски...

Тим долго всматривался в небо в ожидании отклика. Отклика не было. Гигантские черные звезды невозмутимо парили в вышине... Они не просто не слышали надоедливового чужака. Они не хотели слушать, уверенные в своей неуязвимости! И осознавать, что на самом-то деле ничем вуйски не отличались от людей Севера и людей Юга, было невыносимо горько. Упертость, ограниченность, гордыня, чрезмерное самомнение — все это оказалось присуще им не меньше, чем людям. И пробить стену непонимания не удавалось никак.

Тим заплакал, размазывая по лицу злые слезы. Ведь вашим детям тоже грозит опасность. Почему вы не вмешиваетесь, почему?! Ответом ему было лишь пренебрежительное молчание.

С востока накатывалась волнами грозная мелодия разрушения. Тим укрепил внешний купол защиты, накрывая непроницаемым полем всю колонию вуйсков, и стал ждать. Он не знал, что именно угрожало им и почему, но сидеть сложа руки не собирался. Он собирался сражаться...

...Мгновения яростного боя, растянутые на века...

...Он очнулся резко, рывком. Словно вынырнул из неприятного сна, и на миг ему показалось, что он все-таки спит и видит сон. Огромные голубые раковины, сияющие собственным жемчужным светом... Это было? Стайки крохотных звездочек, выющихся вокруг веселых детей... Это было? Гигантские многолучевые тени взрослых вуйсков, парящих в вышине... А это тоже было? Звенящая в сердце песня, неповторимая мелодия, грандиозная, как звездное небо, и простая, как песок под ногами, она была? И есть сейчас. Ее отзвуки пронзали душу неутихающей, рвущей болью.

...Он медленно оглянулся. Прах и пепел. Ни раковин, ни вуйсков, ни детей... руку вдруг пронизало болью. Разжал пальцы, и закапала на черный песок алая кровь. На синем иззубренном осколке сжалась в испуге крохотная черная звездочка. Тим негромко напел ей, успокаивая... И увидел вдруг искореженные остовы боевых глайдеров северян.

— Нет!

Глаза отказывались видеть, ум — воспринимать. На черном песке лежала умирающая Раласву Алашен. Он бросился к ней, все еще не веря. Но напрасно было теперь все. Будущее вошло в реальность и застыло, навечно превращаясь в неизменное прошлое.

— Зачем?! — в бессильной ярости закричал Тим и вновь обретенный голос сорвался на хрип. — Почему?!

Северяне молча смотрели на него. Их было двое — всего-то двое выживших из тридцати двух, не считая Раласву Алашен; им тоже досталось, но не так крепко, как барлуме.

Внезапно воздух расступился, выпуская огромную черную звезду. Поплыла над головами живых неземная песня, грустная, печальная, полная невыразимой тоскливой боли... Тим ткнулся лицом в холодный бок вуйска и зарыдал.

На обряд прощания с погибшей Раласву его не звали. Но он все равно пришел. Его пытались убить. Нападавшие сгорели за внешним кругом психокинетической защиты прежде, чем Тим понял, что, собственно говоря, происходит. Их было четверо. Пятый не посмел подойти.

Тим молча встал рядом со своим опекуном. Олег Ольгердович кивнул ему:

— Натворил ты дел, парень. Вот уж не думал, что можно так легко одолеть перворангового! Если бы я только знал...

— Даршан пест! Чтоб ты сдох, ублюдок, — искренне пожелал Тиму Клаверэль барлаг. — Сам бы придушил...

— Попробуйте, — язвительно предложил Олег Ольгердович.

— Не дождетесь, — грубо ответил барлаг, и снова выругался.

Тим молчал. Он не хотел смерти Раласву Алашен, наоборот! Но что теперь можно изменить, тем более словами? Ничего. Вот он и молчал...

— Моя мать была мудрым человеком, — сказал барлаг. — Она вела, и мы шли за ней, не задавая вопросов. Она ошиблась всего один раз. Один-единственный раз! Когда позволила вам высадиться на Юге. Это ее и погубило.

— И вы собираетесь исправить ошибку своей матери?

— Да!

— Жаль, не успела она поставить вас на место, барлаг, — с горечью сказал Олег Ольгердович. — Вы — глупец. Вы не видите дальше собственного носа. В *этой* войне победивших не будет.

— Это еще как сказать! — презрительно бросил барлаг.

Тим молчал. Звучала в его сердце симфония мира, грандиозная, как небо, и простая, как песок под ногами. И несла она в себе не только радость, но и боль...

— Сменили мы шило на мыло, — вздохнул Олег Ольгердович. — Вуйсков — на Северное полушарие...

— За прекращение атак — большое спасибо, — ернически заметил барлаг. — Теперь, нам будет гораздо проще, ведь мы уже знаем, что трогать этих проклятых тварей нельзя. Но вы, южане, — последнее слово он произнес с глубоким отвращением, — вы — берегитесь! Пощады не будет. За смерть моей матери вы ответите.

Он был очень похож на мать внешне. Но принадлежавшая ему симфония рассыпалась неприятными диссонансами озлобленной гордыни. Тим подошел к нему. Очень близко. И посмотрел в глаза.

И странно же было видеть взгляд Раласву Алашен слепым от мутной злобной ненависти...

Да, теперь понятным становилось многое.

Та учительница имела лишь четвертую внеранговую ступень, но отчаяние придало сил и она, теряя последние остатки разума, сумела синхронизироваться с инфосферой. Сумбурные эмоции, невиданный образный ряд, дикая паника, поднятая в инфосфере этой женщиной, решили все.

Только северяне имели необходимые вооружение и опыт, чтобы безнаказанно вторгнуться в гнездо вуисков. Но почему возглавила отряд спасения сама Раласву? Почему пожилой женщине понадобилось на личном примере показывать всему Северу, что такое отвага, храбрость и долг перед союзниками? Почему ты, мститель, отпустил ее? Почему сам не отправился вместе с нею, в конце-то концов? Почему она мертва, а ты жив? Почему, почему, почему?!

Вряд ли Клаверэль Алянош что-то понял сейчас. Но спеси в его мелодии поубавилось. И сказать барлагу было нечего. Этому можно было бы порадоваться, но радости отчего-то не возникало...

— Как ты его?.. — тихо ахнул Олег Ольгердович. — Как ты сумел преодолеть барьер генератора пси-помех?!

А, так это был барьер... Ходили слухи, что ученые Севера разрабатывают технические приборы, способные защитить мозг от телепатического вторжения. Значит, слухи не врал. Приборы были созданы. Вот только делиться знаниями с конкурентами брата по разуму не спешили. Ясное дело, инфосфере с такой защитой не совладать. Ведь телепаты не умеют слушать мелодии душ, которым защита не преграда. Они вообще никого, кроме себя, не слышат...

Тим провел ладонью по голове и протянул руку наставнику. Маленькая черная звездочка, прятавшаяся до того в волосах друга, тихо, с любопытством запела, разворачивая тоненькие лучи.

— Слишком долго я с ними сражался, — тихо проговорил Олег Ольгердович. — Не могу. Прости.

И в этом «прости» было все.

Страх за безопасность городов Новой России: по договору о взаимопомощи в каждом поселении находились боевые расчеты северян, и навряд ли они уберутся восвояси добровольно, нарушая приказ а-свернома, где главным был теперь сын погибшей Раласву... Досада и злость на Клаверэля Аляноша: похвальное стремление контролировать соседей с помощью военной силы ни к чему хорошему не приведет, и он, поганец, прекрасно это понимает; именно конфликт ему и нужен, чтобы получить достойный повод расправиться с конкурентами. Искушение обезопасить свой народ, создав через Тима альянс с вуисками, недавними грозными врагами. Искреннее горе по Раласву Алашен, ушедшей навсегда. Печаль отца, теряющего сына.

И многое, многое другое, доступное лишь телепатиям, живущим интересами своей инфосферы...

...Ты мог бы стать одним из нас, малыш...

Тим повернулся и пошел прочь, отгораживаясь музыкой от спящего солнца инфосферы. Надо было, наверное, найти нужный аккорд, убедить, заставить понять, что нет нужды в войне и ненависти.

Надо было.

Он мог это сделать, ведь была с ним симфония мира. Но слушать ее надо было сердцем, не ухом, тогда только будет толк. А так...

...Что они могут понять?..

...Что может понять тот, чье сердце не желает слушать?..

— И вы так просто отпускаете его?! — поразился Клаверэль барлаг.

— Да, — мелодия опекуна звучала неподдельной грустью. — В его мыслях уже не осталось ничего человеческого.

Шагов через десять Тим все же оглянулся. Они смотрели на него. Олег Ольгердович — сочувственно, Клаверэль Аланош — с ненавистью. Непримиримые враги. Чужие.

Нет. Довольно он уже вмешивался, хватит. Пусть они ищут симфонию сами. Пусть решают за свой мир сами. Пусть живут сами.

Пусть.

Звездочка? Мелодичная переливчатая трель — и вот уже стелется до самого горизонта черная безжизненная пустыня, порыв холодного ветра бьет в лицо, сбивая дыхание, феерическими красками зеленого спектра разливается по небу закат... Компактный гиперпереход в пределах планеты. Кажется, это называлось именно так. Ни Север, ни Юг не владели подобными технологиями.

Тим сел на песок и стал смотреть на закат. Крохотная черная звездочка ползала по его ладони, то исчезая, то появляясь вновь. Плыла вокруг неземная музыка, сплетаясь со звучавшей в душе Тима мелодией в единый узор.

Да, он нашел свою симфонию, грандиозную, как звездное небо над головой, и простую, как песок под ногами, но не стала она спасением даже для него самого.

СЕРГЕЙ КУСКОВ

САМОЗВАНЕЦ

ДИЕГО

Потолок. Белый. Значит, опять лазарет.

—...Сеньор Диего, желаете завязать глаза? — спросил меня капитан Гарсия. Кажется, я ответил:

— Делайте что угодно, только побыстрее, ладно?!

Завязал он мне глаза? Не помню. Что было после залпа — тем более.

Сволочи. Неужели нельзя добить выстрелом в голову? Гарсия зачем-то постоянно таскает этот пистолетик, похожий на дамский.

Или не поднимается рука застрелить лежащего? Чистоплююи...

Мысли медленно ворочаются в голове. Леня. Так нельзя. Нельзя так лениво думать «сволочи» и «чистоплююи».

Спать...

Потолок. Белый, со знакомой сеткой трещин. Значит, опять тюремная больница. Который раз меня приносят на эту койку? Двенадцатый? Пятнадцатый? Двадцатый?

Сначала я лежал то в одной палате, то в другой; но, начиная с пятого, а может, с шестого расстрела — всегда здесь. Это даже нельзя назвать палатой — небольшая комната, я в ней один. Наверное, бывшая монастырская келья. Наверное, раньше, до тюрьмы, здесь был монастырь.

Однажды я решил, — не знаю, почему, — что доктор Гомес собирался устроить здесь свой кабинет, но потом...

Кстати, откуда доктор каждый раз знает, что меня опять не добьют?

Спать...

Потолок. Белый. И вообще, слишком светло для каземата. Ах, да, я же в лазарете! Пора бы привыкнуть.

Краем глаза замечаю какое-то движение. В поле зрения всплывает улыбающийся Гомес.

Доктор улыбается всегда, но сейчас он превзошел самого себя.

— Ну, Диего, наконец-то я могу вас поздравить!

Мне хочется кинуть в доктора чем-нибудь тяжелым, но нет ничего под рукой. И сил тоже нет.

— С чем поздравить?! — кричу я. Крик больше похож на шепот, но правый бок сразу отзывается болью. — С тем, что эти мазилы в тридцатый раз перебили мне руки-ноги вместо того, чтобы расстрелять?!

— В двадцать третий всего лишь. С руками на этот раз обошлось, кости целы. Ребра слегка задели. В общем, я вас отсюда выпущу не раньше мая, сразу на волю.

Так, значит, следующий раз будут в мае! Повеситься, что ли? На простыне. Должен же здесь быть какой-нибудь крюк!

С маем связаны мои лучшие воспоминания той поры, когда я был еще на свободе. В мае, одиннадцать лет назад, я первый раз встретил Долорес. И последняя наша встреча — тоже май, год спустя. А в октябре меня арестовали.

Судьба миловала, в мае меня не расстреливали ни разу.

Я думаю о Долорес, и последние слова Гомеса доходят до меня с опозданием.

— На волю? Что вы имеете в виду, доктор? — спрашиваю я.

— Как?! Разве вам неизвестен ваш приговор? — похоже, он удивлен.

— Доктор, вы знаете, что такое королевский суд? Ах, да, если бы вы это знали, вы бы сейчас не разговаривали со мной!

Я замолкаю, чтобы передохнуть. Врач тоже растерянно молчит, и я продолжаю:

— Вас забирают ночью, из собственной постели или из постели любовницы. Или днем, на площади, среди толпы. Или останавливают карету на дороге, как разбойники; или охотятся на вас, как на разбойника, облавой в лесу. Вас привозят в крепость и сажают в каземат. На допросах жандармский майор кричит на вас самым страшным криком, какой способен изобразить, но палача в помощь не зовет. Он что-то пишет в протоколе. Эти записи не имеют ни малейшего значения ни для него, ни для вас. Потом вас оставляют в каземате и больше не допрашивают. В это время протокол лежит на столе у короля, но его величество туда тоже не заглядывает. Единолично, без судьи, без обвинителя и защитника, он принимает решение о вашей судьбе, а вы, сидя в каземате, его не знаете. Потом однажды вечером к вам приходит священник, и тогда вам становится ясно все. Если, конечно, вы не догадались раньше.

Эта речь вытягивает у меня остатки сил, и я надолго замолкаю. Теперь говорит доктор Гомес:

— Угу, понятно. Правда, ваш случай в некотором роде особый...

«Чем особый?! Тем, что эти косорукие стрелки который раз не могут меня расстрелять?!» — кричу я ему. Мысленно, потому что нет сил даже на шепот.

—...Значит, вашего приговора вы тоже не знаете. В общем, я его читал — там написано: «девять лет расстрела».

КОРОЛЬ

Его величество Энрике Восьмой привычным движением бросил в рот пилюлю и, не глядя, протянул руку за бокалом с водой. Запив лекарство, так

же, не глядя, отдал пустой бокал и вернулся к бумагам, лежащим на столе: прошениям и донесениям, рапортам и докладам...

Вранье, сплошь вранье. Все врут: и молящие о справедливости или покровительстве, и предупреждающие об опасности, и те, кто, наоборот, пишет «во вверенной мне провинции спокойно». Никому нельзя верить.

Но больше всего доносов. Доносы и протоколы допросов, что день и ночь сочиняются в кабинетах министерства государственного спокойствия. Тоже вранье, но им король верит. Кому-то приходится верить. Иначе как принимать решения, управляя страной?

Лейб-медик все не уходил, маячил в поле зрения где-то сбоку. Король, осознав наконец причину своего раздражения, поднял голову и недовольно посмотрел на врача.

— В чем дело, доктор? Что это? — последний вопрос относился ко второй пилюле на маленькой тарелочке, которую врач держал в руке.

— На случай, если лекарство не поможет...

Его величество перебил:

— Значит, не поможет! Уберите. Спасибо, доктор, вы можете идти.

Не успел медик закрыть за собой дверь, как вместо него возник секретарь.

— Четверть часа меня ни для кого нет! — крикнул король, и секретарь исчез. Чтобы через четверть часа — король и не заметил, как пролетело время, — снова появиться в дверях:

— Ваше величество, его превосходительство министр государственного спокойствия просит аудиенции.

Лекарство и в самом деле почти не помогло, голова по-прежнему болела. Король вяло махнул рукой:

— Зовите...

Министра государственного спокойствия король не любит. Лизоблюд, карьерист, трус, ничтожество. Метит в первые министры, но никогда им не будет. Служит не за совесть (да была ли она у него когда-нибудь?), и не за деньги (правда, жалованьем не обижен, как и положено министру), а за страх. Верен лишь до тех пор, пока боится. Но, с другой стороны, пока боится — верен. Если кто-то, соблазняя деньгами, станет подбивать его к измене королю, министр с негодованием отвергнет эти поползновения. Еще и, пожалуй, прикажет арестовать этого человека.

А вот если кто-нибудь сумеет напугать его сильнее, чем король...

Короля иногда посещает мысль, что в своем кабинете, расположенном в дальнем крыле дворца, министр держит запасные панталоны — на всякий случай; мало ли что бывает на государственной службе! Король даже ясно представляет себе, где они лежат: в самом нижнем ящике бюро, запертом на ключ...

— Ваше величество, я просил бы вас дать разъяснения касательно приговора, вынесенного вашим величеством некоему Диего Арагону.

Увидев в глазах короля недоумение, смешанное с раздражением, министр поспешно добавил:

— Самозванцу.

Напоминать его величеству еще какие-либо подробности министр не решился, и не напрасно. Когда смысл вопроса дошел до короля, раздражение его только усилилось: он был уверен, что никогда больше не услышит этого имени.

— Когда это было?! Десять лет назад?

— Девять, — поправил министр.

— И что, приговор до сих пор не приведен в исполнение?!

— Наоборот, ваше величество, приведен аккуратнейшим образом! — воскликнул министр. Он принес с собой список исполнителей, собираясь (буде представится случай) просить о наградах. Однако, судя по реакции короля, случай не представлялся.

— Тогда в чем дело? — спросил король.

— Ваше величество, из текста приговора неясно, чем должно закончиться назначенное вами наказание. Извольте прочитайте этот абзац.

Министр протянул королю пожелтевший лист бумаги. Король едва не спросил: «А чем, по-твоему, кончаются смертные приговоры?» — но взгляд его уже бежал по строчкам, пока не споткнулся о три слова. Король прочитал еще раз, вслух:

— Девять лет расстрела... Это как? Его что, девять лет расстреливали?

— Да, ваше величество! Расстреляют — и в лазарет! Вылечат — и снова расстреливают! Вот только непонятно: девять лет истекают двадцать пятого сего апреля, и должен ли он после этого остаться в живых, или непременно...

Министр не договорил, потому что король разразился смехом. Его величество хохотал, ржал и стонал. Его величество икал и булькал, держась за бок: от смеха закололо под ложечкой, но он не мог остановиться. Отдельные фразы прорывались сквозь хохот:

— Девять лет! У-ха-ха-ха! Вылечат — и снова расстреливают! Ой-ой-ой, не могу!

Министр, глядя на короля, тоже не вполне естественно подхихикивал.

Король наконец остановился, отдышался и негромко произнес:

— Бедняга Орlando, о чем, интересно, он думал, когда это писал? Наверное, маялся похмельем.

Когда министр услышал о «бедняге Орlando», его веселье стало почти искренним. Орlando был секретарем короля, предшественником нынешнего. Под конец жизни он сильно пил и семь лет назад умер от белой горячки.

Министр хихикал еще с полминуты, потом, заметив, что король смотрит на него в упор, тоже остановился.

— Смешно? — строго спросил король.

— Да, ваше величество! — ответил министр, улыбаясь.

— А что смешного?

— Так ведь, ваше величество, девять лет! Расстреляют, вылечат и снова расстре...

Министр замолчал на полуслове. До него наконец дошло, что его величество давно не смеется.

— А тебя так же? — ласково спросил король.

— З-за что, в-ваше величество? — пролепетал министр.

— Воц, — бесцветным голосом сказал король. Через полсекунды он остался в одиночестве. Министр выскочил в приемную, пересек ее на ватных ногах, а затем припустил по коридору к своему кабинету, где в нижнем ящичке бюро лежали запасные панталоны.

— Было б за что... — негромко добавил король ему вслед.

Министр, убегая, забыл на столе листок бумаги. Король взял его, прочитал заголовок: «Список исполнителей приговора, вынесенного Диего Арагону, самозванцу». Дальше шли имена: капитан Гарсия, сержант, два капрала, солдаты.

Похоже, министр собирался просить о наградах для этих людей. Что ж, они заслужили. Они образцово исполнили дурацкий приговор — порождение похмелья секретаря и небрежности короля, подписавшего бумагу не глядя.

Значит, капитану — очередное звание, остальным — деньгами.

А ведь он так и не выяснил, что делать с самозванцем, подумал король. Интересно, как он выкрутится... Странно, а голова почти не болит! Может быть, правы те доктора, которые утверждают, что здоровый смех лучше любого лекарства?

ДИЕГО

Чем хороша больница — так это кормежкой. Супчик, например, хотя и жиденький, но явно на мясном бульоне. С тюремной баландой не сравнить.

Иногда я подозреваю, что доктор подкармливает меня за свой счет, но говорить с ним об этом бесполезно.

— Бросьте, Диего, я вам обязан, можно сказать, всем. Кем я был девять лет назад? — спрашивает Гомес и сам отвечает. — Начинаящий эскулап, едва выучился, ни шиша, прости, Господи, не умел! Наверное, и сюда-то меня приняли потому лишь, что арестант — такой больной, которого не жалко. Вылечу — хорошо, помрет — лучше: меньше хлопот. А теперь! Доктор медицины, куча статей в «Анналах военной хирургии», по одному только вашему случаю — около десятка. Первый в стране специалист по множественным переломам, да и в Европе не последний...

Ко мне доктор Гомес заглядывает часто. Иногда мне даже кажется, что он манкирует своими обязанностями ради разговоров со мной. А может,

на самом деле присматривается к комнате, которую займет под свой кабинет, когда я выйду из тюрьмы.

Никак не могу привыкнуть к мысли, что снова буду свободен. Пойду по улицам, затеряюсь в толпе. Кто-то толкнет меня и извинится, другой, наоборот, обругает. Я не отвечу, он пойдет дальше и забудет обо мне. Может быть, случайно я встречу Долорес.

Э, нет, так нельзя! Ни к чему это. Я для нее умер девять лет назад. Сколько ей сейчас? Двадцать семь, двадцать восемь? Она давно замужем, детей, наверное, уже трое-четверо.

— Доктор, когда вы, наконец, выпустите меня отсюда? — спрашиваю я. — Надоело сидеть в четырех стенах.

Он сразу скисает, начинает мямлить, что по утрам холодно и сыро, туманы, это может повредить...

— Но днем-то тепло, солнце! — настаиваю я. — Сколько можно держать меня здесь? Я хожу на костылях по всей больнице, почему бы мне не выйти на двор, а, доктор?

Он долго молчит, потом отвечает:

— Я не хотел бы выпускать вас на двор именно сейчас. Здесь, в этих стенах, высшая власть — моя, а там... Вы, конечно, вполне уверенно пользуетесь костылями, но вряд ли сумеете быстро добежать до крыльца, если понадобится.

— А в чем дело? — спрашиваю я с недоумением. — Чего я должен опасаться на тюремном дворе?

— В городе неспокойно, — отвечает Гомес. — Есть мнение, что его величество в свое время получил корону не вполне законным путем...

— Ну, доктор, — говорю я с усмешкой, — то, что Энрике Восьмой стал королем незаконно, знают все, об этом лишь не принято упоминать в обществе. Не вижу повода для беспокойства.

—...По городу ползут слухи о вашем скором освобождении. Я боюсь, что вас попытаются расстрелять в последний раз. Так сказать, окончательно. Причем могут просто выхватить с тюремного двора, прямо с костылями. А здесь, если я скажу, что вы лежачий, никто не посмеет возразить.

— Какие слухи?! — спрашиваю я, когда мне, наконец, удастся справиться с изумлением. — Кто что знает о моем приговоре?!

У меня внезапно появляется подозрение, и я строго спрашиваю доктора:

— Вы что, в своих статьях называли мое имя, указали приговор?

— Писать о приговоре я не имел права: государственная тайна. А называть полные имена больных у нас не принято. «Больной Д.», и все. Для науки имя пациента, извините, несущественно. Наверное, ваши сторонники догадались. Среди медиков они тоже есть.

Я смотрю на него, и у меня появляется подозрение, что одного из этих сторонников я вижу сейчас. Он не выдерживает, отводит взгляд. Потом снова оборачивается ко мне и решительно заявляет:

— В конце концов, я тоже считаю, что ваши претензии на престол более обоснованы.

— Господи, доктор, кто вам сказал эту чушь?! Какие претензии?! Ну, есть в нашем роду такая байка — о правах на престол, но я никогда не придавал ей значения! Республика кортесов! За это я воевал с Энрике. Он, кстати, тоже был республиканцем, пока не подвернулась возможность занять трон.

Гомес недовольно морщится:

— Республика кортесов — для народа чересчур сложно. Власть короля проще и понятнее.

«Энрике рассуждал так же», — думаю я, но вслух не говорю, чтобы не обидеть доктора. Вслух я говорю другое:

— Нет, доктор, хватит, политика не для меня!

— Что будете делать? — спрашивает он, стараясь не показать, что разочарован. Я пожимаю левым плечом. Правое забинтовано, им шевелить неудобно, да и больно.

— Уеду домой. У меня домик на юге, в горах. Буду там жить. Охотиться... Хотя не уверен, что смогу.

Он молчит, смотрит недоуменно. Я продолжаю:

— Мне тогда было, наверное, лет пятнадцать. Или тринадцать. Первый раз я пошел на охоту один. Взял ружье, в лесу спугнул пару фазанов. Они взлетели, я выстрелил и подбил одного. Не насмерть — лететь он не мог и убежал от меня по земле. Я шел за ним по кровавому следу и настиг в расщелине между двумя камнями. Дальше убежать было некуда, а может, он уже и не мог. Он смотрел на меня круглым глазом. Я не стал тратить заряд, протянул руку. Он попытался закричать, но получился только хриплый писк. Я спокойно свернул ему голову и отнес домой. Не уверен, что смог бы так же сейчас, зная, что это такое — ждать момента, когда для тебя кончается все.

— Что ж, будете, как император Диоклетиан, выращивать капусту, — Гомес, наверное, пытается подбодрить меня. Получается наоборот.

— Ну уж нет, — говорю я, — только не это! Никогда не хватало терпения ковыряться в земле! Придется уехать на побережье, буду ловить рыбу. Рыбы умирают молча, рыбаки даже говорят не «умирают», а «засыпают»... Но до чего быстро власть портит человека!

— Кого именно? Что вы имеете в виду? — спрашивает Гомес.

— Я имею в виду приговор. Ясно, у Энрике на меня зуб, как ни на кого другого, но чтобы придумать такое, надо обладать особо изощренным умом.

— Бросьте, вряд ли он придумал это нарочно, — говорит доктор. — Скорее всего, какая-то дурацкая ошибка. А он подписал бумагу, не читая. Не ищите злого умысла там, где для объяснения достаточно глупости или безалаберности, они более свойственны человеческой натуре... Диего, я смотрел записи. Двадцать пятого в шесть утра истекают ваши девять лет.

После этого часа вам уже ничто не будет угрожать — разве что новый приговор, но от него, вы понимаете, никто не застрахован. Осталось десять дней. Потершите, ладно?

Я снова пожимаю одним плечом:

— Куда я денусь?

МИНИСТР

— Доктор, расскажите мне как можно подробнее о состоянии заключенного Диего Арагона, находящегося в вашем госпитале.

Доктор Гомес раскрыл дверцы тяжелого дубового шкафа, достал с полки потрепанную тетрадь — историю болезни Диего, — перелистал и углубился в чтение. Он не рассчитывал найти в ней что-то новое для себя, а лишь пытался выиграть время.

Наконец он оторвался от тетради и внимательно посмотрел на министра государственного спокойствия, который ждал, изображая терпение.

— Больной Диего Арагон находится на излечении после двадцать третьего, если я не ошибаюсь, расстрела, — сказал Гомес. — Несколько пулевых ранений довольно крупного калибра, переломы. Вы понимаете... Хорошо, этих подробностей не касаемся. Пока не встает, но, я думаю...

— Не встает? — перебил доктора министр. — У меня другие сведения.

— Откуда? — строго спросил Гомес.

— Ну... скажем, из собственных источников.

— Ваши источники либо плохо информированы, либо намеренно вводят вас в заблуждение, — сказал Гомес еще строже. — Как врач, я заявляю вам: Диего Арагон пока не в состоянии встать.

— Ну, хорошо, вы врач, вам виднее, — сказал министр. — Но вы можете гарантировать, что он будет в состоянии подняться через... э-э-э... три дня? Да, не позже двадцать пятого.

— К чему такая спешка? — спросил Гомес, изображая недоумение.

— Чтобы привести в исполнение приговор.

— А он что, не приведен? Девять лет человека расстреливают, лечат и снова расстреливают. Может, хватит?

— Доктор, приговор выносите не вы, и не вам решать, как приводить его в исполнение, — сказал министр, изображая бесконечную усталость от бессмысленного спора. — Вы — всего лишь рядовой служащий правосудия. Занимайтесь своим делом.

— Так я им и занимаюсь! — сказал доктор. — Я лечу больных. Приговоры приводят в исполнение другие.

— По-моему, вы не слишком старательно их лечите, — заметил министр.

— Ваше превосходительство изволит учить меня медицине? — спросил Гомес. Министр смешался. — Я, со своей стороны, немного поучу вас законодательству. Закон, согласно которому приговоренного к смерти казнят лишь раз, очень старый и неуклонно соблюдается. За время, что я

служу при тюрьме, я не менее десятка расстрелянных поставил на ноги. Это помимо Диего Арагона. Вы же понимаете, когда людей казнят сотнями, всегда будет хотя бы маленькая доля брака. Одного расстреливали дважды...

— Ну, вот, а вы говорите! — вмешался министр.

— По двум разным приговорам, ваше превосходительство! — возразил доктор. — В третий раз его вешали, но порвалась веревка — такое уж везение этому человеку. Веревки, должен заметить, сплошь и рядом попадают гнилые: или казна на них экономит, или в интендантстве воруют. Я помню троих, которых не смогли повесить, и это только те, кого приносили ко мне с подозрением на вывих шейных позвонков. Был даже случай, когда у палача, рубившего голову, переломилось топорнице. Осужденный остался жив; сейчас он, правда, в больнице для умалишенных. А казус Диего Арагона вообще беспрецедентный.

— Все это очень интересно, доктор, — сказал министр, — но я жду ответа на заданный вопрос. Гарантируете ли вы...

— Я, как врач, могу только гарантировать, — перебил министра Гомес, — что больной Диего Арагон поднимется не раньше начала мая. Все!

— Ну, хорошо, — примирительно сказал министр, — пусть себе лежит. Но, я думаю, вам известен рецепт какого-нибудь средства, помогающего человеку легко и мирно, скажем так, отойти. Скажем, чтобы заснул и не проснулся...

— Вон, — сказал доктор без всякой интонации.

— Доктор, вам не кажется, что вы позволяете себе недопустимый тон?!

— Вон! — чуть резче сказал Гомес и демонстративно, со щелчком, открыл лежащий на столе несесер с набором хирургических инструментов. Сверкнула полированная, бритвенной остроты сталь.

Через полсекунды Гомес был в кабинете один.

Майора Гарсию министр вызвал к себе и разговаривал с ним в собственном кабинете — для пущей уверенности.

— Майор, завтра утром, не позже шести часов, вы со своей командой приведете в исполнение смертный приговор, вынесенный самозванцу Диего Арагону. Этот расстрел последний, так что стрелять будете наверняка. Халтурить не советую. Звание вам присвоено, можно сказать, авансом, как раз за исполнение этого приговора.

— Ваше превосходительство, — медленно сказал Гарсия, — я расстреливаю государственных преступников — это моя работа. Готов встретиться в бою с вооруженным противником; могу стрелять и в безоружную толпу, если это толпа бунтующей черни. Но стрелять в лежащего больного — увольте!

— Ну, стрелять по бунтующей черни вам скоро придется... Кто вам сказал, что он лежачий? — спросил министр.

— Доктор. Ребята интересуются. Мы с сеньором Диего, можно сказать, сроднились за эти годы.

— Ваш доктор врет, самозванец вполне способен и вставать, и ходить. И завтра встанет, никуда не денется. Майор, это приказ, извольте его выполнять.

ДИЕГО

Я плыву в лодке по морю.

Оставив весла, я тащу из воды сеть. Судя по весу, она не пустая, и вот я вижу попавшую в нее большую — локтя полтора или даже два длиной — рыбину. Она бьется в сети, сверкая серо-голубым, сине-зеленым и сиреневым, и брызги, поднятые ударами хвоста, тоже сверкают на солнце.

Я переваливаю сеть через борт лодки; рыба теперь бьется и подпрыгивает на дне, как будто пытаясь порвать сеть. Это ей, конечно, не удастся, но если выпутать ее из сети, она может просто выскочить за борт. А сеть мне нужна, чтобы забросить еще раз.

Надо оглушить рыбину веслом, и я принимаюсь вытаскивать его из уключины, оставив сеть. С непривычки я вожусь довольно долго, и, когда весло, наконец, выгашено, рыба уже не подпрыгивает, а лишь редко и несильно ударяет хвостом по дну лодки. Она раскрывает рот — наверное, кричит, но крик ее на воздухе не слышен. Она хватает воздух ртом, и он обжигает ее жабры. Она ждет, глядя на меня круглым глазом, похожим на птичий, а я не могу ударить ее.

С досады я бью веслом по воде. Лодка опасно качается, я бросаю весло, хватаюсь руками за борт и просыпаюсь.

Потолок. Белый, но в слабом предутреннем свете он кажется серым.

Энрике, сволочь! Мне что, теперь из-за тебя и рыбу не ловить?! В самом деле, что ли, капусту сажать?!

Надо бы поговорить с Гомесом, думаю я. Он хирург, вряд ли хорошо разбирается в нервных болезнях, зато меня понимает как никто другой.

Доктор последнее время мрачный. Город бурлит, гарнизон крепости настороже, а Гомес три дня назад вообще запретил мне вставать с постели. Даже в отхожее место пробираюсь с оглядкой. Кстати, сейчас не мешало бы. Или уж потерпеть? Девять лет истекают сегодня в шесть утра...

Снаружи доносится тяжелый удар: куранты на башне здания кортесов бьют четверть часа. Вот только которого? Четверть шестого, без четверти пять или еще раньше?

Нет, все-таки схожу.

Свесив с кровати ноги, левой напариваю шлепанец. Правая в лубках, опираться на нее я пока не могу. Костыли стоят у изголовья кровати.

Шаги в коридоре. Я замираю, прислушиваясь. Несколько человек. Остановились, слышен негромкий мужской голос. Слов не разобрать, но голос кажется мне знакомым.

Дежурная сиделка отвечает так же негромко, спокойно — значит, свои. Я поднимаюсь на костылях. В этот момент дверь распахивается, в лицо бьет яркий свет фонаря, и тот же голос громко произносит:

— Ну, что я вам говорил?!

Вот сейчас я его узнал!

— Привет, Фелипе! — говорю я, прикрывая глаза рукой. Луч фонаря уходит в сторону, и я могу убедиться, что не ошибся. — Все бережешь покой нашего друга Эрике? Еще не стал первым министром?

Не отвечая мне, министр государственного спокойствия оборачивается к одному из своих спутников:

— Видите, майор, и носилки не нужны.

Я смотрю на того, кого он назвал майором. Ба, да это же Гарсия!

— С повышением вас, господин майор! — говорю я ему. Он молчит, отводит глаза.

— Выходите на двор, — командует Фелипе. Делать нечего, выхожу. Они идут следом: министр, майор и два солдата. Третий, с носилками, куда-то исчезает по дороге, остальные уже ждут меня снаружи.

Медленно (куда торопиться?) спускаемся с крыльца. Туман. И холодно, Гомес прав. Так же медленно идем к наружной стене крепости, я останавливаюсь в шаге от нее и поворачиваюсь к ним лицом.

Стена невысока. Когда-то, сидя между расстрелами в камере с другими заключенными, я услышал тюремную легенду. Будто бы однажды узник, которого вывели расстреливать, на глазах у солдат быстро влез по стене наверх, спрыгнул на другую сторону и убежал. Солдаты будто бы стреляли по нему, но не все — некоторые ждали команды, а офицер опешил и не командовал вовремя. А те, что выстрелили, промахнулись.

Я, наверное, тоже смог бы. Но не сейчас.

— Исполняйте, майор, — говорит министр. Сам отходит за спины солдат, оттуда боком, боком, потом, повернувшись к нам спиной, рысцой скрывается в тумане. Ну да, Фелипе всегда боялся вида крови и блеска наточенной стали.

За стеной улица. Оттуда доносится какой-то невнятный шум, как будто собирается большая толпа. Вроде, рановато. Впрочем, туман искажает звуки, это может быть что угодно. Издалека доносятся два выстрела. И тоже — может быть, не издалека, а из соседнего дворика. Крепость внутри поделена кирпичными стенками на небольшие дворики; может, в соседнем сейчас тоже кого-то расстреливают. Меня раньше там и расстреливали — в больничном обычно этого не делают.

— Черт возьми! — кричит Гарсия. — Я не могу стрелять в человека на костылях!

Шагнув назад, к самой стене, я бросаю на землю костыли и, отведя назад правую руку, хватаюсь за неровности кладки. Камни мокрые, пальцы скользят — долго мне так не простоять. К счастью, долго и не понадобится.

— Стреляйте! — кричу я майору. Вместо этого Гарсия рвет шпагу из ножен. Он салютует мне шпагой, солдаты у него за спиной берут ружья «на караул».

— Ваше величество! — хриплым от волнения голосом обращается ко мне майор. — Нас здесь десять верных вам людей, но только прикажите, кланусь, через полчаса нас будет десять тысяч!

За стеной вновь слышны выстрелы, шум толпы. Да, теперь уже ясно, что это толпа. Звонкий женский голос кричит:

— На виселицу!

Я вздрагиваю. Мне кажется, я узнал голос Долорес. Или теперь, когда я постоянно думаю о ней, он будет слышаться мне повсюду?

— Что здесь происходит?! — доносится со стороны больничного крыльца. Кто-то бежит к нам в тумане. Гарсия оборачивается, держа наготове шпагу, но тут же ее опускает: это доктор Гомес.

— Кто распорядился?! — спрашивает доктор, подбегая ко мне.

— Да, кстати, где этот слизняк? — спрашивает Гарсия. Он убирает шпагу в ножны и вытаскивает из-за пояса свой пистолетик, похожий на игрушку. — О! На ловца и зверь бежит!

Со стороны, противоположной лазарету, к нам спешит человек. Сначала я вижу сквозь туман, как мелькают его белые панталоны, а потом с удивлением узнаю Фелипе. Кажется, только что на нем были серые? Или я все перепутал спросонья?

Гарсия, держа перед собой пистолет, идет навстречу министру, но тот на бегу отстраняет майора рукой.

— Ваше величество! — кричит он мне. — Ваше величество, у меня для вас радостная весть! Этот самозванец Энрике схвачен и ждет вашего скорого и справедливого суда!

Пальцы соскальзывают, и я прислоняюсь спиной к стене. Нельзя так много враз сваливать на человека, едва стоящего на одной ноге. Все смешалось: девять лет расстрела, крик Долорес «На виселицу!»; раненый фазан, глядящий на меня рыбьим глазом; рыба, ожидающая скорого и справедливого удара веслом...

Холодно. Холод, идущий от стены, пробирает насквозь. И страшно неудобно стоять на одной ноге.

Гомес, подняв с земли, подает мне костыли:

— Пойдемте, Диего, вы простынете.

Он отрывает меня от стены, и мы медленно бредем к больничному крыльцу. Перед ступеньками я останавливаюсь, говорю доктору:

— Не сюда.

И поворачиваю влево, туда, где в промежуток между крепостной стеной и лазаретом втиснута маленькая будочка известного назначения.

За стеной уже непрерывная стрельба; и не только ружейная. Где-то ударила пушка. А затем все перекрывают шесть тягучих ударов колокола. Это бьют куранты на башне кортесов.

май 2008 г.

ЛЕОНИД ШУСТЕРМАН

ДУХ ФОН НОЙМАНА

ну-ка, тащите паршивца сюда! — весело воскликнул герцог Антиохский Рено де Шатильон, увидев, как два рыцаря проталкивают в дверной проем упирающегося еврея.

Пленник — тщедушный человек со всклокоченной седеющей бородой и развевающимися пейсами — отчаянно упирался, хватаясь пальцами за дверной косяк и что-то вереща по-арамейски. Один из рыцарей, раздраженный поведением еврея, с силой дернул его за плечи, оторвал от косяка и мощным пинком отфутболил несчастного прямо к ножкам кресла, в котором восседал Рено де Шатильон. Герцог расхохотался, оценив удачный пинок, и ловко схватил распростертого у кресла человека за бороду.

— Попался, вражье отродье?! — радостно вскричал Рено, подтягивая к себе объятую ужасом еврея. — Задарма ты от меня не отвертишься! Что глазенками вращаешь?! Тысяча дьяволов! Ты же по-французски ни бельмеса, а твоего собачьего языка никто из наших не знает!

— Я понимать... французски говорить, — пролепетал человек, заикаясь и коверкая французские слова.

— Ого! Вот это удача! — возликовал герцог. — Так ты говоришь по-французски?!

— Французски чуть-чуть... немецки карашпо! — с энтузиазмом ответил еврей, пытаясь понравиться господину крестоносцев.

— Да, ну?! — удивился де Шатильон, отпуская бороду своего пленника. — Откуда же ты знаешь немецкий? — продолжил герцог на языке Фридриха Барбароссы.

— Я, ваша милость, провел молодые годы в тевтонских землях, которые мы называем страной Ашкеназ. Поэтому, когда я перебрался жить в Сирию, местные евреи дали мне прозвище Ашкенази. Я — рабби Шломиэль Ашкенази. Как может убедиться ваша милость, я хорошо помню язык господ тевтонских рыцарей!

Еврей действительно неплохо говорил по-немецки, если не считать горланного акцента и привычки растягивать слова к концу фразы.

— Ну, что ж, — удовлетворенно проговорил Рено, — это облегчает жизнь и мне, и тебе! Может быть, ты даже уйдешь отсюда живым! На вот, выпей! — приказал герцог, наливая еврею бокал вина.

Рабби Шломиэль Ашкенази заметно побледнел, и на лбу его выступили крупные капельки пота.

— Ваша милость, — пролепетал он дрожащим голосом, — не извольте гневаться, но я не могу пить ваше вино...

— Что?! — вне себя от гнева вскричал герцог. — Ты, собака, смеешь отказываться от моего угощения?!!

— Ваша милость, не извольте гневаться! Наша вера...

— Да ты еще будешь поминать при мне свою богомерзкую веру?! — зарычал де Шатильон, валя еврея на пол и обнажая меч.

— О Боже! — заверещал охваченный ужасом рабби Шломиэль. — Подумайте сами, ваша милость, как хорошо, что евреи не могут делить трапезу с христоробивыми рыцарями — ведь за столом люди могут легко подружиться, а подобает ли благородному господину рыцарю дружить с жалким евреем!

— Хммм... пожалуй, ты прав, — проговорил герцог, смягчаясь. — Экие вы, жида, хитрожопые — из любой ситуации вывернетесь. Чести в вас ни на грош, а вот ума и хитрости — хоть отбавляй!

— К этому, ваша милость, нас причует жизнь под властью господ рыцарей, — ответил рабби Шломиэль, все еще вздрагивая. — Простодушный еврей долго не протянет!

— Хммм... и это верно, — кивнул головой Рено. — А ты, видать, весьма умен, раз сумел дожить до седых волос! Но если ты такой умник, то догадайся, зачем ты мне понадобился!

— Эээ... полагаю вашей милости нужны деньги? — полуутвердительно промямлил рабби.

— Гениально! — воскликнул герцог, хлопая еврея по спине. — И что же? Ты готов ссудить мне кругленькую сумму?

— Увы, — пролепетал Шломиэль, почесывая спину, — рыцари и пехотинцы вашей милости уже четыре раза побывали у меня дома и вынесли не только деньги, не только золото и серебро, но и все, что представляло хоть какую-то ценность. Остались только мои книги, к которым господа рыцари не изволили проявить интерес. Ради Бога, ваша милость, не хватайтесь за меч, у меня действительно ничего нет!

— Знаю, знаю, — добродушно согласился де Шатильон, — мои ребята прощупали всех жидов и сарацин в округе. Похоже, и впрямь ничего не осталось. Заметь, — добавил герцог, ухмыляясь, — я не делаю различий между потомками Сары и потомками Агари!

— Справедливость вашей милости общеизвестна! — поспешил признать рабби.

— Но сегодня мне не нужны твои деньги, — продолжил герцог, — я хочу получить от тебя мудрый совет!

— Совет? Я, конечно, всей душой... но... какой же совет может столь высокий господин желать от жалкого еврея?

— Мне нужно, чтобы ты употребил всю свою жидовскую хитрость и помог найти выход из весьма сложной ситуации!

— А в чем состоит сложная ситуация, в которую угодила ваша милость? — озабоченно спросил рабби.

— Понимаешь, мои рыцари и наемники-пехотинцы — жутко храбрые воины. Они — лучшая армия в Сирии и Палестине. Ни одна сарацинская крепость не может устоять перед нашим натиском. Но вот беда: как только моим бойцам удастся сломить сопротивление противника и ворваться в осажденный город, так они сразу же прекращают сражаться и разбредаются по домам — грабить и мародерствовать.

— Что же в этом необычного, ваша милость? — недоуменно спросил Шломизель. — Ведь благородные господа рыцари для того и воюют, чтобы иметь возможность ограбить побежденных!

— Да, но ведь всему должно быть свое время! — взревел герцог, повергнув собеседника в трепет. — Сначала нужно добить неприятеля, чтобы тот не смог оправиться и контратаковать. Затем необходимо выставить часовых, чтобы оградить себя от неожиданностей. И лишь после этого можно организованно идти грабить! А так, врага никто не преследует, потому что все уже заняты мародерством и пьянством. Через несколько часов никто не вяжет лыка, поэтому невозможно выставить часовых. А самое главное: в таком бардаке никто даже не думает следить за тем, чтобы пятая часть добычи доставалась мне — их герцогу! А ведь этого требует закон и обычай!

— Да, ваша милость, теперь я понимаю всю серьезность ситуации, — промолвил рабби. — Я ничего не смыслю в руководстве армией, но я слышал, что мудрые полководцы в подобных случаях казнят каждого десятого и таким образом внедряют дисциплину.

— Я уже один раз повесил каждого десятого, но это не помогло. Никто не изменил своего поведения. Я же говорю: мои люди — бесстрашные воины, и угроза виселицы их не страшит.

— Но, может быть, стоит повторить эту процедуру несколько раз, пока не подействует? — с надеждой в голосе спросил Шломизель.

— Да ты что предлагать вздумал, вражья душа?! — зарычал герцог, наступая на дрожащего рабби. — Если я всякий раз начну вешать каждого десятого, то вскоре собственными руками уничтожу всю свою армию! Я могу произвести казнь еще один раз, не больше! И я должен быть уверен в успехе! Для этого я и обращаюсь к тебе. Твои единоверцы указали на тебя как на самого просвещенного из еврейских мудрецов во всей округе. Вот и докажи мне свою мудрость!

— Я, ваша милость, весьма сведущ в иудейских книгах и комментариях к Святому Писанию, — пролепетал Шломизель Ашкенази, дрожа всем телом, — но там нигде не обсуждаются подобные ситуации... Боюсь, что мои знания бесполезны для вашей милости...

— Ах, так?! — рявкнул герцог, хватаясь за рукоять меча. — Тогда прости с головой, морда жидовская!

— Господи, ваша милость, да что же вы через слово за меч хватаетесь?! — завопил рабби, отбегая подальше от Рено. — Мне кажется, я знаю, как вам помочь!

— Вот это — другое дело! — воскликнул де Шатильон, сменяя гнев на милость. — Говори же, не мешкай!

— Видите ли, ваша милость, — торопливо заговорил Шломиэль, — хотя наша религия, так же как и ваша, не одобряет занятия черной магией и общение с духами умерших, я все же позволил себе, исключительно в целях бескорыстного познания природы вещей, изучить некоторые заклинания и методы магов-некромантов. Несколько раз мне удавалось вызвать призраки мудрецов прошлого и провести с ними поучительнейшие беседы. Я думаю, что и вашем случае имеет смысл обратиться к духам умерших мудрецов. Уж они-то найдут решение!

— Исключено! — мрачно покачал головой герцог. — Духи преисподней навеки прокляты и общение с ними — святотатство!

— Подумайте, ваша милость, — в отчаянии воскликнул рабби, — я ведь буду призывать только призраки евреев! А еврей, как вам объяснит любой христианский священник, в любом случае прокляты навеки! Следовательно, общение с призраками евреев ничуть не греховнее, чем общение с живыми евреями! Как говорил мой покойный дядя, кусок свинины не станет более трепным, если макнуть его в сметану!

— А ведь верно! — вскричал де Шатильон. — Здорово ты все объяснил! Ну, давай, зови своих духов! Кого же ты хочешь призвать? Какого-нибудь пророка?

— Пророка? — удивленно спросил Шломиэль. — Почему же пророка, ваша милость?

— Ну как же! — всплеснул руками Рено. — Если пророки так умны, что могут предсказать будущее, то с моей проблемой они должны справиться запросто!

— Ну, что вы, ваша милость! — возразил рабби урезонивающим тоном. — Пророки вовсе не умны, они говорят лишь то, что Господь вкладывает им в уста. Господь же может вложить свои слова в уста кому угодно, даже ослице! Но не станете же вы спрашивать совета в важном деле у говорящей ослицы?

— Что же ты предлагаешь? — спросил сбитый с толку герцог.

— Я думаю, — глубокомысленно произнес Шломиэль, — что надо вызвать дух царя Шломо, которого господа рыцари изволят величать Соломоном. Он командовал внушительной армией и, наверное, сталкивался с ситуациями, подобными вашей.

— Хорошо, — согласился де Шатильон, усаживаясь в кресло, — призывай Соломона, да пошевеливайся, песья душа!

— Хочу лишь предупредить, что ваша милость должна с осторожностью отнестись ко всему, что скажут духи. Советы мертвых не всегда полезны живым!

— Ладно, хватит молоть языком! — нетерпеливо бросил герцог. — Займись-ка лучше делом, не то придется все же попотчевать тебя мечом!

Не проронив более ни слова, Шломизель торопливо нарисовал магический круг, разделил его на пять частей и надписал в каждой части какие-то непонятные арамейские слова. При этом он постоянно бубнил себе под нос монотонные заклинания.

Внезапно раздался грохот, а между полом и потолком проскочила молния. Рено вздрогнул и перекрестился. Затем сверкнула вторая молния, третья, четвертая. Вскоре молнии превратились в сплошной столб огня, вместо раскатов грома слышался какой-то жуткий вой, а герцог крестился, не переставая, и поминал имена всех известных ему святых.

Все стихло так же неожиданно, как и началось. Молнии исчезли, грохот прекратился, а в воздухе запахло, как после сильной грозы. В центре магического круга стояла полупрозрачная фигура высокого человека, облаченного в богатую мантию восточного властелина.

— Это он? — спросил герцог шепотом.

— Он, ваша милость, он самый! — с гордостью ответил Шломизель.

— Ну, тогда поживее изложи ему суть дела!

— Конечно, ваша милость, — торопливо ответил рабби, — но умоляю вас, наберитесь терпения, ведь их величество не понимают по-арамейски, а ивритом я пользуюсь редко, и поэтому говорю медленно!

— Хорошо, — буркнул Рено, — но не воображай, что я буду ждать целую вечность!

Рабби Апкенази заговорил с призраком, запинаясь и заполняя паузы жестикуляцией. Призрак что-то коротко отвечал Шломизелю. Беседа продолжалась уже минут десять, и Рено, раздраженный тем, что на него никто не обращал внимания, начал уже свирепо скрежетать зубами и теребить рукоять меча. Наконец, рабби низко поклонился духу покойного государя, а тот, помахав на прощание рукой, исчез в беззвучной вспышке яркого света.

— Ну? — рявкнул герцог, свирепо глядя на еврея.

— Видите ли, ваша милость, — залепетал рабби, — в армии их величества никогда не происходило ничего подобного, и они не знают, как вам следует поступить... Ради Бога, ваша милость, оставьте в покое меч, царь подсказал мне путь к решению вашей проблемы!

— Этот путь, сдается мне, слишком длинен и начинает надоедать! — проговорил де Шатильон не предвещающим ничего хорошего тоном.

— Не извольте гневаться, ваша милость, — проговорил еврей, сопровождая свои слова многочисленными поклонами, — их величество дали мне имя одного духа, который безусловно сможет нам помочь! Есть в этом деле, однако, одна странность: этот дух не из прошлого, он из будущего, отстоящего от нас на семь с половиной веков!

— Как же это может быть?! — удивился герцог. — Если он из будущего, то он еще не родился, а если он еще не родился, то не мог и умереть!

— Я и сам не очень понимаю, — признался Шломиэль. — Их величество сказали, что призраки существуют вне времени, и поэтому можно вызывать духов умерших когда угодно. Но, честно говоря, это объяснение кажется мне весьма странным.

— К дьяволу объяснения, — нетерпеливо бросил Рено. — Что это за дух?

— Его имя, — проговорил рабби, — Йохонан фон Нойман.

— Но это имя дворянина, а не еврея! — возмущенно вскричал де Шатильон.

— Я и сам удивился, ваша милость, — развел руками Шломиэль, — и несколько раз переспрашивал царя. Но их величество всякий раз подтверждали: этот человек — еврей. Кто знает, может быть, в будущем и евреи будут возводить в рыцарское достоинство?

— Ну, этого-то никогда не случится! — расхохотался герцог. — У вас, жидов, совершенно отсутствует доблесть, а это — первейшее качество, необходимое рыцарю!

— Не скажите, ваша милость, — возразил рабби, — разве Иеуда Маккаби, Иеошуа бин-Нун, царь Давид, богатырь Шимшон и многие другие не являли примеры достойной рыцарства доблести?

— Хмммм... мдаа, — неохотно согласился Рено, — но все они из далекого прошлого!

— Но согласитесь же, ваша милость, — торжествуя воскликнул Шломиэль, — то, что существовало в прошлом, может опять возникнуть в будущем!

— Хватит болтать! — зарычал герцог, свирепо глядя на еврея. — Принимайся за работу, бездельник!

Рабби приступил к знакомой процедуре. Все произошло, как прежде, разве что попривыкший уже к процессу вызова духов Рено вздрагивал и крестился пореже. Наконец, грохот прекратился, молнии исчезли, а в центре магического круга появилось невысокого роста привидение в странной одежде.

— *What the fuck?!!* — воскликнул призрак, озираясь по сторонам.

— Это тот, кто нам нужен? — недоверчиво спросил де Шатильон.

— Видимо, да, ваша милость, хотя выглядит он очень странно, — неуверенно ответил Шломиэль.

— Что вам угодно? Зачем вы меня призвали? — обратился к ним призрак по-немецки.

— Вы ли, сударь, тот, кого величают Йохонан фон Нойман? — осторожно начал разговор рабби.

— Йохонан? Хмммм... ну, допустим, — ответило привидение, — а вы-то кто такие?

— Я — рабби Шломиэль Ашкенази, а этот благородный рыцарь — герцог Антиохский, властелин здешних мест. Мы вас призвали, чтобы вы помогли нам разрешить очень сложную проблему...

— А вы — еврей или дворянин? — вклинился в беседу Рено.

— Я-то? — удивился вопросу дух. — Я родился в еврейской семье в Австрийской империи. Император пожаловал наследственное дворянство моему отцу.

— Ну, что я говорил! — возликовал Шломизель.

— Хммм, — промычал Рено, — значит, вы рыцарь! И каким же оружием вы, господин рыцарь, изволили лучше всего владеть при жизни?

— Оружием? — переспросил призрак. — Видимо, следует сказать, что из всех видов оружия лучше всего я овладел водородной бомбой.

— Дородной бомбой???

— Водородной... Это, видите ли, такое оружие, которое поражает на расстоянии ураганом огня.

— Аааа, — понимающе протянул герцог, — что-то вроде греческого огня! Ну, это — игрушка, не достойная настоящего рыцаря! Она может здорово напугать неопытных воинов, но настоящих бойцов такая штука не остановит! Судьбу битвы решают добрые мечи — ныне, присно и во веки веков!

— Вы так полагаете, коллега? — усмехнулось привидение. — Впрочем, для человечества было бы лучше, если бы оно продолжало разделять ваши убеждения. Но... господа, в чем состоит проблема, которая вас так волнует?

Герцог изложил духу суть дела. Выслушав Рено, призрак дважды прошелся по периметру магического круга, скрестив руки на груди. Было очевидно, что задача его весьма заинтересовала.

— А скажите, коллега, — обратилось привидение к Рено, — ваши бойцы действительно не знают страха смерти? Они не отступят, даже если гибель неизбежна?

— С какой стати?! — ответил де Шатильон. — Какой смысл лезть на рожон, навстречу неминуемой гибели?!

— Прекрасно! — заявил призрак. — А какова вероятность погибнуть во время штурма города?

— Что???

— Ну... какая часть отряда может погибнуть при штурме? — поправился дух.

— Это зависит от того, насколько успешной являлась атака, — ответил герцог. — Бывает, гибнет каждый двадцатый. А бывает — каждый седьмой или даже каждый пятый.

— Вот именно! — радостно вскричало привидение. — То есть добавочная десятипроцентная вероятность смерти на виселице не достаточно радикально изменила общее математическое ожидание гибели! Поэтому воины не видят причины модифицировать свое поведение!

— Разрази меня гром, если я хоть что-нибудь понимаю! — взревел де Шатильон. — Что вы такое бормочете, господин рыцарь?

— Вы, рабби-рыцарь, употребляете такие мудреные словечки, что нам, неучам, трудно следить за вашей мыслью, — вставил реплику Шломизель.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся от них призрак, — я просто рассуждаю вслух. Потом я вам все объясню.

После этого дух продолжил ходить по периметру магического круга, бормоча себе под нос какие-то непонятные слова. До слуха рабби и герцога долетали «равновесие нэша», «парето-оптимальность» и другие столь же странные и пугающие фразы.

— Совершенно ясно, что необходимо исключить случайную составляющую из схемы поощрений и наказаний, — наконец глубокомысленно изрек призрак. — Скажите, коллега, — произнес дух, обращаясь к Рено, — а как выбирались кандидаты на виселицу в тот раз, когда вы решились на показательную казнь?

— Сначала я разбил весь отряд на группы по десять человек, — начал объяснять герцог. — Затем каждый десяток тянул жребий — деревянные палочки, на которые краской были нанесены точки, от одной до десяти. На виселицу отправлялся тот, кто вытянул наименьшее количество точек и был замешан в нарушении дисциплины. Таким образом, те немногие, которые воздержались от самовольного мародерства, не попали на виселицу.

— Его милость славится великодушием и справедливостью! — поспешил проговорить Шломизель.

— Это весьма заметно! — охотно согласился призрак и продолжил, обращаясь к де Шатильону. — Вы придумали отличный алгоритм, коллега! Ничего не нужно менять в процедуре! Проведите точно такую же жеребьевку, *но не после штурма, а перед ним!*

— Перед штурмом?! — изумился Рено. — Но ведь перед штурмом еще не известно, кто будет преступником!!!

— Вот и замечательно! — радостно ответил дух. — Вы, коллега, объявите, что после штурма в каждом десятке повешен будет обладатель наименьшего количества точек, замеченный в мародерстве!

— Ммммм... не понимаю! — признался герцог.

— Да что тут понимать, коллега! — всплеснул руками призрак. — Представьте себе, что у меня одна точка, а у вас — две. Если нас обоих заметят в мародерстве, то повесят безусловно меня — ведь у меня наименьшее количество точек. То есть, с моей точки зрения, мародерствовать — значит, идти на верную смерть. Следовательно, я мародерствовать ни за что не стану! А вы? Ведь если я воздержусь от нарушения дисциплины, а вы нет, то вас неминуемо повесят! Но вы ведь уже знаете, что я мародерствовать не буду. Значит, и вам нельзя это делать!

— Ааааа! — проговорил Рено, начиная что-то понимать.

— Вот именно! Точно так же будут рассуждать обладатели трех, четырех, пяти точек! И так до десяти! Никто не посмеет нарушить дисциплину, уверяю вас!

— Как удивительно! — пробормотал рабби. — Ведь ничего, казалось бы, не изменилось...

— Изменилось, коллега Шломиэль, еще как изменилось, — заявил дух назидательным тоном. — Раньше был только шанс погибнуть, теперь же гибель становится неизбежной при определенных условиях! И эти условия обязательно возникнут, ибо все рассуждают одинаково!

— Но будут ли господа рыцари вообще рассуждать? Это, знаете ли, не очень рыцарское занятие, — покачал головой рабби.

— А вы им помогите! Намекните паре-тройке из них, что может произойти, а уж потом слух распространится сам, будьте покойны!

— Гениально! — выдохнул пораженный герцог и хлопнул себя в лоб ладонью в железной перчатке.

— Вы не ушиблись, коллега герцог? — озабоченно спросил призрак. — Нет? Какой замечательно крепкий у вас, однако, лоб! Ну, что ж, господа, требование ваше я исполнил, удерживать меня вы больше не можете. Засим, честь имею... Да, коллега Шломиэль, не считите за службу сообщить мне попозже, как прошел эксперимент. Можете не торопиться: у нас, в Безвременьи, нет разницы между годами и секундами.

— Обязательно сообщу, рабби-рыцарь, не извольте беспокоиться! — с энтузиазмом ответил Шломиэль Ашкенази, прижимая руки к сердцу.

Привидение кивнуло и исчезло в яркой бесшумной вспышке.

— Ну, теперь ваша милость довольна? — с надеждой в голосе спросил рабби, обращаясь к Рено.

— Довольна, довольна! — подтвердил, смеясь, герцог Антиохский. — Ты не только не лишишься головы, Шломиэль, но я возьму тебя к себе адъютантом! Будешь моим советником по каверзным вопросам, а заодно присмотришь за казной! Только не вздумай мне воровать, вражья кровь!

— Моя благодарность и восхищение столь велики, ваша милость, — пробормотал рабби упавшим голосом, — что я даже не могу выразить их словами...

Прошло не менее двух лет, прежде чем Шломиэль Ашкенази нашел возможность снова вызвать дух фон Ноймана.

— А, коллега Шломиэль! — радостно воскликнул призрак, очутившись в магическом круге. — Чертовски рад вас видеть! Ну, как прошел наш эксперимент?

— Все было точь-в-точь, как вы предсказали, рабби-рыцарь! Ни один воин не посмел мародерствовать, и все совершенно трезвые явились на строевой смотр после штурма! Но потом, правда, произошли неподвижные и печальные для его милости события.

— Вот как? Что же произошло?

— Видите ли, когда все собрались организованно делить добычу, как того и добивался светлейший герцог, выяснилось одно неожиданное обстоятельство. Дело в том, что воины его милости — страшные пьянчути, а сам

герцог был довольно равнодушен к алкоголю, но очень падок до женского пола. После каждого штурма он тащил к себе в опочивальню целые толпы пленных красавиц и, как рассказывают рыцари его личной стражи, не давал всю ночь отдохнуть ни одной из них. Мдааа... Такой замечательный он был человек. Но тут выяснилось, что в трезвом виде господа рыцари тоже охочи до пленных девушек. Короче, войска возмутились, когда герцог, как всегда, изволил заграбастать всех женщин. Его милость, разумеется, уступать не пожелали, возникла ссора, в которой господа рыцари изрубили герцога в капусту.

— Хмммм... как печально, — произнес призрак. — Надо будет навестить его в Безвременьи... Но знаете, коллега Шломиэль, это событие несколько не влияет на правильность нашего решения. Просто коллега герцог должен был изменить и свое поведение в соответствии с новой ситуацией, а он этого не сделал. За что и поплатился.

— Да, трагическая безвременная кончина! — сказал рабби Ашкенази почему-то веселым голосом. — Господа рыцари потом придумали легенду, что их вождь погиб, сражаясь с огромной армией агарян, от руки самого султана Цалах ад-Дина! Так теперь все и думают. Лишь немногие знают правду.

— А как сложилась, коллега, ваша дальнейшая судьба? — участливо спросило привидение.

— О, я еще два года служил у господ рыцарей советником и казначеем, — с энтузиазмом ответил Шломиэль, — побывал в разных местах... Видел множество сражений... Знаете, однажды я стал свидетелем того, как византийские воины сожгли греческим огнем целый отряд агарян. Можно ли представить себе оружие более ужасное? Но и оно не помогло. Султан Цалах ад-Дин недавно прогнал всех господ рыцарей обратно в Европу. Погрузились они на корабли и уплыли. Мдаа... Какие тяжелые, трудные для жизни времена... А как насчет вас, рабби-рыцарь? Счастлива ли была ваша жизнь? Легка ли была ваша смерть?

— Не могу сказать, коллега, что я прожил счастливую жизнь, — задумчиво промолвил призрак. — Но моя судьба оказалась весьма и весьма интересной. Я прошел через большую и страшную войну, бежал из своей страны и обрел убежище в другой, много работал для победы. Я вообще очень много работал и очень многого достиг. А умер от рака, которым заболел, пропитавшись радиацией на испытаниях водородных бомб. Эх, коллега Шломиэль, знали бы вы только, какие еще времена придется людям пережить!..

АЛЕКСАНДР МАТЮХИН

Я — СНОВИДЕНИЕ

Сначала я подумал, что оказался в Раю, но мне очень хотелось верить, что это не так. И Рай рассыпался. Вместо него возникла пустота и абсолютная, железобетонная уверенность, что будущего больше не будет. Только прошлое и немножечко настоящего.

Передо мной выросла стена из красного кирпича. А на ее поверхности кто-то (может быть, Бог) описывал сверху вниз и слева направо мелким шрифтом мою жизнь. Строчка-мгновение. Абзац — год. Восклицательный знак — вечность. Меня самого как бы нет. Но вот он я — в бессознательном. В состоянии, похожем на сон. И эта бредовая мысль заслуживает уважения во сне. Так же как заслуживает уважения стена из красного кирпича.

А что внизу? Пустота. И наверху ничего нет. А позади человек в очках, похожий на карандашный рисунок в полный рост. Может быть, мое воображение нарисовало его только что, а может быть...

На стене написано: «Двадцать четвертое сентября тысяча девятьсот девяносто шестого». В тот день мы с Настей купили книгу по рисованию. Она научилась рисовать карандашом, а я забросил альбом и принялся учиться играть на гитаре. Нам было по двадцать четыре. Хотя нет. Мне было двадцать четыре, а ей всегда восемнадцать.

— Дело в том, что вашей сестре нужны деньги, — сказал человек в очках. Я не слышал его голоса. Я его вообразил в своем непонятном сне. — Вы помните, как вас зовут?

Я не мог ответить. У меня не было рта, последние слова застряли в горле миллион лет назад. И у меня не было головы, чтобы хотя бы кивнуть.

— Ваше имя Виталий. А меня зовут Максим, — сказал нарисованный человек. — Две недели назад вы с женой отправились кататься на велосипедах и попали в аварию. Пока вы лежали в коме, мы связались с вашей сестрой и предложили ей отдать ваш... разум. Чтобы провести эксперимент.

На стене написано: «Шестое июня тысяча девятьсот девяносто восьмого». Странная дата для свадьбы. Да и сама свадьба... Настя была одета в белые джинсы и кроссовки, а еще в майку с надписью «Love rock». Я натянул старенькие штаны (любимые), шлепки и белую рубашку с идиотским рисунком на спине. Кольца мы купили в ювелирном магазине в ста метрах от ЗАГСа.

Я мысленно стер нарисованного человека в очках и попробовал нарисовать Настю. Вместо этого я увидел уголок комнаты, половину зеркала и край дивана. На полу лежала футболка, небрежно брошенная перед тем, как я выкатил первый велосипед на лестничную площадку.

— Не пытайтесь уйти от реальности, — сказал человек в очках, возникнув совсем близко. Я увидел жирные, неровные линии, очерчивающие его подбородок и острый нос. — Вы все еще живы. Ваше тело — нет. Но ваше сознание — в полном порядке. Мы взяли на себя смелость изъять ваш разум и заняться его изучением... Тут все не так просто, вы же понимаете. Сохранить разум без физического тела практически невозможно. Мы работаем на пределе. Войдите в наше положение. Всем первооткрывателям было не так-то просто....

Я снова стер его, а заодно и край комнаты. Мне вдруг стало очень неудобно. Ощущение, будто жжет где-то за глазами. Но сейчас и глаз-то нет!

Я мысленно изобразил гитару. А дальше как-то само собой вышло: поместил себя в непонятную, невидимую, но комфортную оболочку, дотронулся до гитарных струн и подумал, что услышал мелодию. Это помогло мне успокоиться.

— Ну зачем вы убегаете! — нарисовался человек в очках. — Все же лучше, чем просто так умереть. Давайте сотрудничать.

На стене написано: «Двенадцатое марта двухтысячного». Чудесный выдался денек. Мы с Настей купили бутылку красного вина, сыр и плед. Потом вырвались за город, отыскивали большой изумрудный холм и забрались на самую его верхушку. Мы пили вино, смотрели на голубое небо и думали о будущем.

— Нет у вас больше будущего! — сказал человек в очках. — Поймите же. Вы теперь просто... ну, комок сознания. Гольый разум. Вы существуете в нашей лаборатории. Вас даже никто увидеть не может, кроме меня. А мне приходится глотать кучу таблеток, чтобы погрузиться в транс. Я очень надеюсь, что Толик с Веней правильно рассчитали дозу, а то я ведь могу и не проснуться.

И как ему верить? Я мысленно нарисовал стул (точно такой же стоял на кухне у моей тещи) и поставил его возле человека в очках. Тот поблагодарил и сел.

— Виталик, так уже лучше. Давай начистоту, ладно? Мы ученые, но мы не собираемся делать из тебя лабораторную крысу. Большая часть работы уже проделана. Теория готова на девяносто девять процентов. Мы, в принципе, достаточно точно рассчитали твои действия на два года вперед. Нам просто нужно предельно ясно провести эксперимент. Ты же меня понимаешь?

Я мысленно отправил человека в очках в свою комнату. Усадил его на диван и положил на колени раскрытый альбом для рисования. Это был Настин альбом. Затем я написал на чистом листе, что, да, я все прекрасно понимаю, но, черт возьми, что происходит?

И человек в очках ответил.

— Твоя судьба больше не в твоих руках, Виталик. Твое будущее закончилось. Твоя жизнь зависит только от нас. Мы можем отключить все приборы прямо сейчас, и ты отправишься в Рай или в Ад, или куда-то там еще. Но я бы посоветовал тебе остаться.

И я спросил: зачем?

А он ответил, что все люди мира будут мне благодарны, если я позволю провести эксперимент.

Все, что было в моих силах, это стереть комнату и человека в очках и, оставшись в пустоте, впериться взглядом в стену.

А на стене было написано: «Шестое апреля две тысячи первого». Мы купили новый диван. Я и двое моих друзей тащили его по лестничным пролетам на пятый этаж. А на третьем этаже диван накренился и рухнул мне на ногу, сломав два пальца. Я мчался в больницу на такси, а Настя сидела рядом, стирала капли пота с моего лица и тихо шептала на ухо о том, как сильно она меня любит.

В пустоте не существовало времени. Невидимая рука Бога все писала и писала ровным почерком даты моей жизни, а когда дошла до самого низа стены, начала стирать в пыль старые воспоминания, а то и вовсе писать поверх них. Я пытался удержать самые яркие моменты, и мне ничего не оставалось, как сматывать белую нить почерка в клубок. Но кое-что все равно развеялось и исчезло навсегда.

А хотел ли я уйти следом?

Человек в очках появился дважды, но я решительно стер его, не дав вымолвить ни слова. Мне пока еще было комфортно в невидимой оболочке, хотя я начинал испытывать тоску. Это чувствовалось примерно так же, как зуд в том месте, куда нельзя добраться, чтобы почесать.

Прошла вечность, прежде чем Максим появился снова, а я постарался его выслушать.

— Ты уникальный! — сказал Максим, присаживаясь на нарисованный стул. — Как же не понимаешь! Мы затратили столько времени и сил, чтобы извлечь разум из телесной оболочки и поместить его сюда, что уже просто не можем отступить. Если ты сотрешь меня снова, придет другой человек, а потом еще один и еще. Разве ты хочешь умереть?

Я положил ему на колени лист бумаги, на котором написал: «Нет».

А затем дописал: «Что вы хотите?»

И Максим рассказал мне суть эксперимента.

Я слушал его, а сам сматывал воспоминания в клубок, стараясь успеть сделать это прежде, чем невидимая рука Бога сотрет их в пыль.

На стене было написано: «Первое апреля две тысячи четвертого». Настя меня разыграла: наняла рабочих, которые при моем появлении, начали вытаскивать из квартиры мебель. Настя чуть ли не в слезах сообщила, что нам подняли квартплату до каких-то заоблачных высот и поэтому

придется срочно выезжать к Настинной маме, за город. Впечатлений было море. Здорово мы тогда посмеялись!

—...И по нашим расчетам выходит, что твой разум может заглядывать в разум других людей. — Говорил человек в очках. — Понимаешь, это вроде телепатии, только немного в другом ключе. Во сне люди обмениваются информацией между собой, передают эмоции, воспоминания, навыки и идеи. Человеческий сон — это что-то вроде закрытой трансляции. Глобальная Информация, как мы ее называем, активно перерабатывает все события, происходящие в определенном отрезке времени, и распределяет основную их часть между разумами спящих людей. С пробуждением связь обрывается.

Я написал на листе: «А причем здесь я?»

Максим ответил:

— Твой разум освободился от телесной оболочки. После смерти разум стремится к распылению, он оседает в море Глобальной Информации и растаскивается по песчинкам сотнями тысяч спящих сознаний. А нам удалось удержать тебя от распыления, связать с миром живых, но и с глобальной Информацией тоже. Ты будто все время спишь. Но в тоже время, ты находишься в сознании, ты реален. Ну, а контакт с Глобальной Информацией позволит тебе запросто заглянуть в разум других спящих людей и не исчезнуть при этом навсегда.

Я написал: «То есть, я теперь чье-то воспоминание?»

— Нет. Скорее, ты теперь чей-то сон.

Я убрал лист с ног Максима и отвернулся к стене, сматывая в клубок белую нить собственных воспоминаний. Мне надо было подумать.

На стене написано: «Девятое ноября две тысячи четвертого». На улице стоял крепкий мороз, от которого звенели замерзшие ветки и замерзали губы. А мы с Настей стояли в темном подъезде и целовались. Просто так, получая удовольствие.

Я написал прямо в воздухе, цветом угля: «Что же я должен делать?»

И Максим рассказал.

После того, как мне все стало ясно, Максим исчез. Я не выпускал клубок из рук и зашел за кирпичную стену. Мне казалось, что мир вокруг остался точно таким же — нереальным, сотканным из пустоты и вечности, но я угодил в чей-то сон.

Глобальная Информация, как говорил человек в очках. Я теперь что-то вроде сигнала, запущенного в свободный полет и отталкивающегося от одного приемника к другому. А приемники — спящие люди.

Во сне я увидел поле золотого цвета и голубое небо, с рябью легких белых облаков на горизонте. В траве лежали две пожилые женщины в соломенных шляпках, и, громко смеясь, пытались придумать название каждому пролетающему мимо солнечному зайчику. Увидев меня, одна из женщин прикрыла глаза рукой и воскликнула:

— Боже! Какой красавчик!

Вторая сказала:

— Невероятно! Я даже во сне ухаживаю за красивыми парнями!

Я улыбнулся в ответ, перешагнул через поле и оказался в другом сне — тесном, душном, темном, наполненном пылью и старыми книгами. Кто-то кричал из темноты: «Откройте мне форточку!» и, кажется, пахло апельсинами.

Следующий сон оказался черно-белой фотографией, на которой маленькая девочка с грустным взглядом держала подмышкой плюшевого мишку. Я побежал вперед, но фотография не отпускала. И я почувствовал, как мир вокруг тоже становится черно-белым. Нить воспоминаний натянулась. Клубок едва не выпал из рук. Я обернулся и увидел кирпичную стену.

На стене написано: «Семнадцатое июня две тысячи пятого». Мы с Настей почти год копили пятирублевые монетки и складывали их в копилку. Когда места в копилке не осталось, мы расколотили ее молотком и почти час сидели на полу, складывая из монеток башенки, ведя подсчеты и записывая их в тетрадь. Накопленных денег хватило на велосипед. Продавцы в магазине смотрели на нас, как на чокнутых. А мы смеялись...

После путешествия по чужим сновидениям я больше не испытывал комфорта в своей оболочке. Зуд становился невыносимым. Мне все время казалось, что я хочу заплакать. Я сидел у стены, сматывал воспоминания в клубок и размышлял о вечности. Мимо меня проходили незнакомые люди, проплывали облака, пронеслись автомобили и случались невероятные события. Чужие сны, найдя со мной связь, пытались выйти на контакт, но я не обращал на них внимания. Я хотел сказать, чтобы они пошли к черту, но не мог.

А потом снова появился человек в очках. Как-то он был небрежно нарисован.

— Мы успели отфильтровать несколько сновидений, — радостно сообщил он. — Сейчас идет дешифровка. Ты молодец, Виталий! Если будешь продолжать в том же духе, мы постараемся сделать твое пребывание здесь, эээ, более комфортным.

Я не отозвался. Максим произнес еще несколько слов и исчез. А я сидел целую вечность, потом вновь побрел по чужим снам.

Не знаю, сколько прошло времени. Максим появлялся несколько раз. Сначала он просто разговаривал, потом очень ловко попытался направить меня в нужное русло и дать несколько ценных указаний. Я сразу сообразил, что его цель — найти сновидения определенного человека. К тому времени зуд разрывал меня на части, и было все равно, что делать, лишь бы не сидеть на месте. Я отправился на поиски нужного человека, перепрыгивая через сновидения, проходя сквозь людей и предметы. На время мне было наплевать, и, в конце концов, я нашел то, что искал.

Я застыл невидимой тенью в углу комнаты, наблюдая за обнаженными телами, которые совокуплялись на огромной кровати, под сладкую французскую мелодию. Мне казалось, что воздух вязок от удушливого аромата духов и пота. Но я стоял безучастно и вертел в руках клубок воспоминаний. Нить белого почерка дрожала, будто живая, а апатия медленно, но верно подтачивала мою неуютную оболочку.

За спиной шумно сопел невидимый Максим. Там, в мире живых, какие-то приборы фиксировали сновидения, дешифровали, вносили ясность, проникали сквозь мой разум в разум другого человека, выдирали куски из Глобальной Информации и сохраняли их на жестких дисках, на флеш-картах, на иных носителях. А неизвестные ученые строчили диссертации, защищали работы, ставили галочки в рабочих журналах, бросали заметки в блокнотах, готовились к лекциям, продвигались по карьерной лестнице вверх... И это все из-за моих наблюдений за фантазиями старых любовников, что раскинулись передо мной в тошнотворной красоте сновидения.

Потом я вернулся к стене и стер оболочку, не оставив от нее даже воспоминаний. Освободившийся, я испытал неловкость и дискомфорт, будто очутился голышом на мостовой. Но зуд потихоньку исчезал. Тогда я размотал клубок воспоминаний и сотворил из него белый непрозрачный кокон, куда и забрался. Кокон вращался сам собой, наматывая воспоминания дальше, делаясь плотнее. А невидимая рука Бога продолжала писать и писать.

Когда я покончил с работой, нарисовался Максим — грубые росчерки дрожащего карандаша.

— Я поражен! — сказал он и растворился.

На стене написано: «Двенадцатое июля две тысячи шестого». Мы с Настей отправились на велосипедах через весь город, прихватили с собой фотоаппарат, плед и термос с чаем. По дороге нас застал дождь, но мы не прекратили путешествия, заезжали, куда приглянется, и фотографировались. Потом пили чай и подставляли теплым каплям дождя счастливые лица.

Вот так я стал работать на Максима. Время для меня растянулось на вечность. Будущее осталось в прошлом. Максим приносил заказы, я отправлялся в путешествие по чужим снам, проникал в Глобальную Информацию и добывал все, что было необходимо. Иногда меня это забавляло, иногда — нет. Я читал надписи на стене, а кокон становился все плотнее. Я любил забираться в него и тихо дремать, не различая разницы между бодрствованием и сном. Пустота вокруг наслаивалась на тишину. Кажется, я стал забывать, что такое физическое тело. Я всегда был разумом — еще одним сновидением в океане информации.

А потом надписи на стене закончились. Или невидимая рука Бога занялась другими делами, или мои воспоминания подошли к концу. Я смотрел на стену и бессильно размышлял ни о чем. Последние белые строки соскользнули с кирпичной поверхности и впились в мой кокон. Стена осталась девственно чистой.

Я не мог поверить в то, что вижу. Я пронесся по пустоте, огибая стену, взмыл вверх, но не увидел ни единой надписи вне своего кокона. Где-то в уголке сознания снова зародился зуд. Я запаниковал. Я кинулся бежать и угодил в чей-то сон, полный фруктовых деревьев и веселого детского смеха. Я побежал дальше, в потные сны подростка, и еще дальше — в узкие коридоры заброшенного университета, где пожилой профессор когда-то давно преподавал физику. Я мчался по снам, я вспарывал Глобальную Информацию своим разумом, я мелькал черной тенью в сознании других людей, которые крепко спали или сладко дремали, а быть может, пребывали в иных состояниях. Я бежал и бежал, не зная усталости, не чувствуя времени, не ощущая пространства. Только чудовищный зуд терзал разум, рвал на части внутреннюю вселенную.

Внезапно я остановился, увидев вокруг себя знакомую обстановку. В небольшой комнатке было темновато. Свет лился от настольной лампы на тумбочке. А на кровати, поджав ноги, сидела... Настя. Она распустила волосы и... постарела. На ее коленях лежал лист бумаги, на котором Настя размашистыми линиями рисовала чей-то портрет... Я осторожно подошел ближе. Я отчаянно хотел стать видимым. Но Настя продолжала рисовать. Это был ее сон, и она не могла увидеть в нем меня. Но почему?

Я отвернулся и обнаружил гладкую кирпичную стену без единого слова. Около стены возник Максим. Он тоже постарел. Морщинки бежали по его лицу, в волосах белели пятнышки седины.

Я написал на стене: «Моя жена не умерла?»

Максим ответил:

— Она лежала в коме почти четыре года. Потом выкарабкалась. К сожалению, у нее частичная амнезия. Врачи полагают, что ей никогда не удастся вспомнить большую часть своей жизни.

Я написал: «А она помнит меня?»

— Очень смутно, — ответил Максим. — Только неясные образы и ничего больше. Прошло почти тридцать лет с момента аварии.

Я написал: «Но почему вы мне сразу не сказали?»

— Странный ты, — ответил Максим. — Зачем тебе знать? Чтобы все время своего существования сидеть в ее голове? Мы не для этого оставляли твой разум.

Я написал: «Вы должны были мне рассказать».

— Вовсе нет. Не должны, — ответил Максим, и я стер его малейшим усилием воли.

Он нарисовался вновь.

— И не надо психовать! Пойми, что твое существование зависит от нас. Одно движение — и ты умрешь навсегда.

Я снова стер его, а потом еще раз, когда Максим возник возле стены.

— Помни об этом! — успел шепнуть Максим.

И я запомнил.

Прошло еще какое-то время, прежде чем я решил, что делать дальше.

На стене больше не появлялось слов. Я подошел к ней и стал вынимать кирпичи. Стена задрожала. Я складывал кирпичи в аккуратную стопку, не обращая внимания на Максима, который стоял за спиной и бубнил что-то о работе, о чувстве долга и об эксперименте. В конце концов, я вынул еще один кирпич, и стена рассыпалась, подняв в пустоте облако пыли. Сквозь облако я разглядел Настино сновидение.

Настя сидела на кровати, расчесывая поседевшие волосы. Она была так же красива, как и много лет назад. Я ощутил зуд от понимания того, что у меня с Настей никогда не будет будущего.

— Я не знаю, что ты там видишь, но если все не прекратится через час, мы будем вынуждены тебя отключить! — предупредил Максим из-за спины.

Я стер его из своего разума, не оглядываясь.

Потом я взял белоснежный кокон воспоминаний. Мелкие буквы невиданного почерка дрожали от возбуждения. Я зашел в комнату и, оставаясь невидимым для Насти, положил кокон у изголовья ее кровати.

Кокон Настя заметила. Глаза ее округлились. Она отложила расческу и осторожно дотронулась до дрожащих букв. И тогда я дернул за ниточку. Кокон начал распускаться. Буквы начали складываться в слова, слова в предложения, предложения в абзацы, а все вместе — в воспоминания о нашей с Настей совместной жизни. Настя удивленно охнула и отползла по кровати как можно дальше. Наверняка, она хотела проснуться. А слова окутали ее, сжали в крепких объятиях и впитались в сознание, раскрасив сновидение воспоминаниями. Я был уверен, что с каждым впитанным словом к Насте возвращается ее память. По-другому и быть не могло.

А с воспоминаниями возвращался и я — осязаемый, настоящий, не смутный образ в уголке сознания, а почти живой (пусть и не физически) любимый человек.

Настя увидела меня, стоящего у кровати, и заплакала.

— Виталик! — шепнула она. — Виталик! О, боже...

Я протянул руку. Она подалась вперед и дотронулась кончиками пальцев до моей ладони.

— Я навсегда останусь в твоих воспоминаниях. — Слова, которые не успел произнести. — Прости, если что не так.

И в этот момент где-то в мире живых Максим отключил питание.

И я исчез. Эксперимент закончился.

11—13 марта 2010

ЕВГЕНИЯ ГОРАЦ

ПРОШЕНИЕ

Все зачеркнула. Начала сначала.
 Прощение о предоставлении контакта с чипсоул... зачеркнула... ЗС 2020, номер файла ХС-188—1.
 Опять все смяла и швырнула в урну.
 — Секретарь, можно другой бланк? Извините, отвыкла писать на бумаге совершенно. Еще в студенческие годы, в основном, печатала, сейчас зачитываю вслух, а компьютерная программа сама все оформляет. Да ладно... пишу-пишу.

Имя — Тина Медовски.

Год рождения — 19__

Пол — женский.

Профессия — биохимик.

Место работы — Принстонский университет, штат Нью Джерси.

Вопрос 1. *Пытались ли вы прежде контактировать с ЗС 2020, незаконным путем, рискуя...*

А чем рискуя, собственно? Разве что значительной суммой, предложенной работнику архива, за то, чтобы он провел меня в здание и открыл требуемый чипсоул, то есть файл ЗС серии 2020. Работник, которого мне рекомендовали как надежного и осторожного человека, кстати, отказался. Вот он рисковал должностью в случае провала. А я чем? Тюрьма? Вряд ли. Скорее, штраф. На первый раз предупредили бы. Отстранение от должности? Не думаю. Хотя профессор, нарушающий закон — плохой пример для студентов, но, с другой стороны, этот учебный год, скорее всего, мой последний — перед пенсией. Угрызения совести мне тоже не грозили: плох тот закон, который вынуждает мирных граждан идти на его нарушение. Хм... когда-то давно, в мой первый студенческий день, профессор химии сказал: «Законы природы нарушать нельзя. Этим-то они и отличаются от государственных». И чего я это вспомнила? Закон природы нарушили? Нарушили. Сознание не умерло после смерти? Не умерло. А то, что государственные законы насмарку — это естественный ход событий.

Ответ. *Да, я пыталась контактировать с файлом серии ЗС 2020, но безуспешно.*

Интересно, признание сыграет против меня или же наоборот — убедит в моей непреклонности и важности причины контакта? Но врать — страшновато. Вдруг они знают о моих переговорах с работником архива?

Вопрос 2. *Что вынудило вас пойти на нарушение закона?*

Как ответить на вопрос? Зачем нарушила закон? Зачем пыталась подкупить работника архива? Зачем? Уже два десятка лет контакты с файлами ЗС 2020 прекращены, а еще до этого доступ чипсоулов к информации был значительно ограничен. Мамино сознание, возможно, живет прошлым, и если так, то весь проект ЗС 2020, как и ее участие в нем, лишено всякого смысла.

Ответ. *Мне много лет. Проект ЗС 2020 приостановлен, что уменьшает мои шансы на контакт с ней (зачеркнуто) ее сознанием в будущем.*

Вопрос 3. *Первый ли это контакт с файлом ЗС 2020? Если да, переходите к вопросу 7а. Если нет, перечислите причины предыдущих контактов.*

Ответ. *Нет. Было два официальных контакта.*

Как уместить в нескольких строках причины контакта?

Первый раз, вскоре после ее физической смерти... я пришла, чтобы узнать у мамы, как она существует в виде чипсоула — сознания на микрочипе, не нужно ли ей чего. Договор ЗС 2020 предусматривал прекращение существования, если чипсоул сочтет его трудным и неприемлемым. И хотя я прошла предварительное собеседование с психологом, специалистом по встрече с умершими, но все равно расплакалась, когда мамино изображение появилось на мониторе. Она выбрала для этой встречи образ из домашнего видео конца девяностых прошлого века. В то время я была студенткой, жила в другом городе и мы общались по видеоскайпу. Она сказала в тот день, что для контакта с бывшим поклонником, который недавно приходил ее повидать, выбрала самый молодой из своих видеообразов. Он-де такой ее помнил, и она не хотела его разочаровывать, хотя сам он был так стар, что еле доковылял до здания архива. А для встречи с внуками и будущими правнуками она собиралась использовать изображение последних лет жизни — благочестивой седой леди. На вопрос о жизни в виде чипсоула ответила, что беспокоиться не о чем — все отлично: она изучает материалы о городке, в котором выросла, и его удивительных обитателях. Ей предоставлен доступ к электронным библиотекам и архивам, благодаря чему она узнала об истории города гораздо больше, чем при жизни по рассказам старших родственников. Ей удалось проследить генеалогию жителей и обнаружить массу удивительных совпадений. Все это послужит материалом для ее новой книги. Еще сказала, что может общаться с другими чипсоулами на разработанном специально для них цифровом языке. Их учат создавать электронные записи и даже картинки. Уже привыкла жить без тела, хотя может ощущать его при желании и даже мысленно танцевать (почти как при жизни, когда уже страдала от артрита), но потребность в этом постепенно уходит. Зато есть свои плюсы: проблемы тела, его потребности и болезни не отвлекают ее от более важных и интересных дел, числа которым не счесть. Антропологию она всегда мечтала изучать при жизни, еще лингвистику и испанский язык, а сейчас

времени сколько угодно. У нее всегда все было отлично — такой счастливый характер... Похоже, Гвен его унаследовала. Мама осталась собой: даже в виде чипсоула, записанного сознания, как и при жизни, она продолжала видеть во всем хорошее.

То, что в 2020 году мама в столь преклонном возрасте прошла все тесты для ЗС — нейрологические, интеллектуальные и психологические, было результатом следования рекомендациям специалистов, экспертов по долгожительству. Долгожителей объединяло следующее: веселый добрый нрав. Они, как правило, оказывались жизнерадостными, общительными личностями, имели одно или несколько хобби, а также были людьми открытыми, энергичными и подвижными. Оптимистический настрой плюс натуральное питание, но без излишеств увеличивали шанс при благоприятном генетическом раскладе избежать хронических болезней и прожить дольше. В Гарвардском журнале мама вычитала методы сохранения хорошей памяти: мозг тренировать следует активно, изучая иностранные языки, приобретая новые навыки и постоянно тренируя все пять чувств (смотреть во все глаза, вдыхать ароматы, слушать музыку и любимые голоса, пробовать новые блюда), а также пассивно (например, все время ходить другой дорогой, чтобы мозг постоянно перерабатывал новую информацию). Все это как нельзя лучше гармонировало с ее личностью, только теперь она знала, что это поможет ей сохранить данное от природы на более долгий срок. «Видишь, Тина, я дожила до момента, когда бессмертие стало возможным. И встретила его в отличной форме. Те, кто не прошел тесты для первой опытной партии, считают, что мне повезло, но нет, это не везение, это результат моих действий. Раньше тело науке завещали, а сейчас душу, сознание, вернее. Теперь я никогда не умру, никогда! Тина, ты понимаешь масштаб этих слов? Сколько дел я смогу переделать!»

Второй контакт был, когда Гвен родилась. Она оказалась похожа на нее как две капли воды. Мама при жизни все сетовала, что дети на нее не похожи, а вот младшая внучка... Я еще думала, что мама была права, это счастье — знать, что жизнь продолжается... Есть такой ген любопытства — одним людям все интересно, а другим — нет: они сначала теряют интерес к происходящему, а потом умирают. А мама объясняла свое желание прожить как можно дольше тем, что ей интересно, что будет дальше. «Если жить достаточно долго, то непременно доживешь до чего-нибудь очень интересного», — мама говорила. Она все жалела, что родители ее умерли рано и не узнали, что их внучку, то есть меня, примут в Гарвард. Дедушка и бабушка — оба родом из маленького польского городка, и вдруг такое! А уж как бы радовались.

«Переживания всегда найдешь с кем разделить, — мама говорила. — Людей добрых много вокруг — утешат, помогут, а вот радость... нет. Найдутся, конечно, те, кто сможет радоваться за тебя, но все равно — не так, как ты. Радоваться вместе с тобой, и даже сильнее тебя умеют только

родители. Когда тебя в Гарвард приняли, я ощутила бессилие от того, что не могла об этом родителям рассказать и радость моя осталась неразделенной, невысказанной и не умножившейся. А у тебя, Тина, будет такая возможность — рассказать мне обо всем, но ты оценишь ее гораздо позднее.

Ответ. *Первый раз узнать о ее жизни (зачеркнуто) существовании в виде ЗС. Второй раз — поведать семейные новости.*

Вопрос 4. *Известно ли вам, что указ о прекращении контактов с файлами ЗС — временная мера до принятия новых официальных государственных законов? Если «да» переходите к вопросу 9.*

Ответ. *Да.*

Вопрос 9. *Известны ли вам причины запрета? Если «да», перечислите их.*

Странная процедура. Очень странная. Впрочем, я сужу о ней по художественным фильмам: сюжеты с чипсоулами очень популярны. В жизни все и должно отличаться. В последнем фильме «Наследство Майкла Бумца», поставленном по мотивам реальных событий, домочадцы утонувшего на собственной яхте миллионера просили о контакте, не найдя завещания. Чипсоул миллионера распределил наследство должным образом, все согласилось с дележкой, кроме первой жены. Ей досталась сумма меньше, чем она предполагала, и она заявила, что чипсоул был создан за пять лет до гибели миллионера, в то время отношения у них были прохладными. В последние же годы Майкл приходил к ней часто, даже оставался ночевать, говорил, что тоскует... и если бы сознание было переписано, то есть, произведен апгрейд, то, безусловно, чипсоул распорядился бы наследством иначе. В фильме она добивается личного контакта. Вот там совсем другая процедура была показана: они вспоминают былое, и он признается, что всю жизнь сожалел о том, что они расстались, она плачет и говорит, что стоило выдержать все муки, чтобы под конец жизни услышать такие слова. Хороший фильм, кстати... зрители плачут... да что это я? На старости лет становлюсь сентиментальной...

Ответ. *Правонарушения, злоупотребления и религиозные протесты.*

Правонарушения... Что же вы хотели? Вогнать выпешший из-под контроля закон природы в рамки соблюдения законов государственных? Контакты с чипсоулами запрещены, потому, что числа скандалам было не счесть. Еще немного, и вся юриспруденция рассыпалась бы в прах. Сознание не только не умерло после смерти, а и получило возможность множиться по желанию биологического носителя. Первый из запомнившихся скандалов касался коллеги — доктора Доналда Мровки, с сознания которого было записано несколько чипсоулов. Доктор Мровка не стал ждать смерти, чтобы использовать сознание на микрочипе для работы, а устроил так, что каждый из его чипсоулов руководил различными исследованиями в области увеличения срока жизни, а именно — удлинения теломер. Доктор Мровка

получил гранты на исследования из разных источников, работа шла успешно, чипсоулы руководили лабораториями, пока против него не началась судебная тяжба. Его назвали мошенником, потому что деньги были выданы физическому телу, а не сознанию на микрочипе, и поставили в вину, что сам он занялся, наконец, живописью, до которой руки раньше не доходили. И что толку? Исследования в области продления жизни были прекращены. После этого скандала последовал ряд других. Вроде и старались предусмотреть в проекте ЗС все возможные камни преткновения, а все равно не удалось даже десятой доли предугадать. А ведь вначале столько восторгов было, и общество с энтузиазмом приспособлялось к новой, восхитительной возможности. Возникли новые профессии. Только в нашем университете обучали социальных работников, психологов, юристов, специализирующихся по работе и защите прав чипсоулов, очень престижной считалась профессия биопрограммиста по апгрэйду чипсоулов. А через несколько лет в связи со вспышкой волнений и протестов общественности закрыли целые кафедры. Казалось, все так здорово: с момента задокументированной смерти тела, сознанию, предварительно записанному с биологического носителя на цифровой носитель, или в народе — чипсоул, предоставлялось право работать с любой информацией, читать книги и научные труды, продолжать учиться, совершенствоваться в своей области и получать желаемые знания. Закон предусматривал, что файлы первой партии чипсоулов не являются гражданами своей страны, юридическими лицами или владельцами какой-либо собственности, а только опытными экземплярами. Однако первыми нарушителями закона и стали те, кого должность обязывала стоять на его страже. Уж больно эффективным оказался вклад чипсоулов в раскрытие некоторых важных уголовных дел. И хотя юридической силы их показания не имели, но информация, которой они обладали, была столь ценной, что Конгресс собирался принять закон о легализации их показаний и даже разрабатывался текст судебной присяги для ЗС 2020. Особенно широко освещался в прессе случай, когда чипсоул огласил список членов мафиозной организации, к которой принадлежал при жизни, правда, после того как была обеспечена безопасность его потомкам. Закон о легализации показаний чипсоулов так и не вступил в силу: хотя сознанию на микрочипе не нужны ни деньги, ни ценности, один чипсоул подкупили доступом к секретным файлам ФБР, к которым у него не пропал интерес с физической смертью тела, другой — перечислением крупной суммы его бедствующим родственникам, третьего, как оказалось, шантажировали возможностью отключения нужной ему информации, а четвертому обещали новый биологический носитель, как только это станет возможным. В связи со злоупотреблениями и вмешательством нескольких чипсоулов в государственные и политические дела их лишили доступа к новостям и актуальным проблемам и позволили работать по своей теме и с историческими материалами. А потом и вовсе... Как мы с детьми перенервничали тогда!

Помню заголовки в газетах: «Побег целой группы чипсоулов из архива в сети», «Не включайте компьютеры, пока их всех не поймают: они могут загрузиться на ваш жесткий диск и там затаиться», «Вы никогда не знаете, с кем говорите в чате — с живым человеком или давно умершим сознанием, сбежавшим из архива»... Вслед за этим началась волна религиозных протестов. Душа умершего, по мнению клириков, не попадает ни в ад, ни в рай, и обречена на вечные муки блуждания по сетям. Не думаю, чтобы мама оказалась в группе этих беглецов, хотя поручиться не могу. Их отлавливали, они научились дублироваться в сети... даже e-mail'ы посылали с текстом воззвания: «Мы — не являемся гражданами какой-либо страны, мы — не юридические лица, мы — свободные сознания... Мы требуем обещанного доступа к информации и участия в жизни страны, в противном случае наше существование лишено смысла». Тогда же личные контакты с чипсоулами запретили, общение позволялось только по особо важной причине. Во время этой паники я вообще не выключала компьютер — все ждала, вдруг мама объявится. Я бы ее спрятала, хотя, согласно закону, должна была немедленно заявить в полицию... К черту такие законы.

Вопрос 10. *Имеется ли срочная причина контакта с СЗ 2020 (чипсоул)?*

Ответ. *Сообщить маме (зачеркнула) сознанию матери важные новости, касающиеся... (зачеркнула)...*

Признают ли мою причину достаточно важной?

Что я скажу ей?

«Мама, я все делаю, как ты: хочу быть в хорошей форме, когда проект будет открыт вновь, а он обязательно должен быть открыт, иначе вся гигантская работа насмарку. Надо пережить этот смутный промежуточный этап, надо дожить до момента, пока все утрясется... Но если вдруг этот процесс затянется, я должна успеть сообщить тебе, что твои книги издаются и переиздаются, и хочу разделить с тобой эту радость. Им не понять, бюрократам этим, они кроме рапортов ничего не писали... По твоей книге «Просто Прохожий» Голливуд поставил фильм. Я поняла, как тебе хотелось бы узнать об этом, когда вышел мой собственный сборник рассказов. А ведь ты всегда говорила: «Тина, вот увидишь, ты тоже будешь писать». Ты была права, мама. Да вот он, сборник мой, я принесла показать... тут и о тебе есть рассказ, о том, как ты радовалась, что сможешь все знать и после смерти. В сумке — еще несколько книг, твоих... Вот они... твои книги, на польском, а вот в переводе на английский, японский, а эта — на румынском... А вот эта, что ты после смерти написала, используя архивы города, где родилась. На обложках твое имя — Дана Медовски. Твои книги, мама, на разных языках. И если останется время, я зачитаю тебе рецензии... Где у них тут салфетки...

— Секретарь, дайте другой бланк, пожалуйста.

АЛЕКСЕЙ ЕРОШИН

ЗВЕРЬ КАМЕННЫЙ

ом не любил весну. Как, впрочем, и осень. От сырости, очевидно, в нем просыпались разные застарелые недуги. Невесть откуда возникали холодные сквозняки, в перекрытиях начинали скрипеть разбухшие балки. Водопроводные трубы сильно сопели, краны фыркали. Даже стекла в рамах начинали мелко дребезжать, как в ознобе. Даже подъездная дверь хлопала с каким-то нездоровым капляющим звуком — «а-ах»!

Еще дом не любил чужаков. Особенно мальчишек. От них всегда можно было ждать какой-нибудь неприятной выходки: гвоздем на стене из шалости бранное слово нацарапают или окно разобьют. А когда приходили представители жилконторы — дом притворялся мертвым. Это нелегко — притворяться, когда твои бока измеряют рулетками. От щекотки у дома краска вспучивалась пупырышками, а штукатурка шла трещинками. Поэтому дом слишком часто требовал ремонта. Но не это больше всего раздражало жилкомиссии, а то, что размеры квартир никак не совпадали с прописанными в документах. И только некоторые жильцы догадывались, в чем дело. А Тимофей не догадывался — он знал определенно, и ничему не удивлялся.

Квартирка понравилась ему сразу. Небольшая, но светлая, с видом на маленький липовый скверик. Дом тоже был небольшим — кирпичным, двухэтажным, под гулкой жестяной крышей с парой подслеповатых слуховых окошек. Здесь было покойно и тихо. Это потом уже Тимофей узнал, что дом не выносил пустого шума. Скандалисты в нем не приживались. Только скрипачу из пятой квартиры дом позволял репетировать без помех. В квартире скрипача никогда не тарахтели трубы, не текли краны и батареи. Видимо, душа у него была необычайно светлая и не знала мрачных будней.

У Тимофея же черные дни случались. И тогда в комнате повисала призрачная полутьма. Стены сдвигались, потолок нависал так низко, что его можно было задеть макушкой. Окна мутнели, липы за ними блекли, теряя краски. Если же упадок духа затягивался, дом начинал сердиться. Тогда от него можно было ждать чего угодно.

О природе такого явления Тимофей, конечно же, задумывался неоднократно, но никогда не находил верных ответов. Поначалу же просто принял это, как внезапное проявление параноидальной психозфрении. То есть, уже потом он вычитал, как это называется. А первое время думал, что просто сошел с ума. Между тем, насторожиться надо было с первого

шага в странную квартиру. Уж очень она Тимофею показалась, будто была построена специально для него. Уютная, а главное — наконец-то своя. Вошел — словно надел костюм, сшитый по своей мерке.

Первые месяцы все было просто прекрасно. Тимофей подшпаклевал трещинки, подкрасил косяки, наклеил симпатичные обои. Расставил немногочисленную мебель. Вечерами он стучал по компьютерной клавиатуре в такт мелодиям скрипача и слушал, как шуршат листвою липы в скверике. Он любил неторопливое пригородное лето, как любил его и дом. Любил распаркивание дворницких метел на рассвете, урканье сытых голубей на чердаке и еле слышные шаги кошек по жестяной крыше.

Потом начались неприятности на работе. Страну лихорадил кризис, начальство ходило задерганное, и на вопросы о зарплате отвечало: «Благодари, что не уволили». Тимофей возвращался со службы злой, перешел на скудный рацион. В лучшие дни варил макароны с тушенкой, в худшие — без тушенки. От жизни такой начал попивать горькую и почти перестал прибираться в комнате. Войдя, валился в обуви на диван и забывался тяжелым сном. Тогда-то дом впервые проявил характер, окатив жильца ледяным душем из лопнувшей трубы. По углам разрослась густая паутина. Обои вдруг стали отставать от стены, закрипели половицы. Комната стала душной и тесной, как собачья конура.

Если всему остальному можно было найти естественное объяснение, то произвольное сокращение жилплощади ни в какие нормы не вписывалось. Поскольку в явления мистического характера Тимофей не верил, то пришел к выводу, что внезапно слетел с катушек. Говоря иначе — тронулся умом. Тогда-то и завел он книжку по психиатрии. Впрочем, в квартире она продержалась лишь один вечер, а к утру исчезла, словно растворилась в крышке стола. Но прочесть о параноидальной пизофрении Тимофей успел достаточно.

Правда, многих вещей это не объясняло. Например, исчезновение новых книг из шкафа. Некоторые книги так же таинственно возвращались на место, а некоторые пропадали навсегда. Обычно те, которых было ничуть не жаль. Тимофей бы вовсе не заметил их исчезновения, если бы не стал специально подмечать все странности. Проверить было просто: книгу Тимофей ставил на полку, а чек оставлял в кармане. Покупка пропадала, но доказательство ее приобретения оставалось.

Другие вещи также непостижимым образом перемещались с места на место. Вернее, на свои привычные места. Где бы Тимофей ни оставил графин с водой — он вскоре непременно оказывался на подоконнике. Брошенные вечером на стул грязные вещи к утру неизменно перемещались в стиральную машину. Чистые попадали в шкаф.

Психиатр долго и мутно пояснял что-то насчет загадок устройства разума в ответ на рассказ о странностях Тимофеевой квартиры. По его словам выходило, что людей без фобий вообще не существует. И если фобии не мешают жизни, лечить их не стоит, а следует принимать как должное.

Специалист по паранормальным явлениям проявил к проблеме живейший интерес, но остался ни с чем: дом не пустил его даже на порог. Человеку неискушенному могло бы показаться, что это просто разбухла от сырости подъездная дверь, но Тимофей сразу понял причину. Едва шарлатан откланялся, пообещав заглянуть в другой раз, дверь открылась.

Однажды Тимофей, немного перебрав, наследил в подъезде грязной обувью, и его новые ботинки были немедленно вышвырнуты во двор. После этой выходки дома жилец осерчал и решил своенравную квартиру продать. Покупательница оказалась женщиной сварливой и бесцеремонной. Она критически окинула взглядом съезжившиеся апартаменты, проворчав: «И это — двадцать метров? Да в этой комнате и шестнадцати не будет. А здесь, кажется, была дверь? Вы ее восстановите в прежнем виде, конечно...». В ответ на это на кухне жутко заскрежетали трубы: дом выказывал явное недовольство потенциальной жилицей. Она, словно не замечая этого, продолжала ворчать: «Канализация, конечно, вся проржавела. Полы скрипят. Вы, голубчик, слишком дорого просите за эту рухлядь...»

Тимофей ходил следом в жутком напряжении и успокаивающе поглаживал стены, про себя умоляя дом потерпеть и не вышвыривать грубиянку в окно. Обои под пальцами шли мелкими мурашками, оконные рамы топорщились новыми занозами, стены недобро подрагивали — словно дикий зверь копил в себе злобу перед решающим прыжком. И когда они подошли к осмотру кладовки, Тимофей понял, что в ней уже нет старого хлама, а есть только зияющая пустота — разверстая бездонная пасть каменного зверя, готовая поглотить непрошеную гостью. Тимофей закрыл дверь спиной, извинился и сказал, что передумал продавать квартиру.

Покупательницу он проводил до самой улицы, чтобы та не сломала ногу на лестнице или не получила по голове куском штукатурки. Дом все-таки не сдержался и поддал ей входной дверью по мягкому месту. И еще долго после этого не мог успокоиться. Тимофею пришлось уговаривать его не сердиться. С этой поры беседы с домом вошли у него в привычку. Входя, он почтительно здоровался, уходя — прощался.

Являлся дом самостоятельной сущностью или был малой периферической частью исполинского организма под названием Город, Тимофей так и не смог разобраться. В конце концов, это стало неважно. Странности вошли в привычку и действительно стали восприниматься как обыденность. Слово это было в порядке вещей — обнаружить в день рождения на своем столе подарок в виде старинного пресс-папье. Или дивной красоты потертый стеклянный шар на елке в Новый год — сейчас таких уже не делают. В качестве ответного подарка Тимофей купил собрание сочинений Диккенса: он заметил, что дом больше любит старинные раздумчивые классические романы. Дом принял подношение с ребячьей радостью, от удивления раскрыв окна нараспашку. А несколько дней спустя подъезд украсился позолоченной лепниной в викторианском стиле.

Но самое удивительное произошло, когда в дом явилась Она. Волонтер по переписи населения с волшебным именем Лида. Казалось, что в комнате зажглись все лампы разом. Стены раздвинулись вширь по меньшей мере метра на два. И чайник включился сам собой.

Девушка заполнила все графы очень быстро, но Тимофею не хотелось, чтобы она уходила. Наверное, этого не хотелось и дому, потому что дверь категорически отказалась открываться. Пришлось девушке согласиться на чашку кофе и выслушать рассказ о нраве каменного зверя. Не поверила, конечно. Тогда дом открыл ей дверь. Но не на лестничную клетку. За порогом расстился бескрайний морской берег. Изумрудные волны лениво накатывали на золотистый коралловый песок атолла, в кристальную прозрачность лагуны смотрелись кокосовые пальмы, и лохматое солнце сползло по багровому полотнищу закатного неба к линии горизонта. Ночью Лида и Тимофей считали крупные, как яблоки, тропические звезды, неторопливо плывущие вокруг Южного Креста, и купались в их свете и в теплой глади лагуны.

Так холостяцкой жизни Тимофея настал конец. Впрочем, он был этому рад. Рад был и дом, что в квартире появились заботливые женские руки. А когда молодая семья стала ждать прибавления, откуда ни возьмись в квартире появилась детская комната.

Все шло замечательно до того самого момента, когда главный архитектор города утвердил новый генплан застройки. Почтовые ящики дома наполнились казенными конвертами, в которых лежали уведомления о расселении жильцов. На протесты власти реагировали вяло, грозя выселить всех в принудительном порядке. В качестве устрашающей меры даже пригнали огромный кран с чугунным ядром, показывая, что не собираются отступаться. Липовый сквер вырубил, на его месте появился безобразный котлован с торчащей арматурой.

Дом захандрил. Входная дверь болталась на одной петле, чего сроду не бывало. Штукатурка отваливалась кусками. Обои облетали, как старые листья. Жесть на крыше задралась и стала протекать. Сдал старичок. Внезапно все увидели, какой он дряхлый. И по одному, по двое стали ходить осматривать жилье по новым ордерам. Тимофей с Лидой держались дольше всех. Но и они однажды не выдержали пронзительного скрипа половиц и хлопанья трухлявых труб, решили взглянуть на новое жилье.

Новая квартира была светлой, гулкой, чистой и пахла свежей краской. Из окна открывался вид на автостоянку, но это было ничего — с шестнадцатого этажа не очень-то видно грязь и мазутные пятна в лужах.

Возвращались они с чувством странной тревоги, которое их не обмануло. На месте бывшего жилища стояла толпа зевак, окружившая пустой фундамент. Вещи жильцов были свалены тут же в большую кучу. Каменный зверь ничего не взял на память, даже Диккенса — он ушел налегке.

ОЛЕКСАНДРА УСМАНОВА, ОЛЬГА ПОШУРУЄВА

МАНДРІВНИЙ ЖАБ

1

Світанок починається за обрієм. Це Петрик знав напевне. У своїх снах він часто підходив до самого краєчку землі і пестив сонечко — маленьке, рожево-оранжеве, схоже чи то на цуцика, чи то на лопатку. Це потім, піднявшись ген високо в небо, воно розжарювалось, немов залізо у кузні, і палало, насилаючи на землю спеку. А зранку-раненько, коли Сонечко навіть невмиване і нерозчесане, з ним можна погратися. Наприклад, у піжмурки. Втім, це буде надто легко, як шукати світляків безмісячної ночі. Може, у м'яч, або...

Зазвичай на цьому місці мрії Петрика переривав сон, та не сьогодні. Овва, хіба можна заснути у такий день?

Петрик прожив на білому світі цілих сім років. Так, цілісіньких сім, хоч в кого спитайте! Навіть гульвіса Сірко та глухенька кобила Кая відчувли надзвичайність цього дня, що вже казати про інших.

Сім років — це ж ого-го скільки! Звісно, краще було б мати вісім, або цілих дев'ять, як Ромко-Бугайчик, та й сім добре: сім кольорів у веселки, сім нот, якими можна заграти всю музику, що є у світі.

За свій вік Петрик побував у гостях у всіх сусідів та родичів, навіть у баби Ганьки, про яку Ромко бреше, що вона відьма, навіть у дядьків Мишка і Михайла, що жили не де-небудь, а в місті. Хоч місто Петрику і не сподобалось: спека, курява, натовп — але яких цукерок можна там накупити чи вимінати! А просто на вулиці Петрик знайшов ніж. Справжнісінький! Не старе лезо, замотане вірвовкою, щоб не врізати руку, а справжній складаний ніжик з набірною ручкою, навіть у шкіряному чохлаку, який можна віпати до пояса! Бач, невдача, петелька осьдечки порвалася, ніжик і гулькнув на землю. Довго б йому там лежати невидимому в пилюці, аби не Петрик, який здійняв таку куряву, «немов стадо биків, а не один маленький хлопчик». А ще обоє дядьків брали Петрика з собою на роботу. Дядько Мишко — на вартову вежу, звідкіля видно все місто. Та ні, ви все не так зрозуміли! Дядько Мишко аст-ро-ном і дивиться не за порядком на вулицях, а за зірками на небі. І Петрику дав подивитись. Не просто так — зиркнути на хвилинку, а скільки завгодно, хоч цілісіньку ніч. Усю ніч не вийшло. Десь о третій Петрик упіймав Сонька, і солодко спав до перших променів сонця.

А дядько Михайло провів Петрика до кабіни дирижабля, і він, ніби справжній пілот, крутив усі блискучі ручки та натискав кнопки. Дядько

Михайло сторожував у ангарі, де спочивали дирижаблі, де їх ремонтували та об-слу-говува-ли, що б це не значило.

Петрик назавжди запам'ятав різкий та солодкий вітер на вежі, обличчя зірок; величні риси дирижабля, його міць та могутність. І хіба можна після такого залишатися вдома? Особливо, якщо сьогодні виповнилось цілих сім літ.

Він добре усе спланував. Залишалося дочекатись, коли заснуть батьки, тоді можна буде вислизнути з дому, тихенько вивести з двору Гнідка і гайнути до обр'ю, на край землі, до Сонечка в гості. Петрик подарує йому свого ножика (хоч і трохи шкода, та кращого подарунка годі шукати, він навіть петельку власноруч пришив, щоб ножика знову можна було чіпляти на ремінь).

Гнідко сумирно трюхав через степ, несучи на собі майже невагомого хлопчика. Зрідка кінь нашорошував вуха, та то лишень малий щось бурмотів і бурмотів:

— Якщо Велику вежу міста від нас добре видно, їхали ми години зо три, а місто лежить на півдорозі до обр'ю, то я доїду туди до світанку. Чи навіть швидше, адже Гнідко не тягне воза.

От я постукаю у двері до сонця. Цікаво, хто пустить мене на подвір'я? Чи є в нього мама і тато? Я подарую йому ножик, а тоді...

Гнідко відчув, що маленькі рученята більше не стискають гриву, і зупинився. Петрик заснув, притиснувшись тілом до шни старого друга.

Сонечкова мама розлила по чашках молоко і витягла смачнотчі запашні горіхові коржики. Сонечків тато наспівував на подвір'ї, пораючись біля четвірки білісіньких коней. Гнідко стояв поруч із ними і перебирав жито у яслах.

Петрик і Сонечко гризли коржики і бовтали ногами, стукаючи п'ятами об лавку, а мама посміхалась і лагідно сварила «небораків». Та що це? Петрик втрачає рівновагу, падає...

...і прокидається на барвистому степовому килимі під ногами Гнідка.

Він заспав! І впав уві сні, так і не доїхавши до обр'ю, а Сонечко йому лише наснилося. Гіркі пекучі сльози полились з очей. Яка ганьба!

Він похнюплено їхав додому, коли поряд з'явився батько... на Кані. Петрик глянув тільки раз і одвернувся, щоб батько не дізнався, що він рюмсає, як дівчисько.

? То що, хлопче, нагулявся?

Петрик лише зітхнув.

— Ти б хоч про матір подумав! Вона ж ледь не збожеволіла, коли не знайшла ні тебе, ні Гнідка!

Хлопчик знову зітхнув, намагаючись проковтнути тугий клубок колючок, що стирчав у горлі.

— То кажи все, куди ти їхати надумав? — так само неголосно запитав тато, коли вони розсідали коней і зайшли в хату.

— В гості.

— В гості? До кого?

— До Сонечка, — Петрик зиркнув на батьків. — Хотів, поки ніч, доїхати до обрію і подарувати йому ножика. Тільки заснав, і...

— Ти глянь! До Сонечка в гості!

Петрик підняв голову, зачудовано дивлячись на маму, яка нестримно сміялася.

— Ти ще б до Африки вирішив доїхати.

— А що там, в Африці?

— Там слони, крокодили, горили з жирафами, спека і муха цеце!

— Ой, гарно, мабуть, — замріяно простягнув хлопчик. — Ось куди їхати треба!

— Божечки, та це не дитина, а жабка-мандрівниця! — сплеснула руками мама.

— Я не жабка, — насупився Петрик. — Не жабка, бо хлопчик. Я... жаб. Мандрівний жаб.

Батько сміявся так сильно, що сльози бризнули з очей. А Петрик ще більше насупився, глипнув сердито і проказав:

— От побачите, я дійду до Африки. Точно кажу.

Батько повернувся до хлопця і з цікавістю зазирнув йому в очі.

— То кажеш, дійдеш до Африки? — він більше не сміявся.

— Обов'язково!

— Тоді треба вчитися.

— Треба? — скривися Петрик. Школа була в місті, то ж доведеться попроситися з усіма приятелями, зі степом та обрієм. — Таки треба?

— Обов'язково. А то хіба знатимеш, в який бік податися? І скільки їжі брати з собою. І як рятуватись від хижаків, скорпіонів та піщаної бурі.

— А довго?

— Допоки не вивчиш.

— Ну, тоді це пвиденько, — вмить розрадився Петрик. — Добре, віддавайте мене вже в ту школу. Тільки я хочу жити у дядька Мишка, а не в дядька Михайла, можна?

— Можна.

Найперше слово, що його навчився читати, було, звісно, Африка. Перша спроба до неї дійти — наступної ночі.

Як не сварив батько, як не вмовляла мама, та Петрик уперто стояв на своєму і раз на три місяці пускався в мандри. Дороги манили його, кликали «пробігтися до повороту», вабили більше, ніж солодощі та розваги. Здається, тільки дядько Мишко розумів, що коїться з Петриком, про

що йому шепоче вітер та наспівують птахи, і зрідка брав хлопця з собою — на три дні, на тиждень — у недалекі мандрівки, коли вони залишались сам на сам із небом і долею.

Так він прожив ще двічі по сім літ, і коли повертався додому — як завжди пішки, піднімаючи куряву — ніхто би не впізнав малого Петрика, що колись мріяв зайти в гості до Сонця. Хіба що ніжик, який бовтався на ремінці в непримітному коричневому чохлі з петелькою, пришитою зеленою ниткою, радо промовляв: «Маленький Петрик просто виріс. Та чи змінився?»

— Дядьку! Агов, дядьку!

Двоє хлопчаків років шести налетіли на нього. Обидва були тоненькі, засмаглі, припорошені пилюкою — майже невідрізними один від одного. Навіть чуби однаково нерівно підстрижені.

— А можна вас попросити?

— Авжеж.

— Ми ондечки муруємо фортецю, та щоб усе як слід зробити, потрібний... спеці-альний розчин.

Малюк замовк. Замурзане личко зібралось в гримаску відчаю: зараз і цей здоровань щось буркне і піде собі. Та ні, стоїть, дивиться. Не глузує, не посміхається.

— Треба води. А Ромко-Бугайчик захворів, а ми навіть удвох...

— Ромко-Бугайчик? — Петрик зайшовся від сміху. — Ой, зараз лусну!.. Колись у мене був приятель, якого так само звали. Він жив на Піщаному хуторі, що одразу за Красношапкою.

Хлопчаки витріщились на дорослого.

— І нап там живе! О, дядьку, то ви тутопній?

— Треба казати «тутешній», — зашепотів другий. — То води дістанете, га?

Петрик шубовснув відро у колодязь і тихенько засміявся, коли почув знайоме «Рри-рпс, рри-рпс».

2

Спочатку було темно. Кажуть, то завжди так буває на початку, але потім усі забувають, і тільки кажуть, що темно. Що настає потім? Можливо, хтось каже «Один-два-три-чотири», можливо — «У вас — хлопчик», можливо — «Аз есмь», — та не в цьому випадку.

Спочатку був плюскіт води, потім — єдиний стовп білого світла, що розбився об воду, темрява, течія, лункі звуки, після яких зникла більша частина мокрого всесвіту. Цю катастрофу пережила одна маленька істота зі світлинкою розуму і мільярди *інакших*. А потім знову була темрява. Але — не тиша.

Плюскіт навколо. Відчуття, що прокинулись одночасно з ним, підказували, що довкола нього вирує життя: маленькі — менші за нього — істоти.

З часом, коли він призвичаївся до темряви навколо і навчився бачити, виявилось, що ті істоти на нього не схожі. Тобто абсолютно не схожі. Вони сперечалися, борсалися у воді, і постійно, невпинно рухались, кружляли, носилися в просторі.

Він нічого не бачив, та тут і не було на що дивитись, лише відчував постійне гоїдання, а ще смак тих *інакших*, що з водою потрапляли до рота. Ставало приємно. Смак приносив радісне відчуття... Яке саме, він не міг би пояснити, тільки знав, що робити, аби відчувати цю радість. Він не знав навіть себе, і не намагався пізнати, з нього було досить тих простих речей, що відбувались довкола.

Він жив у постійнім гоїданні, у плюскоті, в спокої. Їв, спав, радів, та потім все полетіло шкереберть.

Темрява — не-тиша. Мільйони мільйонів *інакших* так само оточували його, та він втратив до них інтерес. Його непокоїли зміни (та зміни завжди непокоять). Його хвилювало, що він робився... не *інакшим*, та іншим, — меншим, не таким ловким та вправним. Він втратив смак до *інакших*, і це віщувало біду: порожній шлунок частіше заявляв про себе, а довкола не було нічого, що могло б спокусити його попоїсти. Він ослаб і занепавав духом, та раптом щось прокинулось у ньому, бунтарський дух чи спрага до життя, і він почав борсатись, борсатись у прищівлії воді, шкрябати лапами по стінках свого мікрокосму, а тоді...

Майстер повітроплавання Атроходін майже двадцять хвилин намагався ігнорувати шурхотіння (чи то — шкрябання), що линуло з-під сидіння ділжансу. Та зрештою йому урвався терпець, і він на півслові перебив свого приятеля, майстра антропології Віртера:

— Стривай, ти чуєш?

— Га? Ти щось сказав? — Мирон Віртер заклінав очима, невдоволено зиркнувши на товариша. Щойно він розповідав про дивовижні знахідки останньої експедиції, з головою занурившись у спогади, коли його так безцеремонно перервали. На мить здалося, що він перед студентами, які благають зупинитися і повторити.

— ...Ось знову! Але що тут може шурхотіти, ніби... ніби намагається вилізти.

— Нічого не чую! Що це за вигадки?..

— Та помовчи хоч хвилинку, я намагаюся...

Атроходін відкинув сидіння і порпався у речах, прислухаючись до всіх валіз та коробок. Майстер Віртер ображено надувся: він же не перебивав Олександра, коли той хвалився своїм дирижаблем, хоча розумів одне слово із трьох.

— Ось же воно! — Атроходін радісно випростався і впав на сидіння, коли диліжанс підкинуло на вибоїні. — У тебе в калєбасі завелася миша.

Яскраве світло майже засліпило його, він клітнув раз, другий, і відчайдушно стрибнув.

— Куди! Чекай! Вловив!!! Тільки це не миша — жабка. Тільки якась вона інакша, не схожа на наших... Знаю, це жаба-привид! Господи, Мироне, де ти її взяв?

— Жаба-привид? Що за нісенітниця? Ти б ще сказав, жаба-вампір або жаба-вовкулака!

— От же, Фома невіруючий! Дивись! — запелестіли сторінки журналу. — Я запам'ятав тільки через кумедну назву, ніби мені робити більше нічого, жаб роздивлятися!

— Добре-добре, тільки не гарячкуй... Знаєш, цей калєбас мені подарував Натанда...

— Твій африканський приятель, у якого чотири сина і донька?

— Так, — посміхнувся Мирон. — Подарував, щоб я «ніколи не знав спраги». Він брав воду прямо з річки або ставка, то, мабуть, кілька ікринок потрапили всередину, і ось тепер маємо. Привид, — чмихнув антрополог. — Що з ним робити?

— Киньмо в колодязь, та по всьому.

— Як, в колодязь? Але...

— Жаби завжди жили і житимуть по колодязях. Тим більше, ні ставка, ні річки поблизу немає. Чи ти збираєшся залишити собі «звірятко»?

— Ой ні!

— Тоді, колодязь. До речі, ми як раз під'їжджасмо.. То ти вже надумав?

— Сашко, ти завжди був таким нетерплячим! Я ж сказав. Що дам тобі відповідь завтра.

— А ти був надто врівноваженим. Навіть, коли ми були підлітками. А пам'ятаєш, що ми утнули з тим навіженим Берковим?

Майстри засміялись, пригадуючи шкільні витівки, на мить скидаючи ті сорок років, що розділяли їх тодішніх та теперішніх.

Він добре пам'ятав, як опинився у новому всесвіті — колодязі. Спочатку припинилося гоїдання, до якого він звик від початку свого існування. Потім яскраве світло засліпило жабеня, щось велике, гаряче обережно стиснуло його з усіх боків, потім «рри-рипс, рри-рипс» — він поволі спускався кудись вниз... вниз... з яскравого світла у присмерк. «Рри-рипс, рри-рипс», а потім гоїдання і дивні звуки припинились, він залишився сам — так малий жаб думав на початку.

Плюскотіння води. Холодної, живої. Типа, у якій він ясно почув скімлення власного шлунку... Рух, блискавичний стрибок — і знову прийшла радість, неспокій відступив. Жаб роззирнувся, побачив, що до нього потихеньку підпливають інші жаби, зрозумів, ким був до цього і ким є тепер. Він запам'ятав це, мабуть, на все життя.

Коли він трохи роздивився навкруги, то побачив, що всі жаби, попри зовнішню схожість, різні-різнісінькі. Його випадковий попутник Майстер антропології Віртер сказав би, що в колодязі існує неповторний соціум, свій мікрокосмос, та він був просто жабом, чудернацьких людських слів не знав і сприймав усе так, як умів.

Тутешні мешканці не були галасливими — обмежений простір і луна привчили до проникливих неголосних розмов.

Він не знав ліку часу: в криниці завжди тихий присмерк, і цяточка-зорі позирають згори. Жаб теж дивився і дивився, і йому здавалось, що зірочки підморгують йому, лише йому одному — бо ж тільки він насмілювався на них дивитися. І тоді він згадував: темрява — не-тиша, *інакші*, плюскіт і гойдання, дивовижні звуки, що проникали крізь стінки його малесенького всесвіту. Він завжди прагнув відгадати, що то за звуки, звідки, навіщо. Чому від них ставало то радісно, то млосно, та завжди було *хороше*. Чому тепер, у прохолоді, ситості та спокої йому так сумно, так *недобре*?

Жаба мало цікавила плітки та балачки інших. Його увагу незмінно привертала квадратик неба високо над головою, що його перекреслювала дерев'яна балка з намотаним іржавим ланцюгом. У тому квадратику весь час було видно зорі. Вдень, коли сонце робило небо таким яскраво-блакитним, що аж сльози з очей, зорі були блідими, майже прозорими, але вночі, коли місяць ледь торкався своїм світлом красечка колодязя, вони ставали яскравими, і жабу навіть здавалось, ніби зорі підморгують. В такі хвилини він непорушно сидів і споглядав. Майже ніхто із сусідів о цій порі не спав, та, хоча їх цікавила сама лише їжа, до жаба ставились з повагою та легким страхом, тож намагалися поводитися тихіше.

Коли смеркало, в колодязі робилося цілком безпечно. Мало хто зі старожилів пам'ятав, щоб серед ночі чиясь рука згори шубовснула *бідю*, яка б по тому, розплескуючи воду, подалась назад у супроводі вічного «рри-ррипс, рри-ррипс». А вдень треба було пильнувати. Від початку жаб, як і решта тубільців, тулився до стінок, щоб ота біда ненароком не вкоротила їм віку. Та згодом... згодом у жаб'ячій голові оселилася і назавжди прогнала спокій думка про те, що разом з тією *бідюю* можна піднятися до зірок. Жабу здавалося, що варто лише опинитися на красечку колодязя, і до них вже рукою подати. Себто лапкою.

Тому він ризикнув. Зухвало, відчайдушно. Він ще не забув, як вперше побував нагорі, та йому здавалось, що цього разу все буде добре. Перший раз свідомо стрибаючи у відро і гойдаючись на підйомі, жаб спочатку пишався собою, потім ледь не вмер з переляку — оце влип! Хіба в той раз

дорога нагору була такою ж марудною? Жаб не пам'ятав. Його вже тихенько трусило від страху, коли яскраве сонце засліпило його, він на секунду втратив зір і рівновагу, ледь не гешпнувся назад... Зорі виявилися не такими й близькими. Правду кажучи, їх мабуть спалило оте нестерпне сонце, бо жаб їх так і не побачив, а за хвилину під пронизливий вереск відправився у тому ж відрі назад у колодязь. Подивився нагору, і побачив зірки. Неймовірно полегшення знову змінилося болем від опіків, та перший свідомий крок було зроблено. Якби ж хто знав, скільки разів його доведеться повторювати...

Його вважали найрозумнішим жабом у колодязі, і недарма. Він зрозумів, коли сонце залипає землю, ви-ра-ху-вав це за поведінкою комах, і нетерпляче ждав *бід*, щоб вибратися звідси ввечері. Тільки день за днем *біда* шубовстала задовго до смерку, а жаб не міг наважитись вийти на сонце: воно вбиває. В цьому він пересвідчився двічі. Перший раз був найжахливішим з усіх переживань малої жабки, що кілька днів назад була нерозсудливим пуголовком.

Жаб щойно потрапив сюди, у колодязь, навіть не встиг роздивитись як слід, а небо зробилося чорним, пронизливий вереск «*біда*» луною відбився від стін, жаби і жабки кинулись хто куди, і в воду впало відро. Жаб не встиг знайти шпаринку, його виром затягло до відра, що занурилось по самісінькі вінця, і не встиг оком зморгнути, як потрапив нагору.

— Диви, жабеня, — пролунало над головою, і він шубовснув на землю.

Жабу здалося, що він тільки разочок стрибнув — з тіні на сонце, — як його обпекло і розжарило з усіх боків. Мабуть, він знепритомнів, бо очуняв знову в криниці, не розуміючи, що з ним було. Зблиснула надія, можливо, йому все наснилось? Та ні, боліло від опіків тіло — він був нагорі.

Скільки спроб він зробив, спраглий змінити маленький світ колодязя на величезний інший світ? Безліч. Тільки все марно! Усі, хто витягали його з води, кидали або назад у колодязь, або під ноги, і йшли собі геть. А він залишався.

Тільки раз йому пощастило: *біда* прийшла надвечір, і він стрибав, стрибав, стрибав під ясним і холодним полум'ям зірок, вдихав солодке повітря безкраю, і мріяв... Про що він тоді мріяв? Стрибати отак до самого скону? Мандрувати, відчувати шепіт дороги і вітру? Мабуть, що так. Та потім зорі згасли, небо зробилося білим, а навкруги не було жодної схованки. Жаб помирав під палаючим сонцем, лежав, і не міг поворухнути навіть пальцем, а потім його підхопили маленькі пекучі долоньки. Жаба телітало з боку в бік, вітер висвистував милу дурничку, знайоме «рри-рипс» провістило *бід*, та обернулось спасінням: відро з холодною водою повернуло жаба

до життя. Потім його опустили до низу, у спокій і присмерк, він зарікся навіть носа потикати зі свого нового дому, і чесно намагався жити як всі.

Він довго тримався, мабуть, цілий місяць, та потім його охопила туга, така чорна і страшна, що годі було думати сховатися від неї — вона була частиною жаба. Можливо, найкращою частиною. Йому хотілося зблизька побачити зірки, як тоді, коли він стрибав по доріжці невідомо куди. Іноді здавалося, що їх можна погладити лапкою. Він знову і знову пригадував пахощі, що огорнули його на дорозі; сам того не розуміючи, починав мурмотіти пісеньку вітру, підслухану посеред степу. Він скучив навіть за сонцем — кусючим, палаючим, вбивчим — навіть за ним. Тому щоразу цибав у *відфо*, у марнім сподіванні бути вільним.

3

— Диви, знову вона! — засміялися хлопчак.

— Хто, вона? — не зрозумів Петрик, роздивляючись на різні боки, а хлопці зареготали ще дужче.

— Та ондечки!

У відрі з водою плавала жаба. І не якась там звичайна сіра жабка, яких він набачився, а дивовижна прозора жовтувато-зелена жаба в коричневу цяточку, з довгими пальцями на лапках.

— То ви знайомі? — посміхнувся Петрик.

— Майже, — заторохтіли хлопці, перебиваючи один одного. — То така дивна жаба. Вона, мабуть, несповна розуму, бо її щоразу витягають з колодязя. Що ми тільки не робили: назад кидали, копали хатку у холодку під кущами — та вона знову тікає. От хочете, побожуся! Одного разу ми знайшли її на півдорозі до Ромчиного хутора, ледь живу. Думали, що вже засохне, та нічого, прочуняла, і на другий день знову була в цеберці.

— То ти жабка-мандрівниця, — гмикнув Петрик, — чи, може, мандрівний жаб?

Хлопчак засміявся, а Петрик зняв з голови капелюха, вимочив у воді і пересадив туди жаба.

— Думаю, до дому протримаєшся, а там я тебе влаштую зручніше.

— Ой, дядьку, ви її забираєте? А нашо?

— Не «нашо», а «нащо», — знову засичав розумака і насупився:

— Ви не образите її?

— Нізащо в світі, — побожився Петрик, і приятелі серйозно кивнули. — Бувайте здорові, хлопці.

— До побачення, дядьку!

Вдома Петрик затримався довше, ніж думав, адже треба було змайструвати щось таке, у чому можна носити жаба з собою. Батьки хитали головами, але не сперечалися: марно.

— Петю, синку, нащо тобі це створіння? — тільки й запитала мама.

— Бо це такий самий мандрівний жаб, як я сам, — посміхнувся юнак. — Пам'ятаєш, скільки разів я тікав зі школи та з дому, щоб «дійти до Африки»? Звісно, пам'ятаєш. Оце таке саме непосидюче створіння. Він аж ніяк не хотів залишатися в тому колодязі, і при нагоді тікав. Хлопці сказали, що одного разу знайшли його на півдорозі до Мірошниченків... Знаєш, мамо, я от думаю, чи не страшно було йому плитати у відро? Чи не боявся, що воно його колись прибіє? Та, мабуть, зоставатися було не сила, тому...

— Тому ти мусиш поїхати, — зітхнула мама, пригортаючи до себе сина.

— Так, мамусю. Не хвилюйся, все буде добре. Як завжди.

— Йой, Петрику, та, мабуть, трохи не так. Хіба раніше ти літав на дирижаблі за кільканадцять тисяч кілометрів? Може, спробуєш таки пояснити, як то може бути, щоб дирижабель ото так далеко летів і не треба було опускаться? Раніше все було не так.

...Раніше все було не так. Маленький Петрик, який сидів у кабіні пілота і натискав усе, що можна натиснути, навіть не уявляв, що буде через десять років. Як та божевільна думка сяйнула йому в голову, хлопець не здогадувався. Він просто очманів від іспитів на атестат, від вступних у школу пілотів, та від «маленької допомоги» дядька Михайла, який до чорних мух перед очима ганяв племінника у майстерні, вимагаючи розбирати і знову складати до купи чи не мільйон різних агрегатиків, за схемами та без них, вимагав робити креслення таких мудрагельних машин, що хай йому цур і пек! Тому, на останньому випробуванні — письмовому іспиті з мовлення — він, мабуть, задрімав. Так, просто посеред екзамену. Тоді все і сталося: божевільна думка вскочила в голову, що аж гула від перенапруги, і на весь голос заявила про себе. Хлопець навіть підскаочив, ніби його вжалили, похапцем замалював на аркуші схему (втім, він міг цього не робити: вона ж бо тепер постійно стояла у нього перед очима) і вибіг із класу. Петрик мчав до ангару, де сивий дядько Михайло спочатку насварив і висміяв його, потім гмикнув, смикнув себе за вуса, наказав швидко повертатись до пілотської школи, поки його не викреслили зі списку абітурієнтів, а сам почовгав до телефону.

В дитинстві Петрик дуже помилявся щодо дядька Михайла. Він не був простим сторожем ангарів. Блискучий механік, дядько Михайло жив там, де мав змогу вдень і вночі бути зі своєю любов'ю. Поволі Петрик теж захопився «агрегатиками», виявив неабиякий хист та інтуїцію, тож дядько Михайло більше не був з племінником буркотливим стариганом, а став справжнім другом і найліпшим учителем, якого можна було тільки бажати.

Після розмови з дядьком минуло вже декілька днів, які юнак провів, як на голках, вискакуючи до дверей, щойно чув у коридорі кроки. Мабуть, думав Петрик, його здогад таки був не настільки хорошим, як спершу здалося. Та ж ні! Він знову і знову заплющував очі і бачив новий дирижабль — великий,

поважний, швидкий та ловкий, що граціозно плив над землею, не залишаючи по собі слідів у блакитному небі. Чому, запитасте ви? Через те, що на ньому інший двигун. Тепер можна на діжці з водою долетіти... а хоча б і до Африки! Так, саме до Африки, куди давно прагнуло його серце. Більше не потрібно пального. Звичайна вода, один літр на п'ятсот кілометрів доправить вас у будь-яку точку землі, ба, може, навіть і далі!

Петрик так замріявся, що пропустив тиху ходу дядька Михайла та стукіт у двері, очунав тільки почувши власне ім'я.

— Ну, що тобі сказати, хлопче? — дядько хитро примружився і смикнув сивого вуса. — Здається, я маю нагоду пишатися небожем: ти винайшов антигравітаційний двигун, але побий мене грім, якщо я хоч щось розумію! Ти ж бо весь час був у мене на очах, нічого не креслив, не випробовував... Чи таки тихцем випробовував?

Петрику дуже кортіло сказати «так», але він зізнався:

— Ні, дядьку. Я і сам до пуття не зрозумів, що то я такого нашкрібав, але був певен, що все спрацює, як треба. Еге ж, спрацювало?

— Ще б пак! — зареготав дядько Михайло. — Схема була напрочуд простою. Перший агрегатик я сам склепав з того мотлоху, що лежить у кутку. Він пробив стелю, і зник з моїх очей бистріш, ніж я бодай зойкнув.

Петрик сполотнів і розгублено закліпав очима.

— Та ж ні, ти тут ні до чого. Я ж кажу, що брав мотлох з тієї купи, що ми ніяк не вивеземо на сміття. Другий агрегатик я склав зі своїх власних деталей, він підлетів на півметра і там завис. Що я тільки не робив, аби змусити його опуститися. Зрештою, це мені також вдалося, — дядько Михайло розплився у посмішці. — Як потім з'ясувалося, він перегрівся, коли я накидав на нього пудів з десять. Тож, хлопче, допоки прибув Майстер Атроходін, я вдосталь награвся з тою забавкою. Він, зрештою, і пояснив, що ж ти такого навипридумав, і як тепер може змінитися світ. Отже збирайся, поїдеш з Майстром Атроходіним.

— Але ж, мене щойно зачислили...

— Хлопче, ти перенапружився і мозок повитікав тобі через вуха, чи з глузду з'їхав через оті свої марення? Яке зачислили, які такі пілоти? Чи розумієш ти, що там, у Атроходіна, за рік досягнеш більшого, ніж тут за все своє життя? До речі, літати тебе також навчать.

І Петрик погодився.

— Що тобі сказати, мамо? Дирижаблі рухаються в повітрі за допомогою великих моторів, що крутять пропелери, як вітер крутить крила вітряка. Цим моторам потрібно багато пального, а тепер потрібна лишень вода, але й вона іде на охолодження системи. Взагалі, тепер можна вигадати будь-яку форму для польоту, хоч би й крила, і ширяти, як птахи, дирижаблі більше не потрібні, але... ти ж знаєш, як я люблю цих велетів, тому поки що нічого

не хочу міняти. Я справді не можу пояснити до пугтя, як то відбувається. Так само ти не зможеш просто зараз за один раз навчити мене пекти хліб.

— Не зможу, — мама зітхнула, скуйовдила сину волосся і попрямувала надвір. — Ти обіцяєш бути обережним? — запитала вона від дверей.

— Так, мамуню. Обіцяю. До того ж, я не відлітаю просто зараз: ми тільки-но почали будувати. Поки дирижабль спустять зі стапелів, пройде чи не півроку, потім — польові випробування, а вже потім — експедиція. Якщо ми наберемо на неї достатньо грошей.

4

Проект був божевільним. Настільки божевільним, що навіть дядько Мишко, який завжди розумів Петрика, скептично хитав головою, вислухуючи пояснення племінника.

— Дядьку, ну чому ви сумніваєтеся! — розпачливо скрикував Петрик. — Ну ось, дивіться... — і на клаптику паперу знову і знову малював кособокого дирижабля, стрілочками вказуючи, що і як він хоче вдосконалити. Від цих стрілочок дирижабль ставав схожим на їжачка, дядько Мишко кивав, погоджуючись із племінником, та в очах світився вогник недовіри, Петрик зітхав і вкотре переконував себе, що його дирижабль допоможе йому у подорожах.

Ідея вдосконалити дирижабль не полишала Петрика ще з тих часів, як він почав цікавитися мандрівками інших. Найпершим здивуванням та захопленням була подорож Тура Хейсдала на дерев'яному плоті «Ра». Що штовхало цього дивакуватого дядька плисти плотом казна-куди, ризикувати життям?.. Здається, Петрик відчував, що саме, але сказати того словами не міг. Потім були інші книжки про мандрівників, мандрівки і відкриття; фільм про братів Райтів, які після довгих спроб сконструювати інший літаючий апарат — з крилами — таки повернулись до дирижаблів, і зуміли вдосконалити їх настільки, що стала можливою подорож, про яку раніше тільки мріяли: безпересадковий переліт через Атлантику. Вони першими зробили це, і відкрили нову еру у повітроплаванні. А Петрик зробить наступний крок. Обов'язково, от побачите!

Потім їм трапився Майстер, що в залежності від обставин називав себе то антропологом, то біологом, а іноді взагалі — лікарем широкого профілю. Побачивши Жаба він одразу назвав його якимось незвичним дивовижним словом і додав, що Жаб — африканець. Слово було геть незрозуміле, але красиве, тож Петрик і Жаб одразу відчули приязнь до відчайдуха. Це саме він, вислухавши розповідь про дирижаблі та Африку, ляснув у долоні, зарепетував «З табуретом!» і таки надав ідеї прискорення.

Майстер Атроходін довго сміявся, і казав, що такого навіть він не міг придумати: долучити до справи Мирона Віртера, якого всі друзі називали не аби як, а Паганель, а той, у свою чергу, згадає про ще одного їх однокласника, з дитинства схибленого на кіно — Толька-тридцять-третього. Цей блазень отримав своє прізвисько, бо всюди тягав за собою маленьку камеру

і признавав «только нову тридцять третю півку, бо за нею — майбутнє!» Атроходін якось не надав значення, що Толька-тридцять-третій і Роберт Завезиступ — генеральний директор телеканалу «Вперед!» — одна й та сама людина. А от Паганель пригадав і зателефонував йому, щойно трохи поблакав із хлопцем. Олександр Григорович подивився на свого юного помічника. Так, він невпинно буркотів, ніби такого недолугого асистента у нього з роду не було, ганяв Петрика по всім дисциплінам прискіпливо, як тільки міг, але Атроходін пишався ним, як власним сином. Він був радий, що хлопцеві нарешті почало щастити, його «божевільна» ідея знайшла підтримку і нестримно втілювалась у життя.

Петрикові дзвонили якісь люди, називалися прожект-менеджерами, редакторами, директорами і ще бозна-ким. Все скидалося на якусь божевільну казку — він із Жабом, відчайдухом-Паганелем, Майстром Атроходіним, набурмосеним телевізійником, чиє ім'я він не запам'ятав, і двома операторами здійснює навколосвітній переліт. Перша точка їх маршруту — Африка.

Друзі та знайомі лише знизували плечима: «Нащо тобі та Африка? Навіщо новий дирижабль? Тобі старі не подобаються? То пливви кораблем...» Але яке може бути «пливви кораблем», якщо Петрик хотів полетіти? До того ж, залишалася така дрібниця — переробити дирижабль під новий антигравітаційний двигун, зробити його зручнішим та безпечнішим для подорожей. Не міг же він зізнатися ще й в тому, що його жаб, який тепер став Жабом і мандрував разом із хлопцем, так замряно вдивлявся у нічне небо, що Петрик знову і знову переконувався — треба летіти. «Я маю показати Жабу небо, — ніби жартома відповідав хлопець на чергові запитання. — І ще — доправити його додому, в Африку». Жаб в цей час уважно спостерігав за своїм другом — чи він посправжньому, не жартує? Ідея наблизитися до неба і зірок неабияк хвилювала Жаба. Набагато більше, ніж повернення додому, якого він, до речі, не пам'ятав.

Жаб пильно стежив за рухами Петрика. Той складав наплічника, щось наспівуючи, і видно було, що те наспівування насправді від хвилювання. Жаб теж хвилювався і нетерпляче чекав, коли Петрик нарешті затягне ремінь наплічника і візьме квадратну скляну флягу, затягнуту в шкіряний футляр, який з одного боку мав кругле віконечко. Ця фляга завжди супроводжувала Петрика в мандрівках, лише Жабу, Петрикові та Майстру Атроходіну було відомо, що насправді то дорожній акваріум. Тільки так Жаб міг мандрувати, споглядаючи за довколишнім світом через віконечко.

Нарешті хлопець узяв флягу, наповнив її водою і обережно пересадив жаба всередину. Все було готове.

Крізь віконечко яскраво світило сонце. Жаб мружився, а Петрик намагався розвернутися так, щоб його друг лишався в тіні. Крізь стінки акваріуму

до жаба долинали голоси незнайомих людей, він бачив, як метушилися навколо люди з камерами, чув, як Петрик щось пояснював руській дівчині в майці з написом Hug Me, підстрибнув разом із хлопцем, коли той кинув наплічника на одне плече. Вони підіймалися трапом всередину дирижабля, і жаб раптом відчув хвилювання. Невже це все — з ним? Невже він справді мандрує і летить аж до самих зірок? Він відчув легку вібрацію дири-Жабля, коли увімкнулися двигуни, його серце поволі сповзло кудись до задніх лапок, — так само він почувався, коли підіймався у відрі з дна колодязя.

«Ось так. Дивись, тобі тут буде все видно», — здалеку почув він Петриків голос і опинився біля ще одного вікна. Біля ілюмінатора.

— Ти справді його завжди тягаш за собою? — сміючись і гойдаючи у руці камеру спитав Павло, один з операторів, що летів з ними.

Кирпатий, кучерявий, надміру балакучий Павло нудився через вимушену бездіяльність. Він і так витримав шість годин поспіль, не зронивши жодного слова (щоправда, зрідка голосно хропів), за якихось півгодини треба стільки надолужити! Телевізійники з каналу жартували, що Павла спеціально призначили на проект, аби вдома на студії відпочити від його балачок. Насправді хлопець був цілком товариським і веселим, але міг би заговорити не лише будь-який біль, але найсвітлішу голову надовго позбавити власних думок, натомість напхавши у неї своїх побрехеньок, анекдотів та запитань. Ось і зараз він, не чекаючи на відповідь Петрика, вже почав розповідати якийсь жартик.

— Йди познімай краєвид! — не витримав Паганель, демонстративно натягаючи на голову навушники.

Майстер Атроходін тільки посміхався зі свого місця, гортаючи нотатки, а Толька-тридцять-третій, що теж вирішив «покаталися» з ними, не звертав на підлеглого уваги.

— Отже, ми все ще летимо до сонячної Африки! — почав голосно коментувати Павло. — Наша команда вже знесилена анекдотами автора цих слів, тож залишимо їх відпочивати і подивимося, що робить найнезвичніший член команди! О! Він споглядає краєвид! Нуж-бо, пане Жабе, поверніться до мене, і помахайте лапкою.

Він дивився, як поволі віддаляється земля, і йому здавалося, ніби він сам, без допомоги дирижабля піднімається вгору і летить до зірок. Не в якусь невідому Африку, про яку торочать всі навколо, навіть Петрик, а туди, в блакитну прозору далечінь, що була недосяжною і від того ще більш жаданою. Жаб заплющував очі, намагаючись краще відчути політ, і якби не вода навколо і не скляні стінки його фляжки, він би справді повірив у те, що летить сам-самісінький.

Раптом шалена думка змусила Жаба здригнутися і забути про мрії. Що буде, коли дирижабль підніметься надто високо і зіб'є котрусь із зірок? Що тоді буде? Що собі думають усі ці люди, чому вони так безтурботно регочуть над анекдотами того кирпатого Павла? Невже їм байдуже до того, що може статися? Жаб захвилювався і почав борсатися у своїй фляжці, намагаючись привернути до себе увагу, та раптом побачив, що просто на нього дивиться якийсь блискуче опукле око, яке голосом Павла промовляє: «А тепер помахайте лапкою», — жаб відсахнувся і почав борсатися сильніше.

— Ти його до інфаркту доведеш! — обурено скрикнув Петрик і забрав флягу до себе.

— А він таки гарний, — промовив Паганель, розглядаючи жаба. — Можна?

Він обережно взяв фляжку до рук і почав пильно роздивлятися візерунок на жаб'ячій спинці та лапках. Жаб уже заспокоївся, тож сидів спокійно. Він чомусь довіряв цьому відчайдухові. Як довіряв другому оператору, Максиму, який жодного разу не торкнувся фляги, але жабу достатньо було один раз зустрітися поглядом, щоб упевнитися — хлопець йому шкоди не заподіє.

Паганель тим часом поліз за малесеньким нет-буком, де мав електронну версію якоїсь величезної енциклопедії. Він таки вирішив визначитися із правильною назвою Жаба (на першій зустрічі він пригадав свою пригоду з жабкою у калебасі і бовкнув «жаба-привид», як тоді сказав Сашко, а тепер прагнув докопатися до істини). Благально дивлячись на Петрика, Паганель випросив дозволу відкрити флягу. Що було потім, легко здогадатися.

Відчувши свободу, Жаб враз згадав про свої недавні хвилювання, і щоб попередити лихо, поплигав прямисінько до кабіни пілота. Хлопці заходилися ловити втікача.

— Отже, Петрусь заходить з лівого флангу, Максим — з правого! — весело коментував Павло, фіксуючи спроби спіймати Жаба на камеру. — Мсьє Паганель розгублено спостерігає! Не впустить фляжку, мсьє Паганель!

Павло сміявся, намагаючись втримати камеру, хлопці й самі пирскали від сміху, а Жаб між тим потроху долав відстань між пасажирським відсіком і місцем пілота. Він вже майже дістався мети, коли пілот сам розвернувся в кріслі, і наче таксист весело промовив:

— Південна Африка, панове, національний парк «Table Mountain»! Де накажете сідати?

— От подивися, що ти наробив, — сварився Майстер Атроходін. — Скажи мені, що стрільнуло в твою мудрагельну довбешку?

— Та я хотів глянути, що то за вид... І хто міг подумати, що ваш пілот до памороків боїться жабів?

— Ніхто. Добре, що Петрик тоді наполіг і вивчився таки на пілота...

На Паганеля було сумно дивитись. Та на дирижабль — ще сумніше.

Поважний красень лежав, пом'ятій, на боці, як величезний кит. Тепер доведеться стовбичити тут цілий тиждень, допоки все полагождать.

— До речі, я ж тобі ще давним-давно сказав, що це — жаба-привид, один з її підвидів, який відкрили два роки тому.

— Так то ж ти казав про жабеня, яке ми знайшли в калебасі, — намагався виправдатися Віртер.

— От, нещастя, — зітхнув Атроходін. — Чи знаєш ти, звідкіля в Петрика Жаб? З того самого колодязя, куди ми його запроторили!

— Невже? Не може бути!

— Ще й як може, — знову зітхнув Атроходін. — Чи ти вважаєш, що в степу з'явився розплідник африканських жаб?

— Аж ніяк... Це божевільний збіг.

— Не божевільніше за нашу милу трійцю, яка нарешті таки втілила свою мрію. Нехай з запізненням на сорок років, але...

Друзі помовчали, згадуючи, як стояли втрюх пліч о пліч і присягали «втрюх утнути таку штуку, що ніхто до них не здогадався». І нехай дирижабля вдосконалив Петрик, та ж без них трюх його мрія таки лишилася б мрією.

— Дивися, жабе, це Африка! Африка...

Петрик повільно повернувся докола, щоб Жаб в усій красі побачив цю землю, про яку хлопець мріяв з самого дитинства. Він давно навчився стримувати свої почуття, та зараз це було неможливо. Та й непотрібно. Він був таким щасливим, що ладен був розцілувати всіх та кожного, кілька разів пробігтися докола земної кулі, підстрибуючи до неба, заплакати... Кілька сльозинок уже скупчилися у куточках очей. Хлопець поспіхом зморгнув їх і озирнувся, чи ніхто бува не помітив? Та ж ні. Майстер Віртер вітався зі своїм давнім знайомцем Натандою, який цього разу взяв усіх своїх синів, ніби задалегідь знав, що народу понаїхало більше звичайного. Майстер Атраходін якимось дивом устиг поставити тент і тепер, сидячи у холодочку, гортав останній примірник одного з наукових журналів, які він випишував цілими стосами. Оператори «ловили картинку», себто байдикували, користуючись нагодою, і нікому не було діла до Петрика. Ну, то й на краще. Можна просто насолодитися тишею та спокоєм, бо завтра, як повернеться Толька-тридцять-третій, який поїхав за допомогою, здійсниться така метушня, що хай йому грець! Та це буде тільки завтра. Попереду — довгий-довгий день, і Африка.

Петрик підняв усміхнене лице до сонця, аж раптом з банки почувся різкий звук. Хлопець від несподіванки так схарапудився, що ледве не випустив її з рук, та потім здивовано вигукнув:

— Отакої! Я й не знав, що ти кумкаєш!

Коли жаб припинив свій концерт, Петрик почув неподалік таке саме кумкання, і, звісно, пішов на звук. Він побачив невеличкий ставок з густо

зарослим берегом і милу компанію майже прозорих зеленувато-жовтих жаб з коричневими цятками.

— Диви! Це, мабуть, твої родичі, — зрадів Петрик, і обережно витрусив жаба на землю. — Підеш до них? Авжеж, можна було не питати. Ну, тоді до завтра, друже! Я повернуся за тобою завтра на світанку. Будь чемним хлопчиком, добре?

Юнак засміявся і попрямував до наметів, біля яких метушився Натанда з синами. Тільки на душі чомусь стало порожньо. Невже він так прив'язався до жаба? Бути цього не може! Чи може?

— Дивись, жабе!..

Та жаб ледве чув хлопця. Петрик відкрив кришку, розігріте вранішнім сонцем повітря полоскотало жабове тіло, і було в цьому вітрові щось до болю знайоме. Африка... Дивне відчуття заволоділо ним. Хвилювання, радість і піднесення розширили жаба, він боявся, що зараз лусне, та натомість голосно кумкнув і притих від здивування. Отакої! Він може кумкати! Радість заповонила його до останку. Він кумкав і стрибав у своїй хатці, кумкав і кумкав, аж поки не стало сил. Та коли замовкнув, почув таке саме кумкання.

— Отакої! — здивовано вигукнув Петрик. — А це що за штука?

Вони пішли на звуки і невдовзі побачили невеличкий ставок, в якому співала чи не сотня жаб. Таких самісіньких, як він!

Такі самі. До цяточки. До плямочки. І пальці такі самі довгі!

Здається, Петрик ще щось говорив, та — ба! — хто його слухав? Серце жаба гупало так голосно, що він не зміг би почути слова друга, навіть якби дуже хотів. Він бачив тільки «родичів», чув лише їх голоси, і йшов прямо до них у радісній передчутті.

Дива не сталося. Не зрозуміло, чому він вирішив, що ці істоти, схожі на нього, як дві краплини води, будуть такими, як він? Можливо тому, що він прагнув бути своїм серед своїх, гадав, що схожі зовні матимуть схожі думки та почуття. Але насправді все виявилось навпаки.

Коли Жаб, не знаючи себе з радості, наблизився до ставочка, його з усіх боків оточили жаби, жабки і жабенята і заскрекотали на сотню голосів, у нього аж вуха заклало. Хтось вигукував своє ім'я, хтось запитував, хто він такий і звідкіля тут узявся, хтось вимагав прогнати чужинця, хто його знає, що той замислив. Жабенята і собі кумкали щось незрозуміле та потішне, мабуть, брали новачка на кпини. Жаб тільки розгублено посміхався до всіх, не знаючи, що треба робити. Та раптом мешканці ставка втратили до нього цікавість, і попливли-поплигали у своїх справах, а він залишився здивований і розгублений.

Кілька годин спостережень зробили своє. Жаб зрозумів, що тут все точнісінько так, як було в колодязі, з малесенькою різницею: тутешні жаби розмовляли на весь голос, намагаючись перекричати один одного, і могли галасувати всю ніч поспіль. Їм також не було ніякого діла, що коїться за межами ставка, та в колодязі Жаба хоча б не висміювали за його мрії та прагнення. Так, він був диваком, але милим нешкідливим диваком, який міг розповісти багато цікавого, онде скільки він бачив, бо стільки разів піднімався нагору! Його не розуміли, проте любили і поважали в колодязі, де він був чужинцем; його не розуміли та ігнорували на батьківщині, у родинному колі.

Він ледве дожеврів до смерку і підняв очі до неба. Зірки, чужі, незнайомі, як завжди, змовницьки підморгували тим, у кого стало снаги зазирнути їм у вічі, та Жаб відчув не полегшення — роздратування. Був би поряд Петрик, він би уже назвав на ім'я кожную зірку, з'єднав би зірки в сузір'я, розповів би якусь давню легенду, або навіть кілька. Тільки Петрика тут не було, лише самі жаби, що з настанням ночі розрепетувались ще дужче, вихваляючись одне перед одним.

Жаб з острахом роззирнувся. Він у халепі, у пастці, можливо, навіть гіршій, ніж був колодязь. Там у нього була хоча б надія, примарний шанс на здійснення мрії, а тепер у нього немає навіть надії. Невже доведеться до кону просидіти в цьому болоті, слухаючи нескінченні плітки? Невже він більше ніколи не підніметься вгору? Так, у банці, куди його саджав Петрик, було трохи задушливо, нечасто випадала нагода пострибати, розім'ятися, та попри ці дрібні негаразди, він був щасливий. Щасливий, хай йому грець! Він подорожував у товаристві друга, який прекрасно розумів його, хоч вони були такими несхожими! Хвилиночку...

— Я повернуся за тобою завтра на світанку, — так, здається, сказав Петрик на прощання.

Сказав — тож повернеться. Та як він знайде його серед цих жаб? Треба бігти назустріч, бо ж небо почало линяти, щоб не запізнитись, не прогавити, інакше... Скітати тут ціле життя? Нізащо! Бувайте, «родичі».

Жаб швидко відряпався на вологий берег і почалапав туди, де гунали людські кроки, Петрикові кроки.

Петрик протримався майже до обіду, допоки відволікали табірні клопотні, а потім хтось перекинув жабову банку, і він злякався. Згадав, що сам випустив Жаба кілька годин тому, та, на подив, не засміявся з полегшенням, а набурмосився ще більше. Красива раптом став буденним, набридливим, омріяна Африка почала дратувати: комахи, пилюка, пісок на зубах, жарти Павла діставали аж до печінок. Решту дня він намагався заспокоїтись, узяти себе в руки, зайнятися чимось; півночі чесно намагався заснути, та потім

вийшов до вогнища і сидів, загорнувшись у ковдру, поки почало линяти небо, а тоді рішуче попрямував до ставочка.

Петрик розумів, що жаб не повернеться. Хто він такий для нього? Ніхто. Випадковий попутник. Жаб тепер вдома, більше не треба нікуди спішити, терпіти задушливу банку, постійну бовтанку, можна стрибати досхочу... Петрик все розумів. І йшов до ставка. Щоб... щоб потім сказати собі, що він не кинув товариша напризволяще, дотримався слова і повернувся. А те, що товариш більше не хоче з ним мандрувати, це інша справа...

Щось голосно шубовскало у воду — жаби. Повтікали, як побачили цього здорованя. Повтікали. Всі до одної. Можна повертатися до табору, пакувати речі, і вирушати в довгу мандрівку слідом за Натандою та майстром Віргером: щоб не гаяти час, поки будуть лагодити дирижабль, вони дослідять...

— Квак! Квак! — пролунало під ногами Петрика.

Хлопець присів навпочіпки, і серце його шалено загуло.

— Це ти! Справді, ти!

— Квак! — обізвся до Петрика жаб і стрибнув у простягнену долоню. — Квак!

— Ох ти, мандрівний жаб! — усміхнувся юнак і чимдуж побіг до табору.

Жаба кидало з боку на бік, та він прикрив очі і мріяв про нову подорож.

А. БОЙКОВ, С. ЖАРКОВСКИЙ

ГОТОВЫ ЛИ ЗЕМЛЯНЕ К КОНТАКТУ В ЭПОХУ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО НЕОЛИТА?

...инструкция 06/3:

*«При обнаружении на планете признаков разумной жизни
НЕМЕДЛЕННО стартовать, уничтожив по возможности
все следы своего пребывания...»*

А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике

Причиной написания этой статьи стали жаркие споры, разгоревшиеся в русскоязычном секторе Всемирной паутины после того, как фильм Джеймса Камерона «Аватар» с оглушительным успехом прошел в кинотеатрах страны. Впрочем, речь пойдет не об «Аватаре», а о проблеме, которую стороны, спорящие о «предательстве» или «не предательстве» главного героя, практически не упоминают, а именно, о проблеме Контакта с чужим разумом.

В мировом и, в частности, голливудском кинематографе (после «Космической одиссеи» Кубрика) проблема Контакта вообще представлена бедно. Есть фильмы, наподобие «Чужих», «Хищников», «Особей», «Звездного десанта», в той или иной форме переигрывающие сюжет Уэллсовской «Войны миров» (плохие инопланетяне нападают на нас). Есть фильмы о том, как земляне спасают чужие народы, вмешиваясь в их собственные конфликты («Флеш Гордон», «Планета обезьян»). Есть фильмы об умных инопланетянах, помогающих людям («Контакт», «Кокон»). И, собственно, все. Особняком стоит фильм Вольфганга Петерсона «Враг мой», в котором ловко оставлена в стороне проблема собственнических притязаний рас — драк и человек оказываются на нейтральной планете, да и, по сути, война ведется в «нейтральных землях»: ни мы, ни драки не лезем на чужую территорию. Позднейший кинематограф о проблеме Контакта позабыл и вовсе: эпопея Лукаса (в том же ряду окажутся «Звездный путь», «Вавилон 5») включила все разумные народы в некую систему. Если строго разобраться, особенной разницы между нами и другими,

как бы ужасно «они» не выглядели, не заметишь — все одинаково пьют, дерутся, влюбляются, плетут интриги, то есть ведут себя вполне по-человечески. Даже в замечательной «Миссии Серенити» пожиратели оказываются собственным человеческим неудавшимся экспериментом — иного разума вовсе нет.

Между тем, проблема Контакта в фантастической литературе ставилась и, так или иначе, решалась неоднократно. И варианты вроде а) чужаки плохие, их надо уничтожить, б) чужаки неплохие, но неразвитые, им нужно помочь, в) чужаки умнее нас, они нам помогут, решат все наши проблемы отнюдь не самые показательные. Первый вариант, требующий уничтожения или, как вариант, эксплуатации других форм разума — это психология хищников, животных (но мы-то люди? «человек» все еще звучит гордо?). Популярна также тема вирусов, которые не являются даже полноценными организмами и, по сути, паразитируют на прочих видах, и, главное, сами по себе никогда бы не выжили. Другие два варианта антропоцентричны, то есть предполагают иной разум сходным с человеческим. Вариант прогрессорства (наполовину с тотальным истреблением) мы уже отработали на Земле, между прочим, в эпоху завоевания Америки: принесли индейцам христианство, «огненную воду», карабины. Не очень красиво в итоге получилось. Согласитесь, если вести речь об Ином разуме, ограничиваться этими вариантами наивно и вредно. Тут к месту вспомнить фильм «Солярис» Андрея Тарковского, а именно причины, по которым Лем невзлюбил экранизацию: вместо проблемы Контакта, ключевой для Лема, Тарковский показал большое космическое Зеркало. Зеркал в кинематографе было много, а Контакта так и не получилось, увы.

Так вот, Клиффорд Саймак, Станислав Лем, Урсула Ле Гуин, Стругацкие и другие писатели-фантасты высочайшего уровня в вопросах Контакта сходился на следующем: разум есть самое ценное во вселенной, в частности, чужой разум. Спасение и сохранение разума — задача более важная, чем любые соображения выгоды, удобства, престижа и т. п., может быть, чуть менее важная, чем выживание собственного вида (разума), а может быть, ровно настолько же. Это не предполагает беззащитности перед возможным агрессором, но боеготовность в данном случае играет роль здорового иммунитета. С плохим иммунитетом, например, в джунгли вообще лучше не соваться. Таким образом, идти на осознанный Контакт с иным разумом имеет смысл, только если цивилизация (человечество) принимает вышеуказанные ценности, или, проще говоря, не стоит лезть дальше орбиты своей планеты, если головой работаешь меньше, чем каменным топором. Ряд простых логических умозаключений показывает, что это справедливо для любой цивилизации, называющей себя космической.

И вот в последний месяц перед наступлением космической эры (2010 год, «Одиссея-2», между прочим) вышел «Аватар» — красивая сказка про синих индейцев-на'ви, взбунтовавшихся против выгоняющей их с собственной

территории земной корпорации, которой индейцы помешали добывать редкий и невероятно дорогой минерал. Ну, взбунтовались и взбунтовались, чего же боле, но дело осложняется тем, что вполне земной персонаж Джейк Салли, бывший солдат, и горстка земных ученых переходят на сторону синих аборигенов и помогают тем выпроводить с планеты зарвавшихся землян. Далее происходит нечто невероятное.

Вспору бы предположить, что после фэнтези-блокбастеров последних лет (где эльфы, гномы, люди, орки, драконы и прочие разнородные элементы запросто объединяются и начинают войну по принципу плохие-хорошие) у зрителя должен был выработаться иммунитет к расизму, тем более, что синие на'ви ничуть не менее человечны тех же эльфов и гномов и уж совсем не напоминают каких-нибудь «чужих» и «хищников». Однако вслед Джейку Салли кое-кто выкрикивает обвинение: «предатель человеческой расы». И именно такая формулировка позволяет нам вспомнить забытое слово «Контакт». Ведь если бы конфликт людей и на'ви не выходил за рамки индейцы / белые можно было бы рассуждать в человеческих категориях, однако вопрос поставлен о человеческой расе против чужой, то есть против иного разума.

При таком раскладе фильм Камерона можно уже называть фильмом о Контакте. В статье мы нарочно не будем касаться вопроса «предатель» / «не предатель», но лишь проанализируем фантастическую составляющую столкновения с иным разумом и сделаем выводы на основании зрительской реакции. Контакт в «Аватаре» «тепличный», прямо-таки мечта ксенолога. «Другие» здесь это не насекомообразные «чужие», которые плюются кислотой раньше, чем выслушают. Это не «хищники», которые вообще не слушают (в самом деле, кому интересно мнение дичи на охоте?), и даже не ставящий непонятные опыты на людях красный океан. Это вполне милые синие кошкообразные, с луками и копьями, которые были даже настолько любезны, что выучили земной язык: люди и здесь начали с прогрессорства, но обнаружили, что ни на кой ляд не нужны вполне самодостаточным туземцам.

Как должны вести себя люди на чужой планете, если они обнаружили разумную жизнь, при условии, конечно, что они уже избавились от комплексов антропоцентризма и других, более глубоких? Во-первых, никаких разработок без разрешения аборигенов (а лучше — и с разрешением) на чужой планете как бы удобно, выгодно и, вообще, соблазнительно это не было. А если аборигены намекнули, что, мол, хватит, завязывайте, не нужно нам ни «огненной воды», ни «гимнаста на кресте», значит, нужно завязать, потому что не мы — «они» здесь хозяева. Это их дом и их неприкосновенная личная собственность.

И тут можно привести наглядный пример, не обращаясь к высоким материям и идеалам. Просто ведь и к Земле однажды могут прилететь те, которые с бластерами, с технологией сворачивания пространства, с гипердвигателями. Вот прилетят они завтра, а мы еще на Луне всего ничего раз

были. А они глянут со своей высокотехнологичной колокольни и решат, что такая красивая, уютная и удобная планета, как Земля, в общем-то, заслуживает большего, нежели человечество. Из добрых побуждений, так сказать, все поправят. Поэтому и нужно считать любой разум самым ценным достоянием вселенной, глядишь, и нас за разумных примут.

Как ведут себя люди в «Аватаре»? Примерно так же, как на родной планете сейчас, в данный момент: выгода корпорации выше каких-либо культурных, исторических и иных ценностей. О Контакте вообще никакой речи, индейцев надо выселить — и баста. Не хотят мирно, значит, нужно оказать «посильную помощь». Не где-то на нейтральной территории, на которую две расы могут претендовать и тут возможны варианты, но на родной планете, в собственном «доме» на'ви. В опросе, проведенном на сайте «Лаборатория фантастики» (читающая грамотная аудитория!) примерно четверть проголосовавших признала Джейка Салли «предателем человеческой расы, Земли и человечества». Это означает, что как минимум эта четверть зрителей ассоциировала Джейка с Землей и человечеством, а на'ви — с «другими». По сюжету фильма на'ви не угрожают ни Земле, ни человечеству: корпорация убирается с Пандоры обратно на Землю, скорее всего, за подкреплением. Джейк Салли может считаться и «предателем» человечества и «не предателем». Важны условия: Джейк — предатель человечества и Земли в том случае, если основной курс человечества и Земли в вопросе Контакта — конкиста, то есть уничтожение рас, представляющих опасность, и эксплуатация прочих, захват любых представляющих интерес для человечества ресурсов, культурных и иных ценностей. Если курс человечества, Земли и расы таков, да, Джейк однозначно предатель и Земли, и человечества. Если же цель человечества в налаживании Контакта, в поиске взаимодействия, в безусловном сохранении культуры и ценностей обеих цивилизаций, тогда Джейк не может быть назван «предателем человечества» (предательство корпорации, «своих», полковника нас не интересует).

Итак, четверть опрошенных считает, что Джейк — «предатель человечества», следовательно, четверть опрошенных признает за человечеством неотъемлемое право на завоевания, экспансию и прочее, что мы наблюдали в человеческой истории и по сей день наблюдаем. Проще говоря, четверть голосовавших считает, что каковы бы ни были действия людей на чужой (!) планете, «свои» должны друг дружку поддерживать, в частности, не мешать «своим» топтаться на осколках уничтожаемой цивилизации.

Несмотря на ироничный тон предыдущего замечания, вопрос человеческого поведения в Космосе не столь однозначен, как это может показаться. Об этом же вели спор герои «Малыша» Стась и Майка. Должен ли Космос стать продолжением Земли, то есть подчиниться привычным для человека законам, стать уютным и удобным для человека, либо человек в Космосе должен измениться, стать «человеком галактическим» — частью сложной системы разнородных, взаимодействующих между собой планет

и цивилизаций. Но даже это — продолжение еще более древнего спора о том, что есть природа — храм или мастерская. Одно понятно, если природа — мастерская, а Космос — это продолжение Земли, тогда ни о каком Контакте речи идти не может. У «других» всегда будет «другое» мнение, и они всегда будут помехой, преградой, которая должна быть убрана с прямого пути Человечества. А чтобы потешить самолюбие и козырнуть «гуманизмом» и «гуманностью», оставшихся синих аборигенов — в заповедники и резервации. Если содержание заповедников окажется чересчур накладным, поставить кассира перед входом, пусть туристы оплачивают содержание. Тут же воткнуть лотки с сумочками из кожи драконов и сувенирами из когтей и клыков шестипалых хищников. Если же все-таки «Контакт» — значит, в чужой монастырь, да со своим уставом никак нельзя. И тут следует отметить, что сравнение с «Малышом» Стругацких неслучайно. В «Малыше» цивилизация на планете «замкнулась», на Пандоре на'ви тоже пожелали прекратить отношения с землянами — не совсем, но замкнулись. Земляне в «Малыше» свернули проект «Ковчег» моментально («Конец «Ковчегу», — сказала Майка, — Жалко»), хотя ценой было спасение другого разума, других обитателей вселенной, чья родная планета грозила погибнуть. В «Аватаре» у землян единственная причина притязаний на «Пандору» — выгода. Но даже при таких, казалось бы, очевидных условиях, через десятки лет после того, как был написан «Малыш», четверть опрошенных обвиняет Джейка в «предательстве Земли и человечества».

Сам по себе «Аватар» довольно прост. Здесь есть явное разделение на хороших и плохих, и сюжет выстроен таким образом, чтобы у самого недалекого зрителя создалось «правильное» мнение: не во всем стоит поддерживать «своих», тем более, если «своим» ничто не угрожает. На это работают предусмотренные сюжетом установившиеся отношения с на'ви (возможность говорить и понимать), и тот факт, что Джейк — инвалид, оставленный без помощи социальной системой Земли, и в какой-то мере имеющий право на обиду, и «маменькин сынок» менеджер корпорации, которому важна только прибыль, и полковник, уговаривающий Джейка шпионить, и унижения, которым подвергают Джейка «свои», и почти стерильная / идеальная положительность и невинность на'ви, которые отпускают в конце концов захватчиков, и «чужая» возлюбленная героя.

Но ведь правила Контакта едины для любого случая, даже если переместить конфликт «Аватара» в другие Камероновские декорации и чуть-чуть модифицировать сюжет. Например, земной корабль прилетает на планету насекомообразных разумных «чужих» (предположим, что те явной агрессии не проявляют, тоже сидят в своем мире, но гораздо менее симпатичны, чем на'ви). При первой же попытке контакта у главной героини-ученой (антипод лейтенанта Рипли) погибает муж и друзья, а сама она оказывается на планете и наблюдает здесь сложную иерархию: «чужие» — доминирующая раса, а у них есть полумозговые, похожие на обезьян, симбиоты,

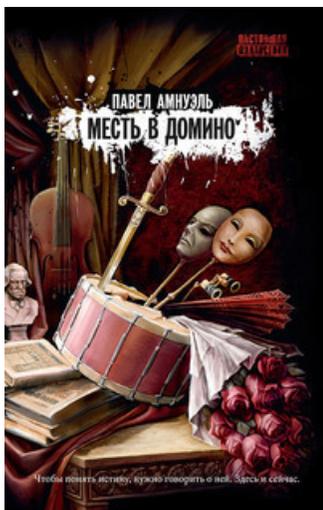
которых «чужие» используют для оплодотворения и выращивания детенышей. Далее земляне совершают нападение, чтобы спасти героиню и других выживших и тем самым наносят значительный ущерб экологии и аборигенам. Кроме того, недалёковидные начальники принимают решение о спасении обезьян от рабства и уничтожении насекомых, если те не дадут свободу обезьянам. Героиня против: она-то успела узнать, что обезьяны не гибнут при рождении «чужих» детенышей, за тысячи лет эти два вида достаточно приспособились. Она бежит к «чужим» и организует сопротивление, землян изгоняют. Не правда ли, напоминает «Эдем» Станислава Лема по-голливудски? В кинематографе тоже есть аналог — знаменитая экранизация книги Джеймса Клейвела «Сегун». Как вы думаете, каков в этом случае был бы процент проголосовавших за «предательство», а каков — за «не предательство»? Какой вариант выбрали бы Вы? А ведь и в случае с нами, и в гипотетическом контакте с «чужими» начальные условия одинаковы: земляне прилетают на чужую, населенную разумом планету, аборигены не угрожают Земле, и, значит, поведение землян и в том, и в другом случае должно подчиняться одним и тем же правилам.

Строго говоря, конечно, вряд ли Камерон замыслил «Аватар» как историю о Контакте. Это, может быть повесть о становлении личности или метафора столкновения помешанной на выгоде технократии против биологически цельной системы, или ремейк «Покахонтас», или даже история завоевания Америки на новый лад, однако фильм Камерона оказался хорошей лакмусовой бумажкой. Он оказался еще одним зеркалом, которое четко показывает, насколько мы не готовы даже размышлять о Контакте. И это после того, что десятки лет назад написаны «Эдем», «Солярис», «Фиаско», «Планета Роканнона», «Трудно быть Богом», «Малыш». Может статься, что сейчас человечество готово к Контакту даже меньше, чем тогда, когда Лем, Стругацкие и Ле Гуин писали свои книги. Мы, фактически, застряли в неолите, хотя на дворе постиндустриальная эпоха информационных технологий и телекоммуникаций, и продолжаем мерить вселенную по-обезьяньи. И не дай Бог нам сейчас столкнуться с другим разумом. Если это будут «чужие», уже освоившие космические перелеты, нам, только выкарабкивающимся на орбиту Марса, в такой войне туго придется, а действовать разумом, судя по всему, не наш конек. Не дай Бог также, это будут наивные и доверчивые инопланетяне, которые сами пойдут на Контакт, — испортим ведь сразу и без сомнений, как это произошло в рассказе «Бетономешалка» Брэдбери, растопчем все самое лучшее в них, бесповоротно уничтожая непонятную культуру (вслед за майя и ацтеками). Во всех остальных случаях Контакт нам не грозит.

«Они» просто к нам «не прилетят», как сказал в одноименном рассказе Айзек Азимов. И слава Богу.

ГАЛИНА КАРГАЛЬСКАЯ

ИГРЫ РАЗУМА В ДОМИНО

Павел Амнуэль. Месть в домино. — М.: Снежный ком, Вече, 2010. — 384 с.

Всегда интересно брать в руки новую книгу, а если это к тому же роман известного автора, то интерес возрастает вдвойне.

Сюжет романа, в принципе, не нов. Загадочное убийство, добрый и злой полицейский, невинный герой, попавший под подозрение, несмотря на железное алиби, и параллельно — историческая линия, повествующая о создании одной из опер Дж. Верди, вокруг которой и строится вся конструкция произведения.

Вообще-то, Павел Амнуэль выбрал для своей книги очень необычную историю, которую, на первый взгляд, практически

невозможно обыграть, хотя сама по себе она весьма интересна.

Неприятности сопровождали оперу Верди с начала и до конца, ее писали и переписывали, разрешали и запрещали, называли и переименовывали. «Густав III, или бал-маскарад», «Месть в домино», «Бал-Маскарад» — нет уважаемый читатель, это не три разные оперы, это названия той самой оперы, которая с болью и кровью прорывалась на сцену, натываясь на недовольство властей и рогатки цензуры. В конце концов, с измененным либретто, новыми героями и местом действия она получила право на существование и дебютировала в Риме 17 февраля 1859 года в театре с весьма символическим названием — «Аполло», символическим не только для самой оперы, но и для разбираемой нами книги.

Однако, изменив историю и место действия, опера утратила часть своей остроты, потеряла в напряжении действия и в характерах героев, а отказ Антонио Сомма поставить под урезанным либретто свое имя (на афишах стояло «NN»), смогло добавить постановке только интригу, но не спасло ее от посредственного исполнения. В книге все изложено очень подробно и исторически верно, поэтому особенно заострять внимание на этой линии более незачем.

Второй неожиданностью для читателя наверняка окажется сам стиль и манера повествования. Медленное, тягучее действие, слабое развитие сюжета (имеется в виду — нет неожиданных поворотов, находок улик, которые помогают раскрыть преступление). Постоянное топтание на месте, а от попыток главного героя объяснить что-то инспектору начинаешь откровенно скучать. Сам же инспектор, который с неистовым упорством требует ответа на свои вопросы и в то же время не желает ничего слышать, к концу первой части вызывает не только недоумение, но и откровенное раздражение. К концу третьей главы может возникнуть стойкое желание закрыть книгу и никогда больше не открывать...

И тут мы спотыкаемся о третью, самую большую неожиданность: выясняется, что к этому моменту книга полностью завладела тобой и отложить ее просто невозможно. Честно говоря, осознав сей феномен, я просто усилием воли отложила роман, чтобы обдумать и понять, как это получилось. Но тут меня подстерегала неудача: прежде, чем придти к каким-то выводам, я обнаружила, что вновь взялась за роман. Продолжая читать и анализировать, я поняла, что книга гораздо сложнее и интересней, чем может показаться вначале. Она настолько мифологична и символична, что остается только снять шляпу перед автором.

Начнем с того, что действие происходит в театре, да еще и в Бостоне, городе, который называют «Американскими Афинами». Здесь же выступает певица, рядом с которой постоянно находится ее возлюбленный, известный физик. В опере, которая ставится на сцене театра, происходит убийство, которого удалось избежать сто пятьдесят лет назад. У вас не возникло никаких ассоциаций? А зря.

Вернемся к самому началу. В древности театр — это место священнодействия, которое ассоциировали с играми разума, с познанием самого себя, перевоплощением. В театре безраздельно царили музы — покровительницы искусств, а рядом с ними их божественный, справедливый и непреклонный водитель муз — Аполлон Мусагет (как тут не вспомнить название театра, в котором впервые была исполнена опера?). Именно Аполлон в Древней Греции дарил актерам, музыкантам, поэтам, ученым божественное вдохновение, и, между прочим, именно он отвечал за науку математику.

Большинство из нас даже не задумываются, что прекрасный и утонченный Аполлон был одним из самых грозных богов античного пантеона Эллады, а ведь это именно так. Его боялись и чтили не потому, что он карал клятвопреступников и покровительствовал искусствам, нет, этот бог изначально владел искусством счета. В его обязанности входило считать живые и мертвые души, дабы не нарушилось равновесие вселенной, он держал в руках математическую систему мироздания, и поэтому его невозможно было обмануть или подкупить. В магической системе ценностей умение считать, магия чисел основа одной из основополагающих наук.

Кстати, магическая идея божественности математики, которая может как разрушить, так и спасти мир, изумительно изображена в старом советском мультфильме «Козленок, который умел считать до десяти». Ведь именно незнание математики приводит к тому, что корабль начинает тонуть, а умение козленка посчитать, то есть произнести магическую формулу, спасает героев. Это именно то, чем изначально занимался Аполлон, и этой силой и знанием он и был так страшен, и именно это мы можем увидеть в книге Павла Амнуэля.

Ученый физик, опекающий свою музу и вдохновленный ею, позволяет себе пофантазировать, сделать ряд определенных допущений и расчетов, короче — игры разума, не так ли? И именно это приводит к тому самому убийству, с которого и начинается эта история.

Если у кого-то остаются еще хоть какие-то сомнения, то достаточно посмотреть на имена героев. Не знаю, специально автор подбирал их или действовал по наитию, но они говорят сами за себя.

Андрей — мужественный, мужчина, кто может отказать Аполлону в мужественности? Его муза, Тамара, прекрасна, как стройная финиковая пальма, от нее исходит аромат томления и силы. Как видно из толкования этого имени, она призвана очаровывать и вдохновлять.

А вот имена двух детективов, ведущих следствие, весьма интересны. Они являются полной противоположностью характерам. Такое впечатление, что автор специально «отзеркалил» имена и характеры, разместив их, к тому же, в противоположных концах света.

В Америке это Кевин Стадлер. Не смотря на то, что Кевин переводится как красивый, нежный, добрый, этот человек тверд, упрям и негибок. Он настолько заиклен на своей идее, что отказывается даже слушать о любых других направлениях, идущих вразрез с его мыслями. Ну, а если то, что ему говорят, еще и непонятно... Но, в тоже время этому человеку нельзя отказать в профессиональном чутье и способностях, хотя руководствуется он здесь скорее подсознательными мотивами. Наверное, не зря в Германии имя Кевин является одним из самых непопулярных.

А его коллега Петер Фридрихолм из Стокгольма, несмотря на каменное имя (Петр — камень), оказывается достаточно гибким и восприимчивым человеком, чтобы по нескольким намекам прийти к нужным и совершенно верным выводам.

Кстати, в объяснениях главного героя и майора Фридрихолма кроется еще один камень, о который могут споткнуться читатели. Идея множественности миров и ветвления их в момент выбора своего пути каждым человеком не нова, но не очень понятна большинству читателей. Они просто принимают на веру это утверждение. Автор попытался более подробно объяснить эту теорию на страницах своего романа, именно поэтому временами создается впечатление, что напротив тебя стоит профессор и читает лекцию по физике (в какой-то степени это так и есть). Неподготовленного

человека это может утомить и заставит пропускать целые куски, а ведь именно в них кроется разгадка самого преступления.

Но самое главное, о чем говорит роман, это ответственность каждого человека, а уж ученого в особенности, за каждое свое слово, каждое открытие, каждое изобретение.

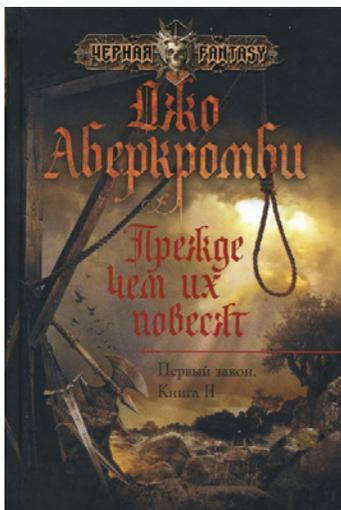
Вот ведь, поиграл Андрей своим разумом, сделал доклад о судьбе оперы Верди, проследив все ветвления и решения, произошедшие от наших дней до времени ее создания, и кинжал из тысяча восемьсот пятьдесят девятого года поразил двух артистов, занятых в этой опере, в начале двадцать первого века.

Наверное, недаром говорится: «Вначале было слово». И слово, особенно произнесенное, несет в себе гораздо больше энергии и силы чем может показаться, так что осторожней с идеями и словами, господа! Чтобы не пришлось потом каяться.

Ну что ж, маски сняты, все точки расставлены, но оценить книгу по-настоящему, может только читатель. Поэтому, смелее, не бойтесь, если вы чего-то недопоняли, читайте и составьте свое собственное мнение, оно-то и будет самым верным.

ИВАН ПОПОВ

ПУТЬ К СЕБЕ

Джо Аберкромби. Первый закон. Книга 2. Прежде чем их повесят. — М.: Эксмо, 2010. — 672 с.

Первый роман Джо Аберкромби стал в свое время событием. Еще бы, ведь эта книга в жанре фэнтези, с неподражаемым изяществом балансирующая на грани между засаленным, грязно ухмыляющимся штампом и издевательски острой новизной, да к тому же густо замешанная на фирменной черной иронии, не могла оставить читателей равнодушными. Поэтому не следует удивляться тому, что я с нетерпением ждал продолжения, надеясь на то, что Аберкромби сможет еще раз меня удивить.

Надо сказать, что ожидания мои вполне оправдались, хотя и не совсем в том ключе, на который я простодушно рассчитывал. Дело в том, что основой странного очарования «Крови и Железа», источником ее магии для меня была ирония, пронизывающая вымышленный мир, подобно магическим потокам. Я знал, что магия уходит из мира, от Байяза, первого из Магов. Черт возьми, я даже верил этому старому лжецу, но я никогда не рассматривал серьезно мысль о том, что и ирония автора растает столь же легко, сколь и дым на ветру. Что ж, пришло время учиться на своих ошибках.

Вторая книга трилогии сильно отличается от первой. Происходящее неожиданно стало казаться очень серьезным. Увеличился размах действий, в то время как темп событий, напротив, замедлился, словно для того, чтобы подчеркнуть смену настроения. Изменились ориентиры автора. Теперь его в первую очередь интересуют не события сами по себе, а творцы этих событий — люди.

Яркие образы героев — это несомненная удача Аберкромби. Каждый из них способен вызвать едва ли не всю гамму чувств: симпатия то и дело сменяется страхом или отвращением, но никогда — скукой и безразличием. Даже у второстепенных героев есть те черточки, которые делают их запоминающимися, что уж тут говорить о героях главных. И знаете, что самое невероятное? Динамика развития героев — не пустой звук для

автора. Их характеры действительно меняются под действием обстоятельств. Непостижимо, но меняется даже Джезаль дан Луфар!

Книга динамична, хотя Аберкромби делает все, чтобы это скрыть. Замечу, что важной частью маскировки является рутинная описаний. Одни и те же эпитеты, одни и те же сравнения и синтаксические конструкции используются автором из раза в раз, из книги в книгу. Немного терпения — и вот уже читатель выучил на память все мучительные ощущения Глокты. Немного удачи — и за рутинной осталась незамеченным подлинное содержание. А это значит, что обман удался.

Но вернемся к сюжету, основному фактору, влияющему на развитие героев. В произведении можно выделить три основные сюжетные линии. Первая из них — это путешествие на край света в славной компании северянина Логена Девятипалого, для которого время бенефиса еще не наступило, чересчур разговорчивого брата Длинногого, странноватой Ферро, пустоголового Джезала, для которого судьба в лице Первого из Магов подготовила нечто совершенно иное, чем карьера обычного офицера, и ученика Байяза Малахуса Ки. Осталось упомянуть только инициатора похода — самого Байяза, старого пройдоху, лжеца и куда более могущественного человека, чем это может показаться на первый взгляд. Классический поход партии приключенцев за могущественным артефактом, не так ли?

За туманом вечных боев, обыденных, как порция овсянки по утрам, за описаниями неведомых земель, историческими экскурсами и подробностями мироздания скрывается процесс постепенного изменения героев. Рутинная путешествия скрадывает детали и обманывает ожидания. Обретенный в итоге артефакт воспринимается, словно глоток свежего воздуха, заставляющий аплодировать автору.

Вторая сюжетная линия — это злоключения свежее испеченного Наставника Дагоски, блистательного Занда дан Глокты. Интриги, расследования и фирменное чувство юмора инквизитора — что еще нужно для успеха? Конечно, удача и деньги, ведь из гибельной игры Закрытого Совета инквизитору Глокте не выйти.

Третья сюжетная линия посвящена военным действиям на Севере. Это линия войны — прямой, жестокой и настолько честной, насколько вообще может быть честной война в фэнтези-мире. Это линия людей войны — Названных, бывших спутников Логена Девятипалого, карлов Бетода и майора Коллема Веста. Линия, за которой человек может либо вернуться в грязь, либо бесспорно измениться.

Три сюжетные линии. Огромное количество событий. Вот только вторая книга гораздо менее самодостаточна, чем первая. Всю проделанную автором работу можно охарактеризовать не более как подготовительную. Роман только ставит вопросы. Большинству героев только предстоит в полной мере раскрыться. Не правда ли, в этом есть определенная доля иронии?

Если честно, то весь роман — это не более чем затишье перед бурей.

ККК72

В РИТМЕ ПАНК-РОКА

Чайна Мьевиль. Крысиный король. — М.: Эксмо, 2008. — 416 с.

Свое знакомство с творчеством Мьевилья я начал с детского «Нон Лон Дона», а вот теперь, наконец, добрался и до рассчитанного на другую аудиторию «Крысиного короля». Произведение оказалось вполне достойным, особенно учитывая, что это — дебютный роман автора. Первое, что бросается в глаза — чрезвычайное сходство «Крысиного короля» с романами Нила Геймана.

Во-первых, одной из главных идей произведения является выход за привычные рамки существования. Так же, как и у Геймана,

герой романа Сол Гарамонд вырван из своего привычного существования в Лондоне под угрозой немедленной гибели. Точно также он оказывается в подземном Лондоне — не таком волшебном, но и не таком пугающем, как у Геймана, зато не менее отталкивающим. Точно так же с героем происходят разительные изменения: ничем не примечательный молодой человек становится наполовину крысой. Причем изменения происходят не только с его внешним обликом и способностями, но и с характером и даже моралью. Точно так же он сталкивается с существами, наделенными необычными способностями — королем крыс, повелителем птиц и даже владыкой пауков Ананси. Точно так же по следу Сола идет могущественный враг, пытающийся расправиться с ним. Точно так же в произведении немало неаппетитных подробностей, начиная от пожирания Солом и Крысиным королем всяких подгнивших объедков и заканчивая сценами кровавых расправ злодея над своими жертвами.

Учитывая, что «Король» написан раньше, чем «Американские боги» и «Дети Ананси», но позже «Задверья», стоит, видимо, говорить не о плагиате, а об общих идеях, которые популярны среди британских авторов.

В романе немало недостатков, показывающих несовершенство писательской манеры тогда еще начинающего автора. В ряде мест сюжет заметно

провисает. Длинные отступления, связанные с музыкой, заметно сбивают с ритма повествование. Очень уж много места уделено второстепенному музыкальному направлению, видимо, очень любимому автором. Поведение Сола и его отношение к друзьям выглядят порой слишком наивно. Линия инспектора Краули вообще оказывается оборванной на полуслове.

Немного не доработал автор и образы основных действующих лиц, хотя задумка оказалась очень интересной. Все-таки образ Дудочника получился слишком карикатурно негодяйским. А вот Крысиный король — самый противоречивый персонаж романа — очень хорош. Неплохо показано развитие образа Сола. Друзья же Сола — всего лишь бледные тени.

И все же перед нами не просто ухудшенная копия Геймана. В романе есть немало удачных эпизодов, которые произвели на меня сильное впечатление. Причем эпизоды эти очень разноплановые. Здесь и трогательные воспоминания Сола о своем отце, и бегство из тюрьмы и осознание героем новых возможностей, и эффектная сцена поединка на автобусной стоянке. А еще очень много внимания автор уделил Лондону в самых разных ракурсах. И эти эпизоды написаны с явной любовью к своему городу. Любопытно было посмотреть и на представителей левой идеологии в Британии. Вообще, автор вложил в роман много личных впечатлений, переживаний, пристрастий, и это, с одной стороны, кажется немного наивным, а с другой стороны, придает роману искренности.

В итоге, несмотря на заметные недостатки, «Крысиного короля» я прочел с удовольствием. Смело рекомендую его поклонникам магического реализма, городской фэнтези вообще и лично Нила Геймана в частности.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

«МОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ВСЕГДА ПОЛНЫМ-ПОЛНО...»

Один из героев фильма-сказки Павла Арсенова «Король-олень» был уникалом: он мог пьянеть «по памяти». Иными словами, его воображение было настолько живым и сильным, что оно — по желанию персонажа — всегда могло ввести его в алкогольный транс любой степени тяжести. К сожалению (или, к счастью?), у нормальных людей личный «воображафрум» не развит до такой степени. Однако, к счастью (или, к сожалению?), есть на свете мастера кино, способные выдать зрителю иллюзию любой степени безумия: от простенького, детского, до сложно организованного и готового, если что, подменить собой реальность...

Фея-хоккеист

Про разнообразные приключения Санты-Клауса в Голливуде снято немало фильмов-сказок. Есть среди них ленты о том, как обычный человек становится Сантой, есть даже про семейную жизнь Санты и про его брата-раздолбая (в трудный момент спасающего родственника), но в любом случае существо в бороде и красно-белой шапке есть фигура сакральная. Тот, кто обидит Санту, или даже тот, кто в него не верит и тем самым разрушает детскую мечту о нем, будет жестоко наказан... Фильм Майкла Лембека «Зубная фея» (Tooth Fairy, США — Канада, 98 минут, «XX век Фокс СНГ», 2010) снят по сходной схеме — с той лишь разницей, что речь в нем идет о Зубных феях (ЗФ). Эти сказочные создания у нас почти не известны, в отечественном пантеоне аналогов у них нет, а вот в Штатах эти крылатые создания, выкупающие у деток выпавшие молочные зубы

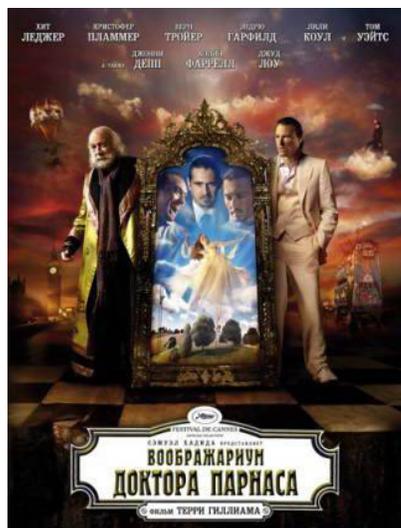
(доллар — штука), очень популярны. Потому-то наказание за высказанное при детях неверие в ЗФ не менее жестоко, чем воздаяние за сомнения в Санте: таким образом хоккеист-ветеран Дерек Томпсон (Дуэйн Джонсон), пребывающий в низшей лиге и оттого обозленный на весь мир, должен сам отработать две недели на «должности» ЗФ. Ему, который за свою хоккейную карьеру, выбил на поле не один десяток зубов своих противников, теперь под руководством фея-куратора Трейси (Стефен Мерчант) придется лично заниматься обменом однодолларовых купюр на детские зубы. И при этом следить, чтобы тебя не заметили ни взрослые, ни дети, ни кот (если тебе приходится уменьшаться, кот становится нешуточной проблемой). Одновременно наш герой пытается вернуться в Большой Хоккей, наладить отношения с подругой Карли (Эшли Джадд) и ее сыном Рэнди (Чейз Эллисон) и, конечно же, доказать Главной фее Лили (ее роль сыграла Джулия Эндрюс, некогда исполнившая роль Мэри Поппинс в знаменитом американском фильме), что и от хоккеистов может быть толк... Дуэйна Джонсона, бывшего рестлера по прозвищу Скала, принято считать преемником Арнольда Шварценеггера. И не без оснований: как и его старший товарищ, он с годами мигрирует из области «кулачных» боевиков в область комедий с самопародийным оттенком. Смех высекается за счет контраста маскулинности персонажа и явно не-мужской его профессии. Вслед за «поздним» Арни, чьи герои то подрабатывали воспитателями детсада, а то и вовсе вынашивали детишек, главный персонаж «Зубной феи», обряженный в балетную пачку и крылышки, занимается делами, для которых бицепсы не нужны и, более того, являются помехой. В финале, как водится, герой изменяется к лучшему, избавляется от былых предубеждений, возвращает уважение мальчику, любовь его мамы, расположение тренера и т. п. Есть, впрочем, в финале одна закавыка. По законам фей, человек, отработавший на этой «должности», должен затем забыть об этом эпизоде своей биографии (для этого применяется особый «амнезийный» порошок). Но тогда, выходит, Дерек Томпсон забудет и обо всем хорошем, чего он достиг за эти две недели? Сценаристы фильма так и не сумели решить эту проблему: видимо, просто запомнили о ней...

Не играйте с дьяволом

Если верить Мифологическому словарю, Парнас — гора в Греции, где обитали Аполлон и музы. В переносном смысле Парнас — мир поэзии. Все это, однако, нисколько не объясняет, отчего в новом фильме знаменитого кинокудесника Терри Гиллиама «Воображариум доктора Парнаса» (The Imaginarium of Doctor Parnassus, Канада, Франция, Великобритания, 123 минуты, «Вест-видео», 2010) у тысячелетнего доктора-алкоголика (его играет Кристофер Пламмер) имя Парнас. Ибо в склонности к искусствам вообще и к поэзии в частности персонаж этот не замечен: согласно сюжету, он разъезжает по Англии в старой цирковой развалюхе вместе с юной

дочерью Валентиной (Лили Коул), молодым фокусником Антоном (Эндрю Гарфилд) и пожилым карликом (Верн Тройер). Пока труппа без особых успехов — кому нужно это старье в век высоких технологий? — завлекает публику посетить представление, доктор-алкоголик сидит на сцене в позе Симеона-столпника (или Шалтая-Болтая, как кому нравится) и предается медитации. Но если найдется какой-нибудь простак (или хулиган, или пьяница, или, допустим, русский мафиози с пистолетом), который все же взойдет на сцену и пройдет сквозь фольгу зеркала, наш доктор инстинктивно отправит гостя в мир воображения, где бедняга будет подвергнут искушениям. Искусится — значит, душа его попадает к дьяволу (Том Уэйтс), не искувится — значит, победа на стороне доктора. Все эти игрушки на дьявольском поле для старого алкоголика — вынужденные. Дело в том, что однажды он выторговал у Сатаны бессмертие и теперь должен расплатиться за него дочерью... Ну, или пятеркой волонтеров, которых удастся заманить в ловушку зазеркалья. Поиск необходимых душ продвигается плохо, дата шестнадцатилетия Валентины неумолимо приближается, и тут труппа случайно обнаруживает чудом выжившего висельника Тони (Хит Леджер), который, оказывается, может быть отличным менеджером и привлечь недостающих зрителей. Но какую именно игру ведет Тони (или, может

быть, не ведет никакой?), ни доктору-алкоголику, ни фокуснику, влюбленному в Валентину, так и не понять... Как известно, лента Гиллиама стала последней, где успел сняться Хит Леджер; причем, он довел свою роль до половины, а потому ее продолжили Джонни Депп, Джуд Лоу и Колин Фарелл (будто бы Тони, путешествуя в зазеркалье, меняет обличья). Эти превращения могли бы изрядно запутать сюжет, если бы тот не был запутан изначально. Новый Фауст, Мефистофель в шляпе, русская мафия, карлик, балаган, качели, лестница в небо, карты Таро... Режиссер играет цитатами (в том числе и автоцитатами), тасует архетипы, однако череда однообразных фокусов вместо

действия не дает возможности ни оценить замысел художника, ни оценить визуальный ряд. И по мере просмотра фильма почему-то начинает вертеться в голове фраза из булгаковского «Театрального романа»: «На Парнасе было скучно...»

Кокнуть фюрера? Не вопрос!

Действие новой ленты знаменитого голливудского анфан-террибля Квентина Тарантино «Бесславные ублюдки» (Inglourious Basterds, США — Германия, 2009, 148 минут) начинается в 1940 году в оккупированной гитлеровцами Франции. Эсесовец Ганс Ланда (Кристоф Ланда), прозванный Охотником за евреями, оправдывает свое прозвище и находит в подвале у французского фермера прячущееся еврейское семейство, а найдя, приказывает всех расстрелять. Убежать удастся только юной Шошанне Дрейфус (Мелани Лоран), и в финале она отомстит. Пока же роль мстителей отведена нескольким добровольцам из числа американских евреев, руководимых лейтенантом Альдо Рейном (Брэд Питт). Те заброшены в немецкий тыл, чтобы наводить ужас на оккупантов, поражая жестоких нацистов еще большей жестокостью (вплоть до снятия скальпов с убитых врагов или казней при помощи бейсбольной биты). Однажды, уже в 1944 году, партизанам становится известно, что группа высокопоставленных нацистов прибудет в Париж на премьеру снятого Геббельсом (Сильвестр Гротт) пропагандистского боевика «Гордость нации» — о чрезвычайно удачливом снайпере Фридрихе Цоллере (Даниэль Брюль), который в этой ленте играет себя же. Возникает план операции «Кино» — подорвать всех вместе с кинотеатром. Однако в этот план жизнь вносит свои коррективы. Поскольку, во-первых, премьера пройдет в кинотеатре, которым владеет та самая Шошанна (она теперь выдает себя за француженку), жаждущая огненной мести, во-вторых, эсесовец Ланда, догадываясь, что войне конец, не прочь переметнуться к союзникам и ради этого прикончить своих шефов. Иными словами, у нацистских бонз, среди которых оказывается заодно и сам фюрер (Мартин Вуттке), нет ни малейших шансов уцелеть: хоть кто-нибудь, но доберется до них... После выхода фильма на экран кинокритики стали подсчитывать число киноцитат (вспомнили и «спагетти-вестерны» Серджо Леоне, и «Грязную дюжину» Роберта Олдрича, и «Пушки Наварона» Джея Ли Томпсона, и даже «Кинг-Конга», который здесь тоже поминается), киноманы — восторгаться фирменными тарантиновскими приемчиками (чередование заумных бесед с жестоким и кровавым драйвом), а отечественные зрители

на интернет-форумах — выражать возмущение из-за того, что режиссер, мол, нагло пошел против исторической правды и прикончил-таки Гитлера в 1944 году. На самом деле Тарантино был далеко не первым, кто, помогая героям отомстить, отрывался от фактов: в 1923 году, например, советский режиссер Иван Перестигани снял экранизацию повести Павла Бляхина «Красные дьяволята». Юные персонажи фильма, по вине махновцев оставшиеся без родителей, дерзко мстят «батьке», а под конец вообще захватывают Махно в плен, суют в мешок и привозят трофеем Буденному. Хотя на самом деле реальный Махно сумел сбежать за границу. Ну и что с того? Кино есть кино, художественный вымысел. Так что если уж в чем упрекать Тарантино, то не в избыточности его фантазий, а в недостатке. Зазор между фантастикой и реальностью оказался сравнительно небольшим. Разве Гитлера не могли бы действительно убить в 1944-м заговорщики вроде Клауса фон Штауффенберга? Вот если бы на голову фюрера свалился вдруг Кинг-Конг или «Титаник», это было бы и впрямь неожиданным финалом...

OPUS MIXTUM

НОВОСТИ СВЕЖИЕ, ПРЕКРАСНЫЕ

Scribe Awards

Международная ассоциация писателей по мотивам медийных произведений объявила обладателей премии Scribe этого года. Ассоциация объединяет авторов, пишущих в рамках миров, придуманных для других средств массовой информации — кино, телевидения, компьютерных игр и тому подобного. Пожалуй, авторам серии S.T.A.L.K.E.R. пора подавать коллективную заявку на вступление.

Но мы отвлеклись. Премии вручили: Кевину Джей. Андерсону за спекулятивно-фантастический роман «Враги и друзья» (о Бэтмене и Супермене) и Грегу Коксу за такой же роман «Спасение Терминатора: Холодная война»; «Генри Коулману» (да-да, именно в кавычках) и Алине Эдамс за просто роман «Как вращается мир: Человек из Окдейла».

Лучшей адаптацией стали «Тюдоры: Да будет воля Твоя» Элизабет Мэсси. А лучшей книгой для подростков признан «Бендслэм. Роман» Аарона Розенберга. Гранд-мастером стал Уильям Джонсон.

Eaton Awards for Lifetime Achievement

Самюэль Р. Дилейни и Харлан Эллисон стали обладателями премии Eaton за дело всей их жизни. Лауреатами эти прекрасные авторы стали за 2010 и 2011 годы соответственно.

Prometheus Award

Либертарианское футуристическое общество провозгласило, что «Некорпоративный человек» Дани и Айтана Коллинов получит на Озиконе-2010, который пройдет 2—6 сентября в Мельбурне, Австралия, одновременно с Ворлдконом. Пол Андерсон с рассказом «Нет мира с королями», принесшим ему в 1964 году Хьюго, войдет в Зал славы этой премии. Каждому Коллину и наследникам Андерсона вручат по золотой монете и памятные таблички.

Напомним, что премию вручают произведениям, в которых присутствует «исследование возможностей свободного будущего, борьба за права человека (включая личную и экономическую свободу), драматизация вечного конфликта между индивидуумами и правительством, критический анализ трагических последствий злоупотребления властью».

Shirley Jackson Award

На прошедшем в Барлингтоне, Массачусетс, Ридерконе вручили премию имени Ширли Джексон за выдающиеся достижения в литературе психологического саспенса, ужасов и темной фантастики. Победителями стали

- ✓ Виктор ЛаВалль с романом «Большая машина»
- ✓ Ник Антоска с повестью «Полуночный пикник»
- ✓ Стивен Кинг с короткой повестью «Моральность»
- ✓ Карен Джой Фаулер с рассказом «Бар «Пеликан»

В категории авторских сборников победителей двое — Роберт Ширман с «Любовными песнями для застенчивых и циничных» и Кевин Уилсон с «Пробивая тоннель к центру Земли». А премию за лучшую антологию увезла домой Эллен Дэтлоу за «19 новых рассказов, вдохновленных Эдгаром Алланом По».

Sky Awards

В китайской столице, городе Пекине, вручили премии Sky.

- ✓ Лучший роман 2009 года — Цзян Нан, «Однажды в Шанхае»
- ✓ Лучший рассказ или повесть — Хан Сон «Темная комната»
- ✓ Самый популярный переводной роман — Йасутака Тсутсуи «Девушка, провалившаяся сквозь время»
- ✓ Больше всех в прошлом году вложил в развитие фантастики журнал «Одиссей китайской фэнтези».

Мемориальная премия Кордвейнера Смита

Мемориальная премия Кордвейнера Смита лучшему забытому автору досталась в этом году Марку Клифтону. В далеком 1959 году роман Клифтона «Лучше бы они оказались правь», написанный им в соавторстве с Френком Рили, получил вторую в истории премию Хьюго за роман. Сам Клифтон умер четыре года спустя, в 1963 году, но для премии имени одного из величайших малоизвестных авторов в истории фантастики нет преград в восстановлении справедливости.

Давайте же ценить тех, кто пока с нами.

Благо, они в этом месяце тоже писали книжки.

Книжные новинки

В «АСТ» вышла пара книг в серии «Вселенная «Метро 2033»»: у Шимуна Врочека «Питер», а у Андрея Ерпылева — «Выход силой». В новой серии «Технотьма» вышло два романа Андрея Левичкого и Алексея Бобла — «Варвары Крыма» и «Кланы Пустоши». И несколько переводных книг про вампиров.

В «ЭКСМО» вышли романы Сергея Садова «Князь Вольдемар Старинов. Книга первая: «Уйти, чтобы выжить» и Павла Комарницкого «День ангела». И много переводных книг про вампиров.

Одна «Армада» не грустит и не печатает переводные книги про вампиров, а издает впервые или под новой обложкой романы Андрея Круза «От чужих берегов», «У Великой реки» и в соавторстве с Марией Круз «Земля лишних», Анны Тьмы «Крылатый», Евгения Красницкого «Отрок. Богам — божье, людям — людское», Романа Артемьева и Валентина Холмогорова «Хроники Аскета. Третья сила», Алексея Пехова, Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой «Новые боги» и «Колдун из клана Смерти», Марины Миловановой «Воровка. Игра обстоятельств», Олега Шелонина и Виктора Баженова «Невеста для императора», Татьяны Устименко «Второе пророчество», Александра Рудазова «Совет Двенадцати», Татьяны Форш «Корона Всевластия», Натальи Савицкой «Желание жить», Елены Картур «Снежный Барс», Елены Беловой «Сердце феникса. Возрождение из пепла», Натальи Бульбы «Вторжение», Галины Романовой «История одного эльфа», Андрея Величко «Гатчинский коршун», Валерия Елманова «Не хочу быть полководцем» и Александра Поклада «Смута 400 лет спустя».

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 8 (84), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» – 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.